

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5113 (print)

2024 / № 1

ISSN 2949-5105 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Психологические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки); 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” on the following scientific specialities: 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences); 5.3.3. Labor psychology, human engineering, cognitive ergonomics (psychological sciences); 5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment (psychological sciences); 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2949-5113 (print)

2024 / № 1

ISSN 2949-5105 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки»:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. – д-р психол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. – д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. – к. психол. н., доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Иванников В. А. – академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карабанова О. А. – д-р психол. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карри К. – д-р психол. наук, Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. – д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. – д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Митина Л. М. – д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. – д-р психол. наук, профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Утлик Э. П. – д-р психол. наук, проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. – д-р ист. наук, проф., Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова

Шнейдер Л. Б. – д-р психол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный университет

Эрнер И. – д-р психол. наук, проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2949-5113 (print)

ISSN 2949-5105 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте Вестника Государственного университета просвещения (www.psumgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2024. – № 1. – 160 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.psumgou.ru

Founder of journal
“Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences”
Federal State University of Education

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

O. A. Karabanova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Federal State University of Education

L. M. Mitina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Salem State University (Massachusetts, USA)

E. P. Utlik – Dr. Sci. (Psychology), Prof., State University of Management

M. V. Firsov – Dr. Sci. (History), Prof., I.M. Sechenov First Moscow State Medical University

L. B. Shneider – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in Psychology, Prof., City University of New York (USA)

ISSN 2949-5113 (print)

ISSN 2949-5105 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73333

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the State University of Education (www.psymgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the State University of Education» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences. – 2024. – no. 1. – 160 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.psymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Зекерьяев Р. И.* Психологические особенности ценностей в виртуальном пространстве личности, склонной к кибераддикции 6
- Колобова С. В.* Особенности саморегуляции военных корреспондентов 18
- Печеркина А. А., Коваленко А. А.* Особенности эмоционального благополучия учителя 34

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Афанаскин А. Б., Шульга Т. И.* Сравнительный анализ восприятия социальной напряжённости жителями России и Казахстана 48
- Горбатовская Ю. В.* Эмоционально-установочная модель вины и её структурно-содержательное наполнение и социальное проявление. 70
- Нестерова А. А., Щукина О. Г.* Особенности проявления романтической ревности и построения отношений у мужчин и женщин. 87
- Цветкова Н. А.* Особенности социально-психологического статуса студентов с социальной тревогой в родительской семье 105

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

- Басина Т. А.* Особенности совладания со стрессом сотрудников уголовно-исполнительной системы с учётом уровня их жизнестойкости 121
- Егоренко Т. А.* Временная перспектива психолога как субъекта труда на этапе допрофессионального развития 131
- Терещенко Н. Г., Климанова Н. Г., Шаймухаметова С. Ф.* Карьерные ориентации и способность к самоуправлению обучающихся, ориентированных на предпринимательскую деятельность 145

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- R. Zekeriaev.* Psychological Features of Values in the Virtual Space of a Person Prone to Cyber Addiction. 7
- S. Kolobova.* Features of Self-Regulation of War Correspondents 19
- A. Pecherkina, A. Kovalenko.* Features of the Emotional Well-Being of the Teacher 34

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

- A. Afanaskin, T. Shulga.* Comparative Analysis of the Perception of Social Tension by Residents of Russia and Kazakhstan. 49
- Y. Gorbatovskaya.* The Emotional-Installation Model of Guilt and Its Structural and Meaningful Content and Social Manifestation. 71
- A. Nesterova, O. Shchukina.* Features of Romantic Jealousy and Relationship Building in Men and Women 88
- N. Tsvetkova.* Features of the Social and Psychological Status of Students Who are Sociophobes in the Parental Family. 105

LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, COGNITIVE ERGONOMICS

- T. Basina.* Peculiarities of Coping with Stress of Employees of the Penal and Correctional System Taking into Account Their Level of Resilience 122
- T. Egorenko.* Time Perspective of a Psychologist as a Subject of Labor at the Stage of Pre-Professional Development. 131
- N. Tereshchenko, N. Klimanova, S. Shaimukhametova.* Career Orientations and Ability for Self-Management of Students Oriented on Entrepreneurial Activities 145

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-6-17

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТЕЙ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИЧНОСТИ, СКЛОННОЙ К КИБЕРАДДИКЦИИ

Зекерьяев Р. И.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить психологические особенности ценностей в виртуальном пространстве личности, склонной к кибераддикции.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 60 интернет-пользователей: 24 мужчины и 36 девушек в возрасте от 18 до 40 лет. Использовались следующие методы и методики: констатирующий эксперимент (методика «Виртуальная идентичность пользователей социальных сетей» Д. Н. Погорелова, авторский исследовательский опросник «Ценностно-смысловая сфера личности в интернет-пространстве»); методы математико-статистической обработки данных (частотный анализ, Н-критерий Крускалла-Уоллиса, корреляционный анализ). В ходе исследования было использовано прикладное программное обеспечение «SPSS 22.0» и «MS Excel 2021».

Результаты. Выявлено, что для респондентов, склонных к кибераддикции, характерна высокая значимость в виртуальном пространстве ценности иной жизни, ценности лёгкого успеха и ценности развлечений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть использованы практическими психологами в ходе сопровождения процесса интернет-социализации личности.

Ключевые слова: кибераддикция, интернет-зависимость, ценности личности в виртуальном пространстве, ценность иной жизни, ценность лёгкого успеха, ценность развлечений

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF VALUES IN THE VIRTUAL SPACE OF A PERSON PRONE TO CYBER ADDICTION

R. Zekeriaev

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov per. Uchebnyi 8, Simpheropol, 295015, Republic of Crimea, Russian Federation

Abstract

Aim. Reveal the psychological features of values in the virtual space of a person prone to cyberaddiction.

Methodology. The study involved 60 Internet users: 24 men and 36 women aged 18 to 40 years. During the study were used following methods: ascertaining experiment (method « Virtual identity of users of social networks» by D. N. Pogorelov, the author's research questionnaire «Value-semantic sphere of personality in the Internet space»); methods of statistical data processing (frequency analysis, the Kruskal-Wallis H-test, correlation analysis). During the study was used the application software «SPSS 22.0» and «MS Excel 2021».

Results. Proved that a person prone to cyberaddiction are characterized by high importance in the virtual space of the value of another life, the value of easy success and the value of entertainment.

Research implications. The results of the study can be used by practical psychologists during the accompanying the process of Internet socialization of the person.

Keywords: cyberaddiction, Internet addiction, personal values in the virtual space, value of another life, value of easy success, value of entertainment

Введение

В современном мире развитие информационно-компьютерных технологий приводит к всё большему расширению жизненного пространства личности за счёт её вхождения в сеть Интернет. Вместе с этим возникает риск формирования у интернет-пользователя склонности к кибераддакции, которая представляет собой навязчивое желание использовать ресурсы виртуального пространства, неконтролируемо проводя в нём большое количество времени. Несмотря на большое количество научных работ, посвящённых интернет-зависимости, не до конца изученным остаётся вопрос о психологических особенностях личности, склонной к кибераддакции. Одной из таких особенностей может являться ценностная сфера личности в

интернет-пространстве, которая в целом определяет особенности жизнедеятельности пользователя в социокультурном пространстве сети Интернет. Таким образом, целью данного исследования выступает выявление психологических особенностей ценностей в виртуальном пространстве личности, склонной к кибераддакции.

Теоретический обзор литературы по проблеме исследования

На данном этапе развития научной мысли существует большое количество работ, посвящённых изучению кибераддакции как психологического феномена.

Д. Н. Погорелов и Е. А. Рыльская, изучая феномен кибераддакции, определяли его как навязчивое желание личности пользоваться ресурсами

виртуального пространства и проводить в нём большое количество времени. По мнению учёных, базовой детерминантой интернет-зависимости могут выступать не до конца разрешённые возрастные кризисы, в свою очередь приводящие к развитию кризиса идентичности. Вместе с этим сеть Интернет может выступать расширением жизненного пространства личности, в котором она способна разрешить свой кризис за счёт возможности создания желаемой виртуальной среды и конструирования своего образа в ней. Вместе с этим исследователи отмечали, что при высоком уровне кибераддикции интернет-пользователь склонен считать интернет-пространство более приоритетным по отношению к реальному и проводить в нём длительное время, осуществляя бесцельное времяпровождение, носящее порой компульсивный характер [10].

Н. В. Кочетков в своих исследованиях отмечал, что для интернет-аддиктивных пользователей свойственны дезадаптивное поведение, а также отклонение от нормы в проявлении различных особенностей личности, связанных с волевой, мотивационной, ценностной сферами. Учёный также говорил о том, что сеть Интернет может оказывать негативное влияние на личность, в частности, повышая примитивность речи, вызывая стремление социальной изоляции. Интернет-аддикты, по мнению Н. В. Кочеткова, часто сталкиваются с трудностями в межличностном взаимодействии, склонны к негативизму и нарушению социально-одобряемых норм поведения. Однако вместе с этим исследователь также отмечал, что времяпровождение в виртуальном пространстве может носить констру-

тивный характер, т. к. оно в целом способно расширять ресурсный потенциал интернет-пользователей [5].

Е. С. Ласыгина и А. С. Челнокова в процессе изучения кибераддикции выявили несколько её видов, к которым они относили сёрфинг (как компульсивное и лишённое смысла посещение различных веб-страниц), игровую зависимость (чрезмерное времяпровождение за компьютерными играми, носящее систематический характер), финансовую зависимость (стремление активно приобретать различные товары и услуги на торговых площадках в сети Интернет), азартность (желание достигнуть успеха путём изменения состояния сознания с помощью возможностей виртуального пространства), зависимость от общения (чрезмерное социальное взаимодействие с другими участниками виртуальной коммуникации, носящее хаотичный характер) и зависимость от видео (систематическая трата большого количества времени на просмотр видеоматериалов), К причинам кибераддикции исследователи относили особенности психологической жизни интернет-пользователей, например субъективно переживаемое одиночество, убеждение в отсутствии ответственности за своё поведение в сети Интернет, психологические проблемы и т. д. [6].

Т. В. Гармаева и Т. И. Бухольцева выделяли ряд детерминант интернет-зависимого поведения. Одной из них, по мнению учёных, является подростковый возраст, к психологическим особенностям которого можно отнести сложность установления межличностных контактов. К психологическим предпосылкам возникновения у личности кибераддикции Т. В. Гармаева

и Т. И. Бухольцева относили отсутствие возможности самовыражения в реальном пространстве, проблемы с социальной адаптацией, низкую самооценку, замкнутость и склонность к изоляции. Исследователи отмечали, что в социокультурном пространстве сети Интернет благодаря его анонимности пользователи могут более свободно выражать свои мысли, испытывают меньшую тревогу от возможного осуждения. Однако в этом же заключается и опасность, т. к., по мнению учёных, чрезмерное времяпровождение в интернет-пространстве вызывает максимальный перенос социальной жизнедеятельности личности из реального мира в виртуальный [1].

О. Ю. Копылова и К. Ю. Федорченко выделяли три основных стадии формирования интернет-зависимости. Первая стадия представляет собой инфоманию, которую исследователи определяли как стремление поиска различной информации даже без необходимости в этом. Второй этап характеризуется комплексом дефицита внимания, который вызывается чрезмерной информационной нагрузкой и проявляется в форме раздражительности, повышенной нервозности, в потере способности систематизировать новую информацию, замкнутости и дезорганизации поведения. В качестве третьей стадии О. Ю. Копылова и К. Ю. Федорченко выделяли так называемый «информационный инсульт», который можно определить как состояние личности, при котором отмечается её неспособность критически оценивать поступающий поток информации и наблюдается нарушение физиологической способности нейронов мозга формировать новые нейронные связи [4].

Д. Ю. Мамаев и Е. В. Мамаева в своих исследованиях отмечали, что при неконтролируемом систематическом пребывании в интернет-пространстве у личности может снижаться уровень интеллекта, нарушаться работа когнитивных психических процессов. Учёными также было выявлено, что при постоянном чрезмерном общении через виртуальные каналы коммуникации у интернет-пользователя отмечается потеря способности к конструктивному построению социальных контактов в реальной жизни. Д. Ю. Мамаев и Е. В. Мамаева отмечали, что преимущества и возможности, предоставляемые интернет-пространством, при неконтролируемом и чрезмерном использовании могут оказывать деструктивное влияние на личность, повышая её стрессочувствительность и вызывая стремление к социальной изоляции и пренебрежение режимами сна и питания [8].

А. О. Кибитов, А. В. Трусова и А. Ю. Егоров, исследуя феномен интернет-зависимости, отмечали, что для него характерна клиническая картина, состоящая из триады базовых симптомов. Одним из таковых является как повышение толерантности, которое проявляется как постоянно растущее количество времени, проводимого в виртуальном пространстве, а также высокая интенсивность деятельности в сети Интернет. Вторым симптомом является потеря качественно-количественного контроля над интернет-активностью, при котором личность неспособна контролировать свою ситуационную деятельность в сети, а само пребывание в виртуальном пространстве замещает жизнь в реальности. К симптомам триады интернет-

зависимости также можно отнести абсистенцию, которая проявляется в форме тревоги, депрессивных состояний, дисфории, повышения суицидального риска в ситуации невозможности проводить время в виртуальном пространстве [3].

И. А. Макарова и С. А. Резников отмечали высокую степень схожести кибераддикции с другими видами зависимостей. По мнению исследователей, базовыми детерминантами формирования интернет-зависимости является низкий уровень эмоционального интеллекта, эмпатических способностей и социального интеллекта. Исследователи также отмечали, что механизм, который нивелирует защитные способности личности, является дефицитарность развития её когнитивной, социальной и интеллектуальной сфер. И. А. Макарова и С. А. Резников выявили, что к бегству из реального пространства в виртуальную среду могут приводить также искажённо воспринимающие реальность модели восприятия и обработки информации социального характера. Вследствие этого личность, не будучи способной конструктивно адаптироваться в реальном социуме, предпочитает изоляцию в интернет-пространстве, в котором она может конструировать удобную для жизнедеятельности виртуальную социальную среду [7].

Дж. Блок в своих исследованиях выделял три основных типа кибераддикции: чрезмерную игровую активность, сексуальную зависимость, зависимость от ресурсов социального взаимодействия. При этом во всех этих вариантах интернет-зависимости, по мнению учёного, отмечается ряд изменений,

происходящих в личности аддикта: нарушение субъективного восприятия времени, состояние абсистенции, увеличение количества проводимого за гаджетами времени, изменения в социальном взаимодействии с окружением (стремление к изоляции, частые конфликты, апатия и т. д.) [11].

И. Голдберг, изучая феномен кибераддикции, определял ряд собственных её критериев. К ним учёный относил нежелание прерывать деятельность в виртуальном пространстве, ухудшение общего физического самочувствия, нарушение режимов сна и питания с целью продлить время пребывания в сети Интернет, большое количество финансовых трат на обслуживание работы гаджетов. Исследователь также отмечал, что для эмоциональной сферы интернет-аддикта характерны высокая раздражимость, возбудимость и низкая стрессоустойчивость. По мнению учёного, у личности, склонной к интернет-зависимости, также происходят изменения в мотивационно-потребностной сфере, а именно повышается потребность пребывания в виртуальном пространстве сети Интернет [12].

М. Гриффитс в своих исследованиях выявил, что интернет-зависимость представляет собой один из вариантов технологической аддикции, носящий нехимический характер и выражающийся в чрезмерном взаимодействии личности и гаджетов. При этом кибераддикция, по мнению учёного, может быть как пассивной (при которой человек выступает потребителем информации), так и активной (при котором пользователь создает новую или изменяет существующую информацию). Исследователь также отмечал, что же-

вание проведения времени за гаджетами для личности, склонной к кибераддикции, приобретает высокую степень значимости [13].

Ф. Ленихэн, изучая феномен кибераддикции, отмечал, что виртуальное пространство не может само по себе провоцировать формирование зависимости, оно лишь даёт возможность для реализации уже существующих аддикций. Так, как полагает учёный, если интернет-пользователь склонен проводить много времени в виртуальных играх, то речь идёт именно об игровой зависимости, а сеть Интернет является лишь одним из возможных ресурсов для её реализации [14].

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на большое количество современных исследований, посвящённых феномену кибераддикции, актуальным остаются вопросы о психологических особенностях личности с различным уровнем кибераддикции. Одними из таких могут выступать ценности личности в виртуальном пространстве. Возникая и реализуясь в виртуальной среде, они определяют особенности поведения личности в социокультурном пространстве сети Интернет. Ценности личности в виртуальном пространстве могут быть представлены в виде ценностей-убеждений относительно роли сети Интернет в жизни человека и ценностей-действий, характеризующих предпочитаемую деятельность в виртуальной среде [2].

Представление результатов исследования

Эмпирическую базу исследования составили 60 человек, среди которых 26 мужчин и 34 женщины в возрасте от 18 до 45 лет. В качестве испытуе-

мых выступили случайные пользователи сети Интернет, которым были разосланы приглашения на участие в исследовании.

В ходе исследования были использованы следующие методы: констатирующий эксперимент (методика «Виртуальная идентичность пользователей социальных сетей» Д. Н. Погорелова [9] и авторский исследовательский опросник «Ценностно-смысловая сфера личности в интернет-пространстве» [2]); методы математико-статистической обработки данных (частотный анализ, корреляционный анализ, Н-критерий Крускала-Уоллиса). В ходе исследования было использовано прикладное программное обеспечение SPSS 22.0 и MS Excel 2021.

Респондентам также предлагалось написать самоотчёт в форме мини-сочинения «Моя жизнь в интернете». В качестве опорных вопросов к самоотчёту выступили: «Расскажите о своей жизни в сети Интернет?», «Чем вы обычно занимаетесь в Сети?», «Какая из возможностей виртуальной жизни для вас особенно значима?».

В ходе исследования было обнаружено, что в выборке присутствуют респонденты с низким (14 человек: 7 мужчин и 7 женщин), средним (30 человек: 13 мужчин и 17 женщин) и высоким (16 человек: 6 мужчин и 10 женщин) уровнями склонности к кибераддикции, по методике «Виртуальная идентичность пользователей социальных сетей» Д. Н. Погорелова.

Было обнаружено, что у респондентов с различным уровнем кибераддикции существуют различия в степени выраженности ценностей-действий личности в виртуальном пространстве (рис. 1).

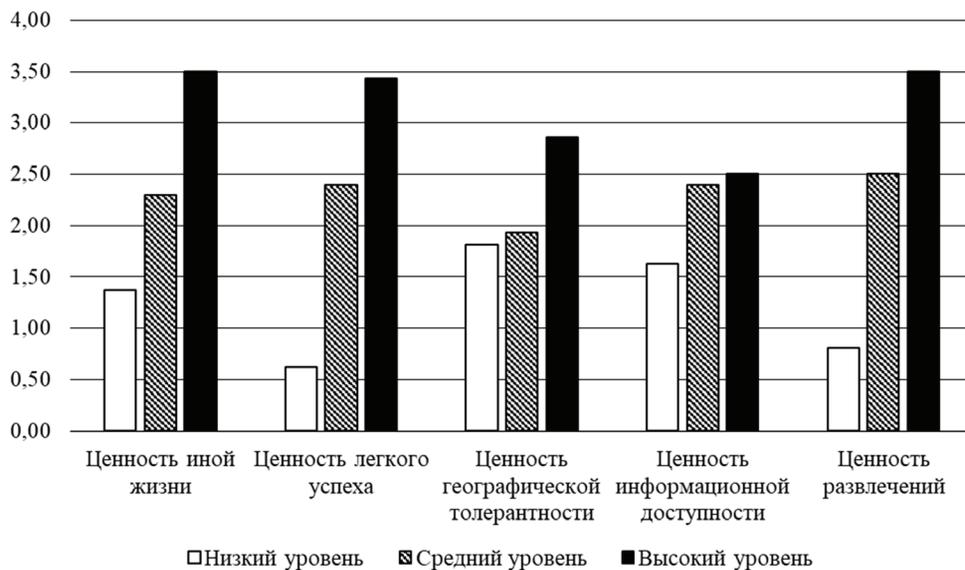

Рис. 1. / Fig. 1. Сравнение выраженности ценностей-действий в виртуальном пространстве групп респондентов с различным уровнем кибераддикции / Comparison of the severity of value-actions in the virtual space of groups of respondents with different levels of cyberaddiction

Источник: данные автора.

Из сведений, представленных на рисунке 1, видно, что с ростом уровня кибераддикции повышается также значимость ценности иной жизни, ценности лёгкого успеха и ценности развлечений.

Существование различий в выраженности ценностей-действий в

изучаемых группах респондентов были также обоснованы с помощью Н-критерия Крускалла-Уоллиса (рис. 2).

Из рисунка 2 видно, что у групп респондентов с различным уровнем кибераддикции существуют статистически достоверные различия в про-

Статистические критерии^{a,b}

	Ценность иной жизни	Ценность легкого успеха	Ценность географической толерантности	Ценность информационной доступности	Ценность развлечений
Chi-квадрат	26,259	35,314	2,152	6,770	37,780
ст. св.	2	2	2	2	2
Асимптотическая значимость	,000	,000	,341	,034	,000

a. Критерий Краскела-Уоллиса

b. Группирующая переменная: Уровень кибераддикции

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты применения Н-критерия Крускалла-Уоллиса / Results of applying the Kruskal-Wallis H-test

Источник: данные автора.

явлении ценности иной жизни ($H_{эмп} = 26,259$, $p < 0,05$), ценности лёгкого успеха ($H_{эмп} = 35,314$, $p < 0,05$) и ценности развлечений ($H_{эмп} = 37,780$, $p < 0,05$).

Для обоснования существования взаимосвязи между склонностью личности к киберраддикции и выраженностью ценностей-действий личности в виртуальном пространстве был проведён корреляционный анализ Спирмена (рис. 3).

Из рисунка 3 видно, что существует статистически достоверная сильная

прямая связь между показателем киберраддикции и выраженностью ценности иной жизни ($r = 0,717$), ценности лёгкого успеха ($r = 0,709$) и ценности развлечений ($r = 0,723$).

Данное явление может быть объяснено тем, что ценность иной жизни заключается в возможности одновременно проживать в виртуальном пространстве несколько жизней и создавать образы, неконгруэнтные реальной личности, которая их создаёт. Ценность лёгкого успеха заключается

Корреляции

			Балл киберраддикции
Ро Спирмана	Балл киберраддикции	Козэффициент корреляции	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	.
		N	60
Ценность иной жизни		Козэффициент корреляции	,717
		Знач. (2-х сторонняя)	,000
		N	60
Ценность легкого успеха		Козэффициент корреляции	,709
		Знач. (2-х сторонняя)	,000
		N	60
Ценность географической толерантности		Козэффициент корреляции	,118
		Знач. (2-х сторонняя)	,368
		N	60
Ценность информационной доступности		Козэффициент корреляции	,311
		Знач. (2-х сторонняя)	,015
		N	60
Ценность развлечений		Козэффициент корреляции	,723
		Знач. (2-х сторонняя)	,000
		N	60

Рис. 3. / Fig. 3. Результаты корреляционного анализа / Correlation analysis results

Источник: данные автора.

в значимости сети Интернет как ресурса, где результат деятельности достигается значительно быстрее, чем в реальном пространстве, благодаря возможности быстрой и широкой обратной связи в любом виртуальном социальном взаимодействии. Ценность развлечений заключается в восприятии виртуального пространства как площадки для досуга и игр. Все эти возможности виртуального пространства связаны с необходимостью проводить больше времени в сети Интернет, что при отсутствии волевого контроля поведения интернет-пользователя может приводить к чрезмерно активному времяпровождению в виртуальной среде, что, в свою очередь, может вызывать кибераддикцию.

Данное явление также нашло своё отражение в ходе контент-анализа самоотчёта респондентов: «Я не скажу, что интернет – это вся моя жизнь, но это её важная часть. Там мои друзья со всего мира, с которыми мы постоянно во что-то играем или устраиваем всякие тематические конкурсы. И для меня этого общения в интернете более, чем достаточно» (парень, 22 года, высокий уровень кибераддикции); «Я пишу рассказы и выкладываю их в интернет. И у меня уже есть постоянные читатели, мне пишут комментарии, задают вопросы о героях историй. Приходится, конечно, отвечать, даже если на это уходит много времени, но это приятно. А главное, что я развернулась в творческом направлении быстрее, чем можно было бы ожидать. В реале я бы так не смогла» (девушка, 25 лет, высокий уровень кибераддикции); «У меня несколько профилей в социальных сетях. И в каждом профиле своя жизнь. В одном – я лидер

клана MMORPG игры и даю советы новичкам на форуме. В другом – я люблю троллить людей в комментариях. В третьем – я более-менее настоящий, каким меня знают друзья и знакомые. И все три профиля мне нужны, потому что каждый из них отражает какую-то часть меня» (мужчина, 32 года, высокий уровень кибераддикции); «Я не так много сижу в интернете. Работа, друзья, досуг – это у меня про настоящую жизнь, в которой можно встречаться в кафе, поехать куда-то отдохнуть, даже в настольную “Мафию” собрать поиграть. В интернете же нет той атмосферы, которая бывает в живом общении» (девушка, 27 лет, низкий уровень кибераддикции); «Моя жизнь в интернете – это вопрос случая. Да, у меня есть аккаунты в мессенджерах, есть профили в социальных сетях, но это же совсем иное. Жить, развиваться и достигать чего-то нужно вот здесь, а не в компьютере. Хотя порой интернет спасает, например, чтобы собраться компанией в том же скайпе и пообщаться. Хотя, если бы была возможность встретиться всем вживую, это было бы лучше» (парень, 24 года, средний уровень кибераддикции).

Заключение

Таким образом, в ходе исследования было определено, что кибераддикция представляет собой навязчивое желание личности пользоваться ресурсами виртуального пространства и проводить в нём большое количество времени. Интернет-зависимость может приобретать различные формы, такие как компульсивное посещение различных веб-страниц, чрезмерное времяпровождение за компьютерными играми, стремление активно при-

обретать различные товары и услуги в Сети, желание достигать успеха путём изменения состояния сознания с помощью возможностей виртуального пространства, непрерывное хаотичное социальное взаимодействие с другими участниками виртуальной коммуникации и систематическая трата большого количества времени на просмотр видеоматериалов.

Было обнаружено, что существует взаимосвязь между уровнем кибераддикции и выраженностью таких ценностей личности в виртуальном пространстве, как ценность иной жизни, ценность лёгкого успеха и ценность развлечений. При этом сеть Интернет воспринимается личностью как пространство, в котором в связи со скоростью обмена информационными потоками можно быстро достигать желаемых целей и задач. При этом интернет-пространство также предоставляет возможности для реализации рекреационной функции и для едино-

временного проживания большого количества виртуальных жизней. Можно предположить, что данные особенности виртуального пространства могут представлять собой ценность, что приводит к желанию проводить большее количество времени в Сети и, как следствие, формированию у личности кибераддикции.

Практическая значимость полученных в ходе данного исследования результатов заключается в том, что они могут применяться практическими психологами в процессе психологического сопровождения личности при её киберсоциализации. Перспектива дальнейших исследований заключается в поиске взаимосвязей между склонностью личности к кибераддикции и прочими психологическими особенностями её ценностно-смысловой, эмоциональной и мотивационной сфер.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Гармаева Т. В., Бухольцева Т. И. Особенности межличностных отношений подростков с проявлениями склонности к интернет-зависимости // Наукосфера. 2021. № 1 (1). С. 47–53.
2. Зекерьяев Р. И. Стандартизация опросника «Ценностно-смысловая сфера личности в интернет-пространстве» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2022. № 4. С. 53–58.
3. Кибитов А. О., Трусова А. В., Егоров А. Ю. Интернет-зависимость: клинические, биологические, генетические и психологические аспекты // Вопросы наркологии. 2019. № 3 (174). С. 22–47.
4. Копылова О. Ю., Федорченко К. Ю. Информационная избыточность и Интернет-зависимость // Актуальные проблемы современной науки и практики. 2021. № 4. С. 215–219.
5. Кочетков Н. В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 27–54.
6. Ласыгина Е. А., Челнокова А. С. Проблема интернет-зависимости подростков России // Столица науки. 2020. № 6 (23). С. 443–447.
7. Макарова И. А., Резников С. А. Проблема интернет-зависимости в подростковой среде // Вопросы педагогики. 2020. № 6-2. С. 146–150.

8. Мамаев Д. Ю., Мамаева Е. В. Гемблинг и интернет-зависимость как вид аддиктивного поведения личности // *Человек. Наука. Социум*. 2021. № 4 (8). С. 200–214.
9. Погорелов Д. Н. Психологическое содержание и диагностика виртуальной идентичности пользователей социальных сетей. Челябинск: Чиппкро, 2022. 96 с.
10. Погорелов Д. Н., Рылская Е. А. Структура виртуальной идентичности как интегрального феномена // *Психология. Психофизиология*. 2021. Т. 14. № 3. С. 57–68.
11. Block J. J. Issues for DSM-V: internet addiction // *American Journal of Psychiatry*. 2008. № 165. P. 306–307.
12. Goldberg I. Internet Addiction Disorder (IAD) // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 191. P. 1372–1376.
13. Griffiths M. D. A “components” model of addiction within a biopsychosocial framework // *Journal of Substance Use*. 2010. № 10. P. 191–197.
14. Lenihan F. Computer addiction – a skeptical view: Invited commentary on: Lost online // *Advances in Psychiatric Treatment*. 2007. № 13. P. 31–33.

REFERENCES

1. Garmeva T. V., Buholceva T. I. [Peculiarities of interpersonal relationships among adolescents with manifestations of Internet addiction]. In: *Naukosfera* [Scienceosphere], 2021, no. 1 (1), pp. 47–53.
2. Zekeryaev R. I. [Standardization of the questionnaire “Value-semantic sphere of personality in the Internet space”]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern science: current problems of theory and practice. Series: Cognition], 2022, no. 4, pp. 53–58.
3. Kibitov A. O., Trusova A. V., Egorov A. Yu. [Internet addiction: clinical, biological, genetic and psychological aspects]. In: *Voprosy narkologii* [Questions of Narcology], 2019, no. 3 (174), pp. 22–47.
4. Kopylova O. Yu., Fedorchenko K. Yu. [Information redundancy and Internet addiction]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoj nauki i praktiki* [Current problems of modern science and practice], 2021, no. 4, pp. 215–219.
5. Kochetkov N. V. [Internet addiction and dependence on computer games in the works of domestic psychologists]. In: *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2020, vol. 11, no. 1, pp. 27–54.
6. Lasygina E. A., Chelnokova A. S. [The problem of Internet addiction among adolescents in Russia]. In: *Stolica nauki* [Capital of Science], 2020, no. 6 (23), pp. 443–447.
7. Makarova I. A., Reznikov S. A. [The problem of Internet addiction in the teenage environment]. In: *Voprosy pedagogiki* [Questions of pedagogy], 2020, no. 6-2, pp. 146–150.
8. Mamaev D. Yu., Mamaeva E. V. [Gambling and Internet addiction as a type of addictive behavior of a person]. In: *Chelovek. Nauka. Socium* [Chelovek. The science. Society], 2021, no. 4 (8), pp. 200–214.
9. Pogorelov D. N. *Psihologicheskoe sodержание i diagnostika virtual'noj identichnosti pol'zovatelej social'nyh setej* [Psychological content and diagnostics of virtual identity of users of social networks]. Chelyabinsk, Chippkro Publ., 2022. 96 p.
10. Pogorelov D. N., Rylskaya E. A. [The structure of virtual identity as an integral phenomenon]. In: *Psihologiya. Psihofiziologiya* [Psychology. Psychophysiology], 2021, vol. 14, no. 3, pp. 57–68.
11. Block J. J. Issues for DSM-V: internet addiction. In: *American Journal of Psychiatry*, 2008, no. 165, pp. 306–307.

12. Goldberg I. Internet Addiction Disorder (IAD). In: *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 191, pp. 1372–1376.
13. Griffiths M. D. A “components” model of addiction within a biopsychosocial framework. In: *Journal of Substance Use*, 2010, no. 10, pp. 191–197.
14. Lenihan F. Computer addiction – a skeptical view: Invited commentary on: Lost online. In: *Advances in Psychiatric Treatment*, 2007, no. 13, pp. 31–33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зекерьяев Руслан Ильвисович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова;
e-mail: ruslan51291@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8366-0183

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan I. Zekeriaev – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of the Department of Psychology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov;
e-mail: ruslan51291@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8366-0183

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зекерьяев Р. И. Психологические особенности ценностей в виртуальном пространстве личности, склонной к кибераддикции // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 6–17.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-6-17

FOR CITATION

Zekeryaev R. I. Psychological characteristics of values in the virtual space of a person prone to cyber addiction. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 6–17.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-6-17

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-18-33

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

Колобова С. В.

*Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи
287542, г. о. Мариупольский, г. Мариуполь, пр-т Строителей, д. 129А,
Донецкая Народная Республика, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление различий в саморегуляции, жизнестойкости и толерантности к неопределённости между военными корреспондентами и журналистами.

Процедура и методы. Исследование проведено на военных корреспондентах и журналистах. В группу военных корреспондентов вошли 54 человека, в группу журналистов – 50 человек. Возраст испытуемых варьируется от 23 до 55 лет. Для получения эмпирических данных были использованы: опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой и И. Н. Бондаренко, «Тест жизнестойкости» Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой, «Шкала толерантности к неопределённости» Т. В. Корниловой. При статистической обработке данных использовались методы первичной обработки данных и описательной статистики, корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Спирмена, критерий U Манна-Уитни. Статистическая обработка проводилась в программе SPSS, версия 23.

Результаты. В результате проведённой работы выявлены статистически значимые различия в показателях саморегуляции, жизнестойкости и толерантности к неопределённости между группами военных корреспондентов и журналистов, женщин и мужчин – военных корреспондентов. Выявлены и описаны значимые взаимосвязи между показателями саморегуляции и жизнестойкости и толерантности к неопределённости в группах военных корреспондентов, журналистов, женщин – военных корреспондентов и мужчин – военных корреспондентов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты показывают, что военные корреспонденты имеют отличительные особенности в саморегуляции при сравнении их с обычными журналистами, не работающими в зоне боевых действий, а также отличительные особенности в жизнестойкости и толерантности к неопределённости, что позволяет выявить слабые и сильные стороны психологических характеристик военкоров и разработать меры по их коррекции. Представлены перспективы дальнейших исследований в области саморегуляции, жизнестойкости и толерантности к неопределённости военных корреспондентов.

Ключевые слова: военные корреспонденты, жизнестойкость, журналисты, саморегуляция, толерантность к неопределённости

FEATURES OF SELF-REGULATION OF WAR CORRESPONDENTS

S. Kolobova

Mariupol State University named after A. I. Kuindzhi

pr-t. Stroiteley, 129A, Donetsk People's Republic, Mariupol, Mariupolsky, 287542, Russian Federation

Abstract

Aim. Identification of differences in self-regulation, hardiness and tolerance to uncertainty between war correspondents and journalists.

Methodology. The study was conducted on war correspondents and ordinary journalists. The group of war correspondents included 54 people, the group of journalists – 50 people. The age of the subjects varies from 23 to 55 years old. To obtain empirical data, the following were used: the questionnaire “Style of self-regulation of behavior” by V. I. Morosanova and I. N. Bondarenko, “Test of resilience” by D. A. Leontiev and E. I. Rasskazova, “Scale of tolerance to uncertainty” by T.V. Kornilova. In statistical data processing, the methods of primary data processing and descriptive statistics, correlation analysis using the Spearman correlation coefficient, and the Mann-Whitney U criterion were used. Statistical processing was carried out in the SPSS program, version 23.

Results. As a result of the conducted work, statistically significant differences in indicators of self-regulation, resilience and tolerance to uncertainty were revealed between groups of war correspondents and journalists, women and men of military correspondents. Significant correlations between indicators of self-regulation and resilience and tolerance to uncertainty in groups of war correspondents, journalists, female war correspondents and male war correspondents have been identified and described.

Research implications. The results show that war correspondents have distinctive features in self-regulation when compared with ordinary journalists who do not work in a combat zone, as well as distinctive features in resilience and tolerance to uncertainty, which allows us to identify the weaknesses and strengths of the psychological characteristics of military personnel and develop measures to correct them. The prospects for further research in the field of self-regulation, resilience and tolerance to uncertainty of war correspondents are presented.

Keywords: hardiness, journalists, self-regulation, tolerance to uncertainty, war correspondents

Введение

Актуальность и значимость проблемы эмпирического исследования обусловлена двумя причинами. Во-первых, в настоящее время, в условиях проведения Специальной военной операции и других военных действий по всему миру, повысилась востребованность и значимость военных корреспондентов, в чьи обязанности входит получение и передача оперативной, качественной и достоверной информа-

ции с мест боевых действий. При этом осуществление профессиональной деятельности в условиях постоянной угрозы жизни и здоровью, высокой неопределённости из-за неизвестности будущих событий, отсутствия каких-либо гарантий, практически ежедневного столкновения с ужасами войны негативным образом влияет на психоэмоциональное состояние военных корреспондентов, подвергая их постоянному стрессу и чрезмерному напря-

жению всех психических и моральных сил.

Во-вторых, на данный момент в научной литературе представлено крайне мало исследований психических особенностей военных корреспондентов, включая особенности их саморегуляции, жизнестойкости и толерантности к неопределённости. Так, можно отметить такие единичные работы, как исследование Р. Ф. Моралеза и В. Р. Переза на тему посттравматического стрессового расстройства у журналистов, освещавших войну с наркоторговлей [13], исследование Э. Фейнтшейна о ПТСР, психологическом дистрессе и депрессии у военных корреспондентов [12], исследование М. Б. Бондаренко на тему личностного потенциала военных профессионалов [3]. Стоит также отметить нашу работу, посвящённую исследованию особенностей копинг-стратегий журналистов, освещающих события Специальной военной операции [4].

Целью выступает выявление различий в саморегуляции, жизнестойкости и толерантности к неопределённости между военными корреспондентами и журналистами.

Сущность саморегуляции. Саморегуляция является одним из важнейших качеств военного корреспондента. Саморегуляция играет важную роль в структуре внутренних ресурсов человека, что влияет на успешность осуществления субъектом его профессиональной деятельности в трудных, стрессовых и напряженных условиях [2].

Саморегуляция не имеет единого и общепризнанного определения или структуры, этому препятствует многовариантность подходов к её изучению: бихевиорального (Л. П. Басов,

Д. Г. Дикая, Т. Куль), системно-деятельностного (А. В. Брушлинский), субъектно-деятельностного (С. Л. Рубинштейн, Д. А. Леонтьев, К. А. Абдулханова-Славская и др.) и т. д. [6].

Г. С. Никифоров и С. М. Шингаев определяют психическую саморегуляцию как «сознательные воздействия человека на присущие ему психические явления (процессы, состояния, свойства), выполняемую им деятельность, собственное поведение с целью поддержания (сохранения) или изменения характера их протекания (функционирования)» [10]. При этом благодаря саморегуляции индивид способен нормализовать своё психоэмоциональное состояние, снижать тревожность, в целом улучшать психическое состояние, планировать и организовывать свою деятельность в соответствии с поставленными целями в условиях неопределённости и опасности жизни и здоровью.

Д. А. Леонтьев особое внимание уделяет саморегуляции как одному из компонентов личностного потенциала наряду с устойчивостью, мотивацией и пр. [5, с. 23]. При этом учёный отмечает, что универсальные ресурсы саморегуляции могут компенсировать дефицит ресурсов устойчивости в крайне экстремальных жизненных обстоятельствах. В отличие от других психологических ресурсов личности, ресурсы саморегуляции обладают трансформационным характером – они способны переструктурировать системные связи во взаимодействии с миром, благодаря чему саморегуляция может превращать негативные события, отчаяние, пессимизм, недоверие, травмы и другие обстоятельства в достоинства. Более того, саморегуляция

косвенно определяет благополучие человека через воздействие на внешние и внутренние условия.

В. И. Моросанова предлагает следующее определение саморегуляции: это «многоуровневая и динамическая метасистема психологических процессов, состояний и свойств, являющаяся инструментом инициации и поддержания активности, направленной на осознанное выдвигание и достижение субъектных целей» [7]. Учёный также выделяет осознанную саморегуляцию как высший уровень психической саморегуляции [9].

Согласно концепции В. И. Моросановой, человек обладает универсальными и специальными регуляторными ресурсами [8]. Универсальные регуляторные ресурсы представляют собой комплекс индивидуальных компетентностей осознанно и самостоятельно ставить цели и достигать их. Это особенности когнитивного уровня, т. е. умение планировать и выдвигать цели, навыки программирования ситуации, способность оценивать свои действия и результаты. На личностном уровне универсальные регуляторные ресурсы представляют собой личностные свойства (гибкость, самостоятельность, надёжность, ответственность, инициативность и пр.).

Специальные регуляторные ресурсы включают в себя те ресурсы, которые необходимы человеку для достижения целей в специальных областях (учёбе, спорте, профессии и пр.). При этом развитие определённого ресурса зависит во многом от внешних условий, факторов и требований.

В. И. Моросанова также предлагает следующую структуру саморегуляции¹:

– планирование – данный компонент саморегуляции отвечает за индивидуальные особенности целеполагания и сформированности личности к осознанному планированию своей деятельности, направленной на достижение этой цели;

– моделирование – этот компонент представляет собой способность индивида диагностировать развитость представлений о внешних и внутренних условиях, значимых для достижения цели;

– оценивание результатов – это индивидуальная развитость и адекватность самооценки, а также оценки результатов своей деятельности;

– гибкость – это способность индивида трансформировать свою систему саморегуляции в соответствии с изменением внешних и внутренних условий;

– самостоятельность – это способность индивида осуществлять автономную, самостоятельную деятельность, анализировать её результаты, контролировать ход работы по достижению цели.

Саморегуляция имеет различные формы и уровни, которые постоянно усложняются в процессе филогенетической и онтологической эволюции. Самой простой формой является самоконтроль – торможение, блокирование импульсивных реакций. Так, взрослый человек способен контролировать свои желания и действия, и в определённой мере он может не поддаваться на сиюминутные импульсы. Следующая

¹ Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой [Электронный ресурс]. URL: https://kbmk.org/uploads/kolledj/vosp_rabota/20170830_izuch_lich_osob.pdf (дата обращения: 02.01.2024).

форма саморегуляции – это самодисциплина. Человек способен выстраивать свою деятельность определённым образом для достижения каких-либо целей за счёт управления своим временем. Третья форма саморегуляции – это самоуправление. Самоуправление возможно при условии наличия у индивида толерантности к неопределённости, т. е. способности воспринимать новые и непредсказуемые ситуации через призму получения нового опыта и знаний и раскрытия своего потенциала. Это особенно важно для военных корреспондентов, чья профессиональная деятельность осуществляется в условиях неопределённости, в которой необходимо уметь принимать быстрые решения, менять направления своей деятельности, перестраиваться на достижение других целей и пр. Четвёртая форма саморегуляции – это самодетерминация – способность самостоятельно ставить цели и достигать их через организацию деятельности.

Особое значение в саморегуляции военных корреспондентов имеют ценностно-смысловые регуляторы. Отечественные учёные выделяют среди ценностно-смысловых регуляторов ответственность и доверие к себе [1], зарубежные учёные отмечают беспристрастность, альтруизм, доброту, заботу об окружающих, честность, социальную ответственность [11].

Таким образом, саморегуляция военных корреспондентов является обязательным условием осуществления ими своей профессиональной деятельности в условиях неопределённости и опасности для жизни и здоровья, а также сохранения своего психического здоровья при негативном воздействии постоянного стресса.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 54 военных корреспондента (21 женщина и 33 мужчины) и 50 журналистов. Возраст испытуемых варьируется от 23 до 55 лет.

В качестве эмпирического инструментария использовались следующие психодиагностические методики:

– опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой и И. Н. Бондаренко¹;

– «Тест жизнестойкости» Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой²;

– «Шкала толерантности к неопределённости» Т. В. Корниловой³.

При статистической обработке данных использовались методы первичной обработки данных и описательной статистики, корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Спирмена, критерий U Манна-Уитни. Статистическая обработка проводилась в программе SPSS, версия 23.

Результаты и обсуждение

В рамках проводимого эмпирического исследования важно для начала рассмотреть основные полученные результаты применения психодиагностических методик.

По общему уровню саморегуляции большая часть военных корреспондентов имеет высокий уровень само-

¹ Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/39Cr9y> (дата обращения: 02.01.2024).

² Тест жизнестойкости [Электронный ресурс]. URL: https://psylab.info/Тест_жизнестойкости (дата обращения: 02.01.2024).

³ Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности к неопределённости (НТН). [Электронный ресурс]. URL: <https://cpd-program.ru/methods/ntn.htm> (дата обращения: 02.01.2024).

регуляции (44,4%), среди журналистов средний и высокий уровни имеют по 46%. Средний уровень саморегуляции имеют 38,9% военкоров, и оставшиеся 16,7% имеют низкий уровень. Военные корреспонденты и журналисты с высоким уровнем саморегуляции отличаются осознанностью, их структура саморегуляции полноценна, а все её регуляторные звенья взаимосвязаны. Эти испытуемые самостоятельны, они гибко и адекватно реагируют на изменения внешних факторов, что особенно важно в условиях боевых действий. Благодаря высокой осознанности своих действий эти индивиды достигают своих целей и выбирают наиболее безопасные и эффективные именно в данном конкретном случае варианты стратегий поведения.

Высокий уровень в группе военных корреспондентов также преобладает по шкалам «Планирование» (46,3%). В группе журналистов по планированию высокий уровень имеют 54%. Испытуемые с высоким уровнем планирования умеют осознанно планировать свою деятельность, ставить цели и осуществлять необходимые действия для их достижения. По шкале «Программирование» 66,7% военных корреспондентов имеют средний уровень и 31,5% – высокий. Высокий уровень отмечен у 12% журналистов и средний – у 72%. Это значит, что испытуемые умеют формировать подробные и детализированные программы своих действий и продумывать все шаги. Высокие показатели оценивания результатов (44,4% военных корреспондентов и 44% журналистов) говорят об индивидуальной развитости и адекватности оценки испытуемыми себя и своей деятельности. Высокие

показатели гибкости (48,2% военных корреспондентов и 36% журналистов) свидетельствуют о том, что испытуемые обладают регуляторной гибкостью, т. е. умением перестраивать и трансформировать свою систему регуляции в зависимости от изменений внешней и внутренней среды. Испытуемые с высокими показателями самостоятельности (12,7% военных корреспондентов и 46% журналистов) имеют развитую регуляторную автономность: они самостоятельно организуют свою деятельность, анализируют промежуточные и конечные результаты своей деятельности, не нуждаются в помощи при решении различных проблем и вопросов, могут полагаться на себя. Военные корреспонденты (33,3%) и журналисты (38%) с высоким уровнем моделирования способны к диагностированию индивидуальной развитости представлений о системе внешних и внутренних значимых условий, могут выделять наиболее значимые условия для принятия решений, что позволяет им строить адекватные и соответствующие реальности планы и программы действий.

96,3% военных корреспондентов и 50% журналистов имеют высокий уровень вовлечённости, что говорит об их интересе к выполняемой деятельности. Практически все военные корреспонденты (83,3%) и только 26% журналистов также имеют высокий уровень контроля – ощущение, что испытуемые могут повлиять в определённой степени на результат деятельности. Можно предположить, что чувства вовлечённости и контроля являются одними из ведущих чувств военных корреспондентов при осуществлении ими своей профессиональной деятельно-

сти, которые помогают им справляться со сложными условиями труда.

50% военных корреспондентов и 40% журналистов имеют высокий уровень принятия риска. Это значит, что испытуемые убеждены в том, что всё происходящее в их жизни способствует их развитию за счёт получения нового опыта, пусть и негативного. Благодаря этому военные корреспонденты готовы действовать в условиях отсутствия надёжных гарантий, в частности – гарантий сохранения здоровья и жизни.

Среди военкоров 31,6% испытуемых имеют высокий уровень толерантности к неопределённости, а среди журналистов – 56%. Эти люди отличаются стремлением к новизне, интересным и оригинальным решениям, неизвестным ситуациям. Они предпочитают неопределённость определённости благодаря тому, что могут получить новый опыт и знания. 66,4% военных

корреспондентов и 50% журналистов имеют высокий уровень интолерантности к неопределённости: они стремятся к ясности и упорядоченности, не любят выходить за рамки дихотомии «правильно» и «неправильно», «хорошо» и «плохо». 75,9% военкоров и 64% журналистов имеют средний уровень межличностной интолерантности к неопределённости, что свидетельствует о стремлении к ясности и контролю в межличностных отношениях.

Для выявления статистически значимых различий в показателях саморегуляции, жизнестойкости и толерантности к неопределённости был использован критерий U Манна-Уитни, результаты которого представлены в таблице 1.

Были выявлены статистически значимые различия в программировании ($U = 864,5$ при $p \leq 0,01$), самостоятельности ($U = 762$ при $p \leq 0,01$), вовлечённости ($U = 408,5$ при $p \leq 0,01$), контроле

Таблица 1 / Table 1

Различия между военными корреспондентами и журналистами по показателям саморегуляции, жизнестойкости и толерантности к неопределённости / Differences between war correspondents and journalists in terms of self-regulation, hardiness and tolerance to uncertainty

Показатель	Средний ранг		U	p
	Военные корреспонденты (n=54)	Журналисты (n=50)		
Программирование	61,49	42,79	864,5	0,001**
Самостоятельность	41,61	64,26	762	0,000**
Вовлечённость	69,94	33,67	408,5	0,000**
Контроль	70,20	33,38	394	0,000**
Толерантность к неопределённости	44,25	61,41	904,5	0,004**
Интолерантность к неопределённости	61,27	43,03	876,5	0,002**
Межличностная интолерантность к неопределённости	40,59	65,36	707	0,000**

Примечание: **. Различие значимо на уровне 0,01

($U = 394$ при $p \leq 0,01$), толерантности к неопределённости ($U = 904,5$ при $p \leq 0,01$), интолерантности к неопределённости ($U = 876,5$ при $p \leq 0,01$) и межличностной интолерантности к неопределённости ($U = 707$ при $p \leq 0,01$). При этом, судя по средним рангам, военные корреспонденты имеют более высокие показатели программирования, вовлечённости, контроля и интолерантности к неопределённости.

С помощью корреляции Спирмена был выявлен ряд взаимосвязей в группе военных корреспондентов (табл. 2).

«Планирование» имеет прямую взаимосвязь с вовлечённостью ($r=0,650$; $p=0,000$), контролем ($r=0,508$; $p=0,000$), принятием риска ($r=0,564$; $p=0,000$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,866$; $p=0,000$) и межличностной интолерантностью к неопределённости ($r=0,599$; $p=0,000$).

«Программирование» имеет прямую связь с вовлечённостью ($r=0,869$; $p=0,000$), контролем ($r=0,689$; $p=0,000$),

принятием риска ($r=0,822$; $p=0,000$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,487$; $p=0,000$).

«Гибкость» имеет обратную связь с толерантностью к неопределённости ($r=-0,406$; $p=0,002$).

«Моделирование» имеет прямую связь с вовлечённостью ($r=0,517$; $p=0,000$), контролем ($r=0,431$; $p=0,000$), принятием риска ($r=0,652$; $p=0,000$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,453$; $p=0,001$).

«Оценивание результатов» имеет прямую связь с контролем ($r=0,493$; $p=0,000$), принятием риска ($r=0,418$; $p=0,002$).

«Самостоятельность» имеет прямую связь с вовлечённостью ($r=0,574$; $p=0,000$), контролем ($r=0,315$; $p=0,021$), принятием риска ($r=0,425$; $p=0,001$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,571$; $p=0,000$) и обратную связь с толерантностью к неопределённости.

Общий уровень саморегуляции имеет прямую связь с вовлечённостью

Таблица 2 / Table 2

Взаимосвязь между саморегуляцией и жизнестойкостью и толерантностью к неопределённости в группе военных корреспондентов / Interrelation between self-regulation and hardiness and tolerance to uncertainty in a group of war correspondents

Показатель	В	К	ПР	ТН	ИТН	МИТН
Планирование	0,650**	0,508**	0,564**	-0,223	0,866**	0,599**
Программирование	0,869**	0,689**	0,822**	-0,060	0,487**	0,061
Гибкость	0,164	-0,106	0,115	-0,406**	0,253	0,070
Моделирование	0,517**	0,431**	0,652**	0,024	0,453**	0,086
Оценивание результатов	0,223	0,493**	0,418**	0,266	0,076	0,170
Самостоятельность	0,574**	0,315*	0,425**	-0,386**	0,571**	0,238
Общий уровень	0,766**	0,566**	0,785**	-0,143	0,710**	0,371**

Примечание: **. Корреляция значима на уровне 0,05; *. Корреляция значима на уровне 0,01

Условные обозначения: В – вовлечённость, К – контроль, ПР – принятие риска, ТН – толерантность к неопределённости, ИТН – интолерантность к неопределённости, МИТН – межличностная интолерантность к неопределённости

($r=0,766$; $p=0,000$), контролем ($r=0,566$; $p=0,000$), принятием риска ($r=0,785$; $p=0,000$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,710$; $p=0,000$) и межличностной интолерантностью к неопределённости ($r=0,371$; $p=0,006$).

В группе журналистов было выявлено меньшее количество взаимосвязей показателей саморегуляции с показателями жизнестойкости и толерантности к неопределённости (табл. 3).

«Планирование» имеют прямую взаимосвязь с интолерантностью к неопределённости ($r=0,355$; $p=0,012$).

«Программирование» имеет прямую связь с контролем ($r=0,301$; $p=0,034$).

«Гибкость» имеет обратную связь с вовлечённостью ($r=0,551$; $p=0,000$), контролем ($r=0,337$; $p=0,017$), принятием риска ($r=0,734$; $p=0,000$) и обратную связь с межличностной интолерантностью к неопределённости ($r=-0,478$; $p=0,000$).

«Моделирование» имеет прямую связь с вовлечённостью ($r=0,622$;

$p=0,000$), контролем ($r=0,464$; $p=0,001$), принятием риска ($r=0,494$; $p=0,000$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,369$; $p=0,008$).

Общий уровень саморегуляции имеет прямую связь с вовлечённостью ($r=0,404$; $p=0,004$), контролем ($r=0,504$; $p=0,000$), принятием риска ($r=0,327$; $p=0,021$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,419$; $p=0,002$).

Далее рассмотрим результаты анализа саморегуляции, жизнестойкости и толерантности к неопределённости мужчин и женщин – военных корреспондентов. С помощью критерия U Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия между мужчинами и женщинами – военными корреспондентами: планирование ($U = 184$ при $p \leq 0,01$), программирование ($U = 233,5$ при $p \leq 0,05$), моделирование ($U = 224,5$ при $p \leq 0,05$), оценивание результатов ($U = 211,5$ при $p \leq 0,05$), общий уровень саморегуляции ($U = 184,5$ при $p \leq 0,01$), при-

Таблица 3 / Table 3

Взаимосвязь между саморегуляцией и жизнестойкостью и толерантностью к неопределённости в группе журналистов / Interrelation between self-regulation and hardiness and tolerance to uncertainty in a group of journalists

Показатель	В	К	ПР	ТН	ИТН	МИТН
Планирование	0,036	0,118	-0,053	0,047	0,355*	0,136
Программирование	0,265	0,301*	0,197	-0,139	0,105	-0,235
Гибкость	0,551**	0,337*	0,734**	0,073	0,158	-0,478**
Моделирование	0,622**	0,464**	0,494**	0,099	0,369**	-0,273
Оценивание результатов	0,044	0,248	0,026	-0,213	0,132	0,092
Самостоятельность	-0,006	-0,001	0,028	0,027	0,132	0,087
Общий уровень саморегуляции	0,404**	0,504**	0,327*	-0,050	0,419**	-0,101

Примечание: **. Корреляция значима на уровне 0,05; *. Корреляция значима на уровне 0,01

Условные обозначения: В – вовлечённость, К – контроль, ПР – принятие риска, ИТН – интолерантность к неопределённости, МИТН – межличностная интолерантность к неопределённости.

нятие риска ($U = 153$ при $p \leq 0,01$), интолерантность к неопределённости ($U = 206,5$ при $p \leq 0,01$), межличностная интолерантность к неопределённости ($U = 183$ при $p \leq 0,01$).

Судя по средним рангам, все перечисленные показатели имеют более высокие показатели среди женщин – военных корреспондентов.

Таблица 4 / Table 4

Различия между женщинами и мужчинами военными корреспондентами по показателям саморегуляции, жизнестойкости и толерантности к неопределённости / Differences between female and male war correspondents in terms of self-regulation, hardiness and tolerance to uncertainty

Показатель	Средний ранг		U	p
	Женщины (n=21)	Мужчины (n=33)		
Планирование	35,24	22,58	184	0,003**
Программирование	32,88	24,08	233,5	0,032*
Моделирование	33,31	23,80	224,5	0,025*
Оценивание результатов	33,93	23,41	211,5	0,014*
Общий уровень саморегуляции	35,21	22,59	184,5	0,004**
Принятие риска	36,71	21,64	153	0,000**
Интолерантность к неопределённости	34,17	23,26	206,5	0,011**
Межличностная интолерантность к неопределённости	35,29	22,55	183	0,003**
<i>Примечание: **.</i> Различие значимо на уровне 0,01; <i>*</i> . Различие значимо на уровне 0,05				

Корреляция Спирмена позволила выявить ряд взаимосвязей в группе женщин – военных корреспондентов.

«Планирование» имеет прямую взаимосвязь с вовлечённостью ($r=0,553$; $p=0,009$), контролем ($r=0,832$; $p=0,000$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,860$; $p=0,000$) и межличностной интолерантностью к неопределённости ($r=0,465$; $p=0,034$).

«Программирование» имеет прямую связь с вовлечённостью ($r=0,847$; $p=0,000$), контролем ($r=0,765$; $p=0,000$), принятием риска ($r=0,881$; $p=0,000$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,644$; $p=0,002$).

«Гибкость» имеет обратную связь с толерантностью к неопределённости ($r=-0,602$; $p=0,004$).

«Моделирование» имеет прямую связь с контролем ($r=0,485$; $p=0,026$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,506$; $p=0,019$).

«Оценивание результатов» имеет прямую связь с принятием риска ($r=0,591$; $p=0,005$) и межличностной интолерантностью к неопределённости ($r=0,439$; $p=0,046$).

«Самостоятельность» имеет прямую связь с вовлечённостью ($r=0,710$; $p=0,000$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,536$; $p=0,012$), обратную связь с толерантностью к неопределённости ($r=-0,653$; $p=0,001$).

Общий уровень саморегуляции имеет прямую связь с вовлечённостью ($r=0,740$; $p=0,000$), контролем ($r=0,847$; $p=0,021$), принятием риска ($r=0,745$;

Таблица 5 / Table 5

Взаимосвязь между саморегуляцией и жизнестойкостью и толерантностью к неопределённости в группе женщин военных корреспондентов / Interrelation between self-regulation and hardiness and tolerance to uncertainty in a group of female war correspondents

Показатель	В	К	ПР	ТН	ИТН	МИТН
Планирование	0,553**	0,832**	0,379	-0,002	0,860**	0,465*
Программирование	0,847**	0,765**	0,881**	-0,070	0,644**	0,012
Гибкость	0,000	0,076	-0,100	-0,602**	0,116	0,072
Моделирование	0,205	0,485*	0,344	0,214	0,506*	0,107
Оценивание результатов	0,254	0,389	0,591**	0,244	0,411	0,439*
Самостоятельность	0,710**	0,570**	0,271	-0,653**	0,536*	0,197
Общий уровень	0,740**	0,847**	0,745**	-0,107	0,804**	0,315

Примечание: **. Корреляция значима на уровне 0,05; *. Корреляция значима на уровне 0,01

Условные обозначения: В – вовлечённость, К – контроль, ПР – принятие риска, ТН – толерантность к неопределённости, ИТН – интолерантность к неопределённости, МИТН – межличностная интолерантность к неопределённости

$p=0,001$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,804$; $p=0,000$).

В группе мужчин – военных корреспондентов были выявлены следующие взаимосвязи.

«Планирование» имеет прямую взаимосвязь с вовлечённостью ($r=0,682$; $p=0,009$), принятием риска ($r=0,588$; $p=0,009$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,820$; $p=0,000$) и межличностной интолерантностью к неопределённости ($r=0,505$; $p=0,003$), обратную связь с интолерантностью к неопределённости ($r=-0,480$; $p=0,005$).

«Программирование» имеет прямую связь с вовлечённостью ($r=0,836$; $p=0,000$), контролем ($r=0,605$; $p=0,000$), принятием риска ($r=0,766$; $p=0,000$).

«Гибкость» имеет обратную связь с вовлечённостью ($r=0,393$; $p=0,024$), принятием риска ($r=0,434$; $p=0,012$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,463$; $p=0,007$), прямую связь с

толерантностью к неопределённости ($r=-0,316$; $p=0,073$).

«Моделирование» имеет прямую связь с вовлечённостью ($r=0,694$; $p=0,009$), принятием риска ($r=0,726$; $p=0,009$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,373$; $p=0,032$).

«Оценивание результатов» имеет прямую связь с контролем ($r=0,599$; $p=0,009$), обратную связь с интолерантностью к неопределённости ($r=-0,479$; $p=0,005$), межличностной интолерантностью к неопределённости ($r=-0,349$; $p=0,046$).

«Самостоятельность» имеет прямую связь с вовлечённостью ($r=0,629$; $p=0,000$), принятием риска ($r=0,697$; $p=0,000$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,646$; $p=0,000$).

Общий уровень саморегуляции имеет прямую связь с вовлечённостью ($r=0,787$; $p=0,009$), принятием риска ($r=0,787$; $p=0,000$), интолерантностью к неопределённости ($r=0,590$; $p=0,000$).

Таблица 6 / Table 6

Взаимосвязь между саморегуляцией и жизнестойкостью и толерантностью к неопределённости в группе мужчин военных корреспондентов / Interrelation between self-regulation and hardiness and tolerance to uncertainty in a group of male war correspondents

Показатель	В	К	ПР	ТН	ИТН	МИТН
Планирование	0,682**	0,173	0,588**	-0,480**	0,820**	0,505**
Программирование	0,836**	0,602**	0,766**	-0,177	0,211	-0,151
Гибкость	0,393*	-0,277	0,434*	-0,316	0,463**	0,238
Моделирование	0,694**	0,261	0,726**	-0,196	0,373*	-0,117
Оценивание результатов	-0,053	0,599**	-0,084	0,298	-0,479**	-0,349*
Самостоятельность	0,629**	0,168	0,697**	-0,227	0,646**	0,312
Общий уровень	0,787**	0,287	0,787**	-0,326	0,590**	0,245

Примечание: **. Корреляция значима на уровне 0,05; *. Корреляция значима на уровне 0,01

Условные обозначения: В – вовлечённость, К – контроль, ПР – принятие риска, ТН – толерантность к неопределённости, ИТН – интолерантность к неопределённости, МИТН – межличностная интолерантность к неопределённости

Таким образом, проведённое эмпирическое исследование подтвердило наличие различий в саморегуляции, жизнестойкости и толерантности к неопределённости между группами военных корреспондентов и журналистов, женщин и мужчин – военных корреспондентов, а также взаимосвязи между саморегуляцией и жизнестойкостью и толерантностью к неопределённости в группах военных корреспондентов, журналистов, женщин – военных корреспондентов и мужчин – военных корреспондентов.

Заключение

1. Между военными корреспондентами и обычными журналистами были выявлены статистически значимые различия в программировании, самостоятельности, вовлечённости, контроле, толерантности к неопределённости, интолерантности к не-

определённости и межличностной интолерантности к неопределённости. Военные корреспонденты имеют более высокие показатели программирования, вовлечённости, контроля и интолерантности к неопределённости.

2. Женщины – военные корреспонденты имеют более высокие показатели планирования, программирования, моделирования, оценивания результатов, общего уровня саморегуляции, принятия риска, интолерантности к неопределённости, межличностной интолерантности к неопределённости.

3. С помощью корреляционного было выявлено, что, чем выше планирование и общий уровень саморегуляции военных корреспондентов, тем выше их вовлечённость, контроль, принятие риска, интолерантность к неопределённости и межличностная интолерантность к неопределённости; чем выше программирование и моде-

лирование, тем выше вовлечённость, контроль, принятие риска, интолерантность к неопределённости; чем выше гибкость, тем ниже толерантность к неопределённости; чем выше оценивание результатов, тем выше контроль и принятие риска; чем выше самостоятельность, тем выше вовлечённость, контроль, принятие риска, толерантность к неопределённости, интолерантность к неопределённости.

4. В группе журналистов были выявлены корреляции, которые говорят о том, что: чем выше планирование, тем выше интолерантность к неопределённости; чем выше программирование, тем выше контроль; чем выше гибкость, тем выше вовлечённость, контроль, принятие риска и тем ниже межличностная интолерантность к неопределённости; чем выше общий уровень саморегуляции, тем выше вовлечённость, контроль, принятие риска и интолерантность к неопределённости.

5. В группе женщин – военных корреспондентов было выявлено, что: чем выше планирование, тем выше вовлечённость, контроль, интолерантность к неопределённости, межличностной интолерантности к неопределённости; чем выше программирование и общий уровень саморегуляции, тем выше вовлечённость, контроль, принятие риска и интолерантность к неопределённости; чем выше гибкость, тем ниже толерантность к неопределённости; чем выше моделирование, тем выше контроль и интолерантность к неопределённости; чем выше оценивание результатов, тем выше принятие риска и межличностная интолерантность к неопределённости; чем выше самостоятельность, тем выше вовлечённость, контроль, интолерантность к неопре-

делённости и тем ниже толерантность к неопределённости.

6. В группе мужчин – военных корреспондентов было выявлено, что: чем выше планирование, тем выше вовлечённость, принятие риска, интолерантность к неопределённости и межличностная интолерантность к неопределённости и тем ниже толерантность к неопределённости; чем выше программирование, тем выше вовлечённость, контроль и принятие риска; чем выше моделирование, тем выше вовлечённость и интолерантность к неопределённости; чем выше оценивание результатов, тем выше контроль, межличностная интолерантность к неопределённости и тем выше интолерантность к неопределённости; чем выше гибкость, самостоятельность и общий уровень саморегуляции, тем выше вовлечённость, принятие риска и интолерантность к неопределённости.

7. Военным корреспондентам свойственен высокий уровень саморегуляции. Они отличаются самостоятельностью, гибко и адекватно реагируют на изменения внешних факторов, что особенно важно в условиях боевых действий. Благодаря высокой осознанности своих действий военные корреспонденты достигают своих целей и выбирают наиболее безопасные и эффективные именно в данном конкретном случае варианты стратегий поведения. Высокий уровень планирования также говорит о том, что военные корреспонденты способны формировать подробные и детализированные программы своих действий и продумывать все шаги.

Перспективы. Проведённое исследование свидетельствует о возмож-

ности и необходимости проведения дальнейшего расширенного анализа психологических особенностей военных корреспондентов. Полученные результаты говорят о важности психологической работы с военными кор-

респондентами и повышения их личностных ресурсов для осуществления профессиональной деятельности в условиях опасности и неопределённости.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Алдашева А. А., Первачева О. А. Ценностно-смысловая сфера в представлениях специалистов-операторов «Системы 112» // *Методология современной психологии*. 2023. № 18. С. 15–28.
2. Алдашева А. А., Зеленова М. Е., Рунец О. В. Индивидуальный стиль саморегуляции как ресурс стрессоустойчивости у замещающих родителей // *Социальная психология и общество*. 2017. Т. 8. № 1. С. 75–92.
3. Бондаренко М. Б. Личностный потенциал и успешность военных профессионалов // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 4 (42). С. 96–99.
4. Колобова С. В. Особенности копинг-стратегий журналистов, освещающих события специальной военной операции // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*. 2023. № 3 (64). С. 248–254. DOI: 10.26456/vtspyped/2023.3.248.
5. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // *Сибирский психологический журнал*. 2016. №62. С. 18–37.
6. Машарина А. Ф. Представление о саморегуляции в отечественной психологии // *Педагогика и психология образования*. 2023. № 1. С. 221–235.
7. Моросанова В. И. Индивидуальные особенности саморегуляции произвольной активности человека // *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2010. № 1. С. 36–45.
8. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2021. № 1. С. 4–37.
9. Моросанова В. И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2022. Т. 15. № 3. С. 57–83.
10. Никифоров Г. С., Шингаев С. М. Виды психической саморегуляции // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2014. № 1. С. 92–101.
11. Brown M. E. Ethical leadership: A review and future directions // *The Leadership Quarterly*. 2006. № 17. P. 595–616.
12. Feinstein A., Owen J., Blair N. A. Hazardous Profession: War, Journalists, and Psychopathology // *American Journal of Psychiatry*. 2002. Vol. 159. № 9. P. 1570–1575. DOI: 10.1176/appi.ajp.159.9.1570.
13. Morales R. F., Perez V. R. Posttraumatic stress symptoms in mexican journalists covering the drug war // *Suma Psicológica*. 2012. № 1. P. 7–17.

REFERENCES

1. Aldasheva A. A., Pervacheva O. A. [The value-semantic sphere in the views of specialist operators of "System 112"]. In: *Metodologiya sovremennoj psihologii* [Methodology of modern psychology], 2023, no. 18, pp. 15–28.
2. Aldasheva A. A., Zelenova M. E., Runec O. V. [Individual style of self-regulation as a resource for stress resistance in foster parents]. In: *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2017, vol. 8, no. 1, pp. 75–92.
3. Bondarenko M. B. [Personal potential and success of military professionals]. In: *Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Yaroslavl State University. P. G. Demidova. Series Humanities], 2017, no. 4 (42), pp. 96–99.
4. Kolobova S. V. [Peculiarities of coping strategies of journalists covering the events of a special military operation]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and psychology], 2023, no. 3 (64), pp. 248–254. DOI: 10.26456/vtspyped/2023.3.248.
5. Leontev D. A. [Self-regulation, resources and personal potential]. In: *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* [Siberian psychological journal], 2016, no. 62, pp. 18–37.
6. Masharina A. F. [The idea of self-regulation in domestic psychology]. In: *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya* [Pedagogy and psychology of education], 2023, no. 1, pp. 221–235.
7. Morosanova V. I. [Individual features of self-regulation of human voluntary activity]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Episode 14: Psychology], 2010, no. 1, pp. 36–45.
8. Morosanova V. I. [Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and solving life problems]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Episode 14: Psychology], 2021, no. 1, pp. 4–37.
9. Morosanova V. I. [Psychology of conscious self-regulation: from origins to modern research]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2022, vol. 15, no. 3, pp. 57–83.
10. Nikiforov G. S., Shingaev S. M. [Types of mental self-regulation]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2014, no. 1, pp. 92–101.
11. Brown M. E. Ethical leadership: A review and future directions. In: *The Leadership Quarterly*, 2006, no. 17, pp. 595–616.
12. Feinstein A., Owen J., Blair N. A. Hazardous Profession: War, Journalists, and Psychopathology. In: *American Journal of Psychiatry*, 2002, vol. 159, no. 9, pp. 1570–1575. DOI: 10.1176/appi.ajp.159.9.1570.
13. Morales R. F., Perez V. R. Posttraumatic stress symptoms in mexican journalists covering the drug war. In: *Suma Psicológica*, 2012, no. 1, pp. 7–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колобова Светлана Викторовна – преподаватель кафедры практической психологии Мариупольского государственного университета;
e-mail: Prgaga@mail.ru; prgaga@mail.ru; ORCID: 0000-0002-85188799

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Kolobova – Teacher of the Department of practical psychology of Mariupol State University;
e-mail: Prgaga@mail.ru; prgaga@mail.ru; ORCID: 0000-0002-85188799

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колобова С. В. Особенности саморегуляции военных корреспондентов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 18–33.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-18-33

FOR CITATION

Kolobova S. V. Features of self-regulation of war correspondents. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 18–33.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-18-33

УДК 159.942.2

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-34-47

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ УЧИТЕЛЯ

Печеркина А. А., Коваленко А. А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

620000, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51,

Российская Федерация

Аннотация

Цель – выявить особенности эмоционального благополучия учителя с разным стажем работы и на разных ступенях преподавания.

Процедура и методы. В исследовании использовались следующие диагностические методики: шкала позитивного и негативного аффекта (Е. Н. Осин); шкала дифференциальных эмоций (К. Изард); опросник профессионального выгорания К. Маслач, С. Джексона (адаптация Н. Е. Водопьяновой); опросник удовлетворённости трудом (А. В. Батаршев); методика диагностики субъективного благополучия личности (Р. М. Шамионов, Т. В. Бескова). Для математической обработки полученных результатов использовался Н-критерий Краскела-Уоллиса.

Результаты. По результатам сравнительного анализа установлено, что с увеличением стажа работы в школе у учителя повышается индекс позитивных эмоций и уровень профессиональной ответственности. Более эмоционально благополучными являются учителя со стажем работы от 1 года до 5 лет и более 20 лет. Учителя, преподающие в начальной школе и среднем звене, более эмоционально благополучны, чем педагоги старшего звена.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут использовать педагоги-психологи при проведении программ профилактики эмоционального выгорания учителей.

Ключевые слова: аффект, благополучие, удовлетворённость трудом, эмоциональное благополучие, эмоциональное выгорание

FEATURES OF THE EMOTIONAL WELL-BEING OF THE TEACHER

A. Pecherkina, A. Kovalenko

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

pr-t Lenina, 51, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation

Abstract

Aim is to identify the features of the emotional well-being of teachers with different work experience and at different levels of teaching.

Procedure and methods. The following diagnostic methods were used in the study: the scale of positive and negative affect (E. N. Osin); the scale of differential emotions (K. Izard); questionnaire of professional burnout K. Maslach, S. Jackson (adaptation by N. E. Vodopyanova);

questionnaire of job satisfaction (A. V. Batarshhev); methodology for diagnosing subjective well-being of a person (Shamionov R. M., Beskova T. V.). For mathematical processing of the results obtained, the Kraskel-Wallis H-criterion was used.

Results. According to the results of the comparative analysis, it was found that with an increase in the length of work at school, the teacher's index of positive emotions and the level of professional responsibility increases. Teachers with work experience from 1 to 5 years and more than 20 years are more emotionally prosperous. Teachers who teach in elementary and middle school are more emotionally well-off than senior teachers.

Research implications. The results obtained can be used by educational psychologists in conducting programs for the prevention of emotional burnout of teachers.

Keywords: affect, well-being, job satisfaction, emotional well-being, emotional burnout.

Введение

Рассмотрение различных аспектов эмоциональной сферы в современных условиях приобретает особую значимость. В условиях, когда уровень неопределённости будущего возрастает, когда количество трансформационных изменений увеличивается и скорость происходящих событий постоянно нарастает, важно сохранять эмоциональную устойчивость и стабильность.

Следует отметить, что эмоции являются центральным звеном в жизнедеятельности человека. Они помогают сформировать поведение, которое способствует достижению поставленных целей¹. В процессе деятельности человек в первую очередь следует за эмоциональной реакцией, а не за тем, что говорят ему рассудок и логика.

В этой связи вопросы формирования эмоционального благополучия становятся актуальными.

В настоящее время содержание эмоционального благополучия рассматривается с нескольких позиций. Так, ряд авторов рассматривает данный феномен как положительную направленность эмоционального самочувствия

[3; 25]. Б. Л. Фредриксон считает, что именно позитивные эмоции способствуют повышению уровня эмоционального благополучия и формированию устойчивости личности [26].

Ю. Б. Григорова, С. В. Чернобровкина и Т. М. Мазура полагают, что эмоциональное благополучие выражается не только в знаке эмоциональных реакций, но и в способности человека продуктивно регулировать данные проявления [9; 23].

В качестве отдельного направления можно выделить рассмотрение эмоционального благополучия как «интегрального переживания, в котором сфокусировались чувства, обусловленные успешным функционированием всех сторон личности» [15, с. 51].

В ряде научных исследований эмоциональное благополучие личности рассматривается как синоним понятия «здоровье». Так, И. В. Дубровина² и Л. В. Тарабакина [22] считают, что эмоциональное благополучие можно приравнять к понятию «эмоциональное здоровье», которое входит в структуру психологического здоровья. Преобразование отрицательных эмо-

¹ Michael D., Robinson E. R., Watkins E. Harmon-Jones. Handbook of cognition and emotion. New York: The Guilford Press, 2013. 594 p.

² Дубровина И. В., Данилова Е. Е., Прихожан А. М. Психология: учебник. М.: Академия, 2001. 460 с.

ций в положительно окрашенные реакции осуществляется за счёт эмоционального здоровья. Необходимость данной составляющей реализуется через сохранение единого отношения к себе и к миру и может способствовать адаптации личности к неблагоприятным условиям.

Аналогичное представление разделяют С. М. А. Ламерс, Л. Болье, Г. Дж. Вестерхоф, Ф. Смит, Э. Т. Больмейер [27], которые также считают, что эмоциональное благополучие соотносится с понятием «здоровье».

Можно также выделить ряд работ, в которых эмоциональное благополучие рассматривается в контексте межличностных отношений. Так, Д. Гоулман считает, что эмоциональное благополучие включает в себя способность понимать, выражать, управлять собственными эмоциями и реагировать на эмоции других с пользой для самого человека и окружающих [8].

Г. А. Урунтаева¹, В. В. Одинцова и Н. М. Горчакова [14] рассматривают эмоциональное благополучие с позиции чувства защищённости, детерминирующего доброжелательное отношение человека к другим людям и определяющего компетенцию, обеспечивающую доступ к регуляции и изменениям не поддающихся адаптациям эмоций.

Обобщив вышесказанное, можно говорить о том, что эмоциональное благополучие представляет собой интегральный показатель, включающий переживание большого спектра положительных эмоций, приводящих к ощущению комфорта, удовлетворённости жизненными и профессиональ-

ными сферами, и детерминирующий конструктивные, позитивные отношения с собой и окружающими людьми.

Следует отметить, что эмоциональное благополучие является значимым аспектом при построении прежде всего межличностных отношений, поэтому влияет на выполнение профессиональной деятельности, предполагающей активное взаимодействие с людьми.

Одной из таких профессий выступает деятельность учителя. Специфика педагогической деятельности заключается в формировании субъект-объектных отношений, в которых субъект педагогической деятельности – педагог, объект педагогической деятельности – учащийся. Цели, задачи и методы обучения в педагогической деятельности определяются прежде всего социальными факторами, которые реализуются через межличностные отношения².

При этом эмоциональное состояние учителя играет важную роль в достижении целей, задач и методов в процессе обучения. По мнению Л. М. Митиной, наличие положительных эмоций повышает эффективность учебного процесса, а их отсутствие вызывает у учащегося и педагога коммуникативные трудности. Благоприятная эмоциональная атмосфера способствует развитию у школьников творческих и познавательных способностей³. Согласно исследованиям, эмоциональное состо-

¹ Урунтаева Г. А. Дошкольная психология: учебное пособие. М.: Академия, 2001. 336 с.

² Врублевская Е. Г., Горданова И. А., Дехаль С. Г. Педагогика временного детского коллектива: учебное пособие. Владивосток: Всероссийский детский центр «Океан», 2002. 328 с.

³ Митина Л. М., Асмаковец Е. С. Эмоциональная гибкость учителя: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. 190 с.

яние ученика и учителя взаимосвязано, при этом необходимо идти «к здоровью ученика через здоровье учителя» [4, с. 84]. Это способствует позитивному взаимодействию и повышению эмоционального благополучия всех участников образовательного развития.

Поэтому особую значимость приобретает изучение эмоционального благополучия в контексте педагогической деятельности, которая имеет большую социальную значимость и от успешности реализации которой зависит то, какими знаниями и качествами будет обладать подрастающее поколение [7]. Ведь негативные эмоциональные проявления педагога влияют на эмоциональный климат всего учебного коллектива [17].

Н. В. Сиврикова, Е. Г. Черникова, Н. А. Соколова отмечают, что «учителя с меньшим стажем работы менее удовлетворены как отдельными сторонами, так и в целом образовательным процессом в школе» [19, с. 88]. Напротив, учителя, имеющие большой стаж работы в школе, более удовлетворены образовательным процессом. В работе Т. Г. Сырицо отмечено, что наиболее эмоционально стабильные учителя те, которые преподают в начальной школе [20].

На наш взгляд, ключевое значение в контексте педагогической деятельности играет стаж работы и та ступень образования, на которой преподаёт учитель (начальная школа, среднее звено, старшее звено). Учитывая, что исследования эмоционального благополучия учителя носят ограниченный характер, соответственно, такие факторы, как стаж работы и ступень преподавания, в них практически не представлены [6; 12].

Цель исследования заключается в выявлении особенностей эмоционального благополучия учителя с разным стажем работы и на разных ступенях преподавания.

Выборка и методы исследования

Данное исследование основано на положениях позитивной психологии как наиболее оптимальной для рассмотрения содержания эмоционального благополучия.

Использованы также положения концепции профессионального развития личности Э. Ф. Зеера, в рамках которой рассматриваются стадии профессионального развития личности, зависящие от конкретных социальных обстоятельств и ситуаций, определяющих профессиональный выбор человека и его отношение к профессии.

Эмпирическое исследование проводилось на базе трёх общеобразовательных школ г. Нижнего Тагила. В исследовании участвовали 100 учителей, из которых 12 мужчин (12%) и 88 женщин (88%). Возрастной диапазон составил от 23 до 62 лет, средний возраст – 36,8 лет.

Участники исследования заполняли психодиагностические методики онлайн в Google-форме.

Выборка была разделена на группы в соответствии с представлением о стадиях профессионального развития и соответствующим им стажем работы:

- 1) стаж работы учителя от 1 года до 5 лет (стадия профессиональной адаптации);
- 2) стаж работы учителя от 6 до 10 лет (стадия первичной профессионализации);
- 3) стаж работы учителя от 11 до 20 лет (стадия вторичной профессионализации);

4) стаж работы учителя более 20 лет (стадия профессионального мастерства)¹.

В результате по стажу педагогической деятельности было сформировано пять групп: от 1 года до 5 лет – 33% педагогов, от 5 до 10 лет – 24% педагогов, от 10 до 20 лет – 22% педагогов, более 20 лет – 21% педагогов.

По ступени преподавания было сформировано три группы: учителя начальной школы (16%), учителя среднего звена (57%), учителя старшего звена (27%).

При проведении исследования использовались следующие методики: шкала позитивного и негативного аффекта (адаптация Е. Н. Осина); шкала дифференциальных эмоций (К. Изард); опросник профессионального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой); методика определения удовлетворённости трудом (А. В. Батаршев); методика диагностики субъективного благополучия личности (Р. М. Шамионов, Т. В. Бескова).

Для математической обработки полученных результатов использовался *H*-критерий Краскела-Уоллиса.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрение результатов начнём с определения различий в показателях эмоционального благополучия по стажу работы. Для этого использовался непараметрический критерий Краскела-Уоллиса (табл. 1).

Результаты сравнительного анализа показали статистически значимые различия по параметру «индекс позитивных эмоций» ($H=16,68$; $p=0,002$), проявляющиеся в степени позитивного эмоционального отношения учителя к той ситуации, в которой он находится. Исследуемый признак наиболее выражен в группах, имеющих опыт профессиональной деятельности от 1 года до 5 лет и более 20 лет.

По мнению Э. Ф. Зеера, на стадии профессиональной адаптации педагог осваивает новую социальную и профессиональную роль, знакомится с коллегами и приобретает профессиональный опыт². Соответственно,

Таблица 1 / Table 1

Эмоциональное благополучие учителей в соответствии со стажем работы / Emotional well-being of teachers in accordance with work experience

Показатели эмоционального благополучия	Стаж работы				Критерий Краскела-Уоллиса (H)	Уровень значимости (p)
	От 1 до 5 лет	От 5 до 10 лет	От 10 до 20 лет	Более 20 лет		
Индекс позитивных эмоций	29,4	27,9	23,9	29,2	16,68	0,002
Профессиональная ответственность	1,1	1,1	1,4	1,4	9,34	0,05

Источник: данные авторов.

¹ Зеер Э. Ф. Психология профессий: учебное пособие. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 22.

² Зеер Э. Ф. Психология профессий: учебное пособие. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 336 с.

находясь на начальном этапе профессионального пути, учитель полон ожиданий, и это сопровождается позитивным настроением.

На стадии профессионального мастерства для учителей характерны высокая творческая и социальная активность личности, повышение уровня профессиональной активности, что приводит к поиску новых и эффективных способов выполнения деятельности учителем. И, что немаловажно, этот поиск также сопровождается позитивным эмоциональным отношением.

При стаже работы от 5 до 10 лет у учителей происходит незначительное снижение показателя «индекс позитивных эмоций» по сравнению с учителями, стаж работы которых от 1 года до 5 лет. В работе А. С. Силакова показано, что проявление эмоций на разных этапах становления личности педагога зависит от выбора стиля взаимодействия с учениками. При этом важно отметить, что преобладание позитивных или негативных эмоций будет связано с выбором стиля взаимодействия после пяти лет педагогической деятельности. Так, если у педагога после 5 лет педагогической деятельности преобладают установки на взаимодействие с учащимися, у него будут доминировать позитивные эмоциональные реакции. Если подтверждается разочарование в учениках, у педагога будет происходить переход к дистанцированному и жёсткому общению с ними, поэтому индекс позитивных эмоций снизится [21].

Наименьшие значения индекса позитивных эмоций зафиксированы в группе учителей, имеющих опыт профессиональной деятельности от 10 до 20 лет. Это может объясняться тем,

что для учителей со стажем работы 11–15 лет характерен «педагогический кризис», характеризующийся возникновением противоречия между желанием что-то изменить (методика преподавания, стиль взаимодействия с учащимися) и его возможностями.

Динамика изменения параметра «индекс позитивных эмоций» показала, что у молодых педагогов преобладают позитивные эмоции, потом идёт их незначительное снижение, а после 20 лет профессиональной деятельности в школе они вновь доминируют. Несколько отличную точку зрения имеет Т. Г. Сырицо [20]. В её исследовании показано, что у учителей на первых этапах профессиональной деятельности повышается переживание таких эмоций, как гнев и страх. С повышением педагогического стажа стремление к проживанию радости увеличивается, а к переживанию негативных эмоций снижается. Автор полагает, что чем больше профессиональный опыт педагога, тем ниже вероятность допустить ошибку, которая появляется в ходе педагогической деятельности.

Статистически значимые различия также зафиксированы по показателю «профессиональная ответственность» ($H = 9,34$; $p = 0,05$), который наиболее выражен в группах учителей со стажем работы от 10 до 20 лет и более 20 лет. Возможно, это связано с тем, что на стадиях вторичной профессионализации и профессионального мастерства формируются профессиональный менталитет и высокий уровень выполнения профессиональной деятельности. Это согласуется с результатами, полученными в исследовании Е. Ю. Ароновой. Автором показано, что учителя, имеющие большой

стаж работы, отличаются такими характеристиками, как планомерность, структурирование деятельности и самоорганизация, что указывает на то, что опытные педагоги устанавливают определённые принципы и правила осуществления педагогической деятельности. При этом высокий уровень самоорганизации позволяет достигать результатов без приложения большого количества волевых усилий [2].

В исследовании О. В. Фадеевой и Т. Ф. Модиной отмечено, что наличие большого стажа работы позволяет учителю с уверенностью утверждать, что имеющаяся квалификация полностью соответствует должности и он более удовлетворён профессиональной деятельностью [24]. Соответственно, допускается говорить о том, что с увеличением стажа работы увеличивается профессиональная ответственность учителя.

В работе А. С. Полякова был исследован параметр профессиональной ответственности у учителей начальных

классов в зависимости от изменения стажа работы. Автором установлено, что с повышением стажа работы учителям свойственно в большей степени контролировать возникающие в ходе учебного процесса моменты, что позволяет им ощущать себя более ответственными. Следовательно, чем выше стаж работы учителя начальных классов, тем выше уровень контроля будет проявляться в структуре профессиональной ответственности [18].

Таким образом, полученные результаты указывают на то, что показатели эмоционального благополучия чувствительны к стажу работы по таким параметрам, как наличие позитивных эмоций и степень ответственности при выполнении педагогической деятельности.

Далее рассмотрим результаты сравнительного анализа показателей эмоционального благополучия в зависимости от ступени преподавания (начальная, средняя, старшая школа) (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Эмоциональное благополучие учителей в соответствии со степенью образования / Emotional well-being of teachers in accordance with the level of education

Показатели эмоционального благополучия	Степень образования			Критерий Краскела-Уоллиса (H)	Уровень значимости (p)
	Начальная школа	Среднее звено	Старшее звено		
Деперсонализация	6,9	7,8	9,5	5,9	0,05
Редукция личных достижений	31,8	33,9	30,5	6,68	0,04
Эмоциональное благополучие	3,9	3,9	3,5	8,59	0,01
Удовлетворённость взаимоотношениями с руководством	5,2	4,4	5,0	8,02	0,02
Профессиональная ответственность	1,3	1,0	1,4	6,29	0,04

Источник: данные авторов.

Статистически значимые различия зафиксированы по показателям «деперсонализация» ($N = 5,9$; $p = 0,05$) и «редукция личных достижений» ($N = 6,68$; $p = 0,04$), которые наиболее выражены в группе «старшее звено». Полученные результаты можно объяснить тем, что учителям, преподающим в старших классах, необходимо обеспечить учащихся организационно-методическими и социально-психологическими условиями для успешной подготовки к выпускным экзаменам и сдаче ЕГЭ. Однако не все школьники прилагают самостоятельные усилия при подготовке к экзаменам, что в итоге может привести к невысокому итоговому результату. В сложившихся условиях учитель может дистанцироваться от учеников, не видя от них желания прилагать усилия и ожидая самого худшего, и, как следствие, это может привести к развитию деперсонализации, проявляющейся в утрате способности позитивно воспринимать окружающих людей и события в жизни, а также в появлении ощущения тревоги и страха [10].

У учителей данной группы также возникают незаинтересованность в результатах своего труда, нежелание совершенствовать свою профессиональную деятельность, склонность недооценивать результаты профессиональных достижений, что приводит к формированию редукции личных достижений в педагогической деятельности [16].

В ходе исследования также выявлены различия по показателю «эмоциональное благополучие» ($N = 8,59$; $p = 0,01$). Установлено, что уровень исследуемого параметра выше у учителей, которые работают с учащими-

ся начальной школы и среднего звена. Полученные результаты совпадают с мнением Т. Г. Сырицо [20]. Автор отмечает, что повышенный уровень проявления эмоциональности наблюдается у педагогов начальных классов, что связано с особенностями возрастного периода и объясняется тем, что школьники данного звена проявляют большую отзывчивость и доброжелательность к учителю.

По показателю «удовлетворённость взаимоотношениями с руководством» ($N = 8,02$; $p = 0,02$) также установлено статистически достоверное различие. Так, наибольшая удовлетворённость трудом зафиксирована у учителей начальной школы. Это, возможно, объясняется тем, что в структуре администрации школы дифференцировано управление каждым звеном. Отсутствие чётко поставленных задач от администрации, чрезмерный контроль со стороны руководства или, наоборот, отсутствие контроля и внимания к результатам работы учителя могут влиять на удовлетворённость взаимоотношениями учителя с руководством¹.

В работе Л. А. Ларионовой отмечено, что удовлетворённость трудом у учителя связана с ценностями, направленными либо на внутренний мотив (общественная и личная значимость; общение с руководством и другими людьми), либо на внешний (заработок, боязнь осуждения). Так, у учителей начальной школы преобладают ценности, направленные на внутренний мотив, которые повышают показатели

¹ Самоукина Н. В. Психология профессиональной деятельности: учебное пособие. СПб.: Питер, 2003. 224 с.

удовлетворённости педагогической деятельностью [13].

По показателю «профессиональная ответственность» ($H = 6,29$; $p = 0,04$) наибольшее значение зафиксировано в группе учителей старшего звена. Возможно, это обусловлено тем, что учителя старшего звена в большей степени несут ответственность за обеспечение организационно-методических и социально-психологических условий для успешной подготовки учащихся к выпускным экзаменам. В исследовании О. И. Ефремовой показано, что администрация школы положительно оценивает учителей, у которых учащиеся занимают призовые места в различных конкурсах и показывают высокую успеваемость в течение года. Успеваемость учащихся может повышаться вследствие увеличения учебных нагрузок, мотивации на работу с репетиторами, а также систематического выполнения тестовых заданий. Все вышеуказанные параметры формируют повышенный уровень профессиональной ответственности у учителей, работающих со старшеклассниками [11].

Следует отметить, что показатель «профессиональная ответственность» зависит как от стажа работы, так и от уровня преподавания. В исследованиях учёных данному показателю в педагогической деятельности отводится особое место. Так, в работе Е. И. Алферовой и Э. Ф. Зеера показано, что в условиях изменений в системе российского образования возрастает роль ответственности педагога. Результаты исследования показывают, что в зависимости от стажа работы ответственное поведение учителей реализуется неоднозначно.

У ряда педагогов в связи с приобретением опыта результатом является формирование неудовлетворённости в профессиональном самовыражении и ложное восприятие ответственности. Другая группа учителей, напротив, с увеличением стажа работы достигает профессионального самовыражения путём активного развития и принятия на себя ответственности [1]. Профессиональная ответственность интерпретируется как параметр, зависящий от многих переменных, к числу которых относится опыт. А. С. Поляковым профессиональная ответственность трактуется как сложный феномен, который формируется у учителя постепенно, в процессе адаптации к трудовой деятельности [18].

В работе С. С. Быковой показано, что профессиональная ответственность раскрывается через нравственный компонент. Нравственный компонент представлен через потребность отношения к ребёнку как к наивысшей ценности. Типологические особенности личности учащихся разных возрастов имеют свои особенности, что меняет отношение педагога к нему [5]. Всё вышеобозначенное доказывает чувствительность параметра «профессиональная ответственность» в педагогической деятельности к стажу работы и ступени преподавания.

Заключение

Роль эмоционального благополучия учителя сложно недооценить, т. к. от него зависят профессиональные результаты учителя, проявляющиеся в учебных достижениях учеников.

В качестве особенностей эмоционального благополучия учителя можно выделить следующие:

1. Установлено, что стаж работы проявляет чувствительность по таким показателям эмоционального благополучия, как «индекс позитивных эмоций» и «профессиональная ответственность». Более эмоционально благополучными являются те, кто имеет педагогический стаж от 1 года до 5 лет и более 20 лет. Для эмоционально благополучных учителей характерным является преобладание позитивных эмоций и профессиональной ответственности.

2. Учителя, работающие на разных ступенях образования, различаются по степени выраженности показателей эмоционального благополучия. Учителя начальной школы и среднего звена более эмоционально благополучны, чем педагоги старшего звена. Для них характерным является от-

сутствие эмоционального выгорания, удовлетворённость взаимоотношениями с руководством, проявление профессиональной ответственности.

Следует отметить необходимость дальнейшего изучения особенностей эмоционального благополучия учителей за счёт увеличения объёма выборки и расширения ступеней образования. Так, изучение эмоционального благополучия педагогов школ и учреждений среднего профессионального образования позволит выделить общие и специфические особенности для каждого уровня образования и на основании этого позволит разработать индивидуальные программы профилактики эмоционального выгорания педагогов.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферова Е. И., Зеер Э. Ф. Психологические особенности ответственности учителей в процессе профессионального становления // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. 2007. № 6 (48). С. 59–70.
2. Аронова Е. Ю. Оценка профессиональной деятельности педагогов в контексте жизненной удовлетворённости // Вестник педагогических наук. 2020. № 3. С. 5–15.
3. Бадулина О. И. Педагогические основы эмоционального благополучия дошкольников: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1998. 23 с.
4. Банникова Г. С., Павлова Т. С. Психологическое благополучие специалистов, работающих в системе образования мегаполиса // Психологическое сопровождение безопасности образовательной среды школы в условиях внедрения новых образовательных и профессиональных стандартов: материалы Всероссийской заочной научной интернет-конференции, Москва, 2 октября 2015 г. / под ред. И. А. Баевой. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2015. С. 84–90.
5. Быкова С. С. Профессиональная ответственность будущего педагога: содержание и структура понятия // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 49–53.
6. Воюшина Е. А., Постникова М. И. Психологическое благополучие педагогов с разным стажем педагогической деятельности (поколенческий аспект) // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 842–850. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-105.
7. Гаврилова Л. В., Козлова М. А. Теоретические аспекты изучения эмоциональной сферы начинающего учителя // Преподаватель XXI век. 2018. № 1 (1). С. 88–98.
8. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ? М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 544 с.

9. Григорова Ю. Б. Структура эмоционального благополучия // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 1. № 1 (26). С. 331–334. DOI: 10.26140/anip-2019-0801-0082.
10. Даллакян Р. О. Факторы, способствующие образованию синдрома эмоционального выгорания, в профессиональной деятельности учителя // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 25. С. 1378–1383.
11. Ефремова О. И. Профессиональная ответственность учителя: анализ психологических особенностей проявления // Психология обучения. 2019. № 5. С. 88–100.
12. Кондратьева О. Г. Структура синдрома эмоционального выгорания у педагогов в зависимости от стажа профессиональной деятельности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 304–306.
13. Ларионова Л. А. Взаимосвязь ценностных ориентаций и удовлетворённости профессиональной деятельностью у учителей начальных классов // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 1 (19). С. 47–59.
14. Одинцова В. В., Горчакова Н. М. Эмоциональное благополучие как интегративная характеристика эмоциональной сферы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. 2014. № 1. С. 69–77.
15. Пахалкова А. А. Эмоциональное благополучие как компонент безопасной образовательной среды // Психолог. 2015. № 1. С. 44–65. DOI: 10.7256/2409-8701.2015.1.13783.
16. Печеркина А. А., Коваленко А. А. К вопросу о необходимости изучения эмоционального благополучия молодого учителя // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 07–08 апреля 2022 г. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2022. С. 77–79.
17. Погорская В. А. Субъективное благополучие педагога в учебном процессе // International journal of medicine and psychology. 2020. Т. 3. № 1. С. 74–77.
18. Поляков А. С. Взаимосвязь профессиональной ответственности и отношения к обучающимся у учителей начальных классов с разным стажем деятельности [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/12PSMN221.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).
19. Сиврикова Н. В., Черникова Е. Г., Соколова Н. А. Удовлетворённость жизнью и образовательным процессом как предикторы социально-психологической адаптации учителей // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 6. С. 87–100.
20. Сырицо Т. Г. Эмоциональность как профессионально-важное качество учителя: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1997. 19 с.
21. Силаков А. С. Эмоциональная модальность деятельности педагога как фактор выбора субъект-субъектного стиля общения в системе «Учитель–ученик» [Электронный ресурс] // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 4 (28). URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/33> (дата обращения: 24.09.2023).
22. Тарабакина Л. В. Эмоциональное здоровье подростка: риски и возможности. М.: Московский педагогический государственный университет, 2017. 193 с.
23. Чернобровкина С. В., Мазура Т. М. Профессиональные и личностные факторы психологического благополучия сотрудников в организации // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2021. № 1. С. 30–39. DOI: 10.24147/2410-6364.2021.1.30-39.
24. Фадеева О. В., Модина Т. Ф. Исследование личностных ресурсов педагогов с разным педагогическим стажем // Проблемы психологического благополучия: матери-

алы Международной научной заочной конференции, Екатеринбург, 19 марта 2021 г. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2021. С. 277–280.

25. Фрайфельд И. В. Эмоциональное благополучие как условие развития физических качеств детей 4–5 лет в процессе двигательной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2013. 23 с.
26. Fredrickson B. L. The role of positive emotions in positive psychology: The broaden-and-build theory of positive emotions // *American Psychologist*. 2001. № 56. P. 218–226. DOI: 10.1037//0003-066x.56.3.218.
27. Lamers S. M. A., Bolier L., Westerhof G. J. The impact of emotional well-being on long-term recovery and survival in physical illness: a meta-analysis // *Journal of Behavioral Medicine*. 2012. № 35. P. 538–547. DOI: 10.1007/s10865-011-9379-8.

REFERENCES

1. Alferova E. I., Zeer E. F. [Psychological features of a professional teacher in the process of professional development]. In: *Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования* [Education and Science. News of the Ural Branch of the Russian Academy of Education], 2007, no. 6 (48), pp 59–70.
2. Aronova E. Yu. [Assessing the professional activities of teachers during the period of life satisfaction]. In: *Vestnik pedagogicheskikh nauk* [Bulletin of Pedagogical Sciences], 2020, no. 3, pp. 5–15.
3. Badulina O. I. *Pedagogicheskie osnovy emocional'nogo blagopoluchiya doshkol'nikov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical foundations of emotional development of preschoolers: abstract of Cand. Sci. thesis in Pedagogy]. Moscow, 1998. 23 p.
4. Bannikova G. S., Pavlova T. S. [Psychological well-being of specialists working in the education system of a metropolis]. In: Baeva I. A., ed. *Psichologicheskoe soprovozhdenie bezopasnosti obrazovatel'noj sredy shkoly v usloviyah vnedreniya novykh obrazovatel'nykh i professional'nykh standartov: materialy Vserossijskoj zaochnoj nauchnoj internet-konferencii, Moskva, 2 oktyabrya 2015 g.* [Psychological support for the safety of the educational environment of the school in the conditions of the development of new education and professional standards: materials of the All-Russian correspondence scientific Internet conference, Moscow, 2 October 2015]. Moscow, Moscow State Psychological and Pedagogical University Publ., 2015, pp. 84–90.
5. Bykova S. S. [Professional responsibility of the future teacher: content and structure of concepts]. In: *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2016, no. 3, pp. 49–53.
6. Voyushina E. A., Postnikova M. I. [Psychological well-being of teachers with different work experience (generational aspect)]. In: *Gercenovskie chteniya: psichologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [Herzen Readings: Psychological Research in Education], 2019, no. 2, pp. 842–850. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-105.
7. GavriloVA L. V., Kozlova M. A. [Theoretical aspects of studying the emotional sphere of a beginning teacher]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI century], 2018, no. 1 (1), pp. 88–98.
8. Goulman D. *Emocional'nyj intellekt. Pochemu on mozhnet znachit' bol'she, chem IQ?* [Emotional intelligence. Why can it matter more than IQ?]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2022. 544 p.
9. Grigorova Yu. B. [Structure of emotional stress]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psichologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2019, vol. 1, no. 1 (26), pp. 331–334. DOI: 10.26140/anip-2019-0801-0082.
10. Dallakyan R. O. [Factors contributing to the syndrome of emotional burnout in the professional activity of a teacher]. In: *Innovacii. Nauka. Obrazovanie* [Innovations. The science. Education], 2021, no. 25, pp. 1378–1383.

11. Efremova O. I. [Professional responsibility of a teacher: analysis of psychological manifestations]. In: *Psihologiya obucheniya* [Psychology of education], 2019, no. 5, pp. 88–100.
12. Kondrat'eva O. G. [The structure of the emotional burnout syndrome among teachers depending on the length of professional activity]. In: *Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2017, no. 6, no. 3 (20), pp. 304–306.
13. Larionova L. A. [Interrelation of value orientations and satisfaction with the professional sphere among primary school teachers]. In: *Social'naya kompetentnost'* [Social competence], 2021, vol. 6, no. 1 (19), pp. 47–59.
14. Odincova V. V., Gorchakova N. M. [Emotional well-being as an integrative characteristic of the emotional sphere]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2014, vol. 12, no. 1, pp. 69–77.
15. Pahalkova A. A. [Emotional well-being as a component of a safe educational environment]. In: *Psiholog* [Psychologist], 2015, no. 1, pp. 44–65. DOI: 10.7256/2409-8701.2015.1.13783.
16. Pecherkina A. A., Kovalenko A. A. [On the issue of the need to study the emotional state of a young teacher]. In: *Aktual'nye problemy ekstremal'noj i krizisnoj psihologii: materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ekaterinburg, 07–08 aprelya 2022 g.* [Current problems of extreme and crisis psychology: materials of the IV All-Russian scientific and practical conference, Ekaterinburg, April 07–08, 2022]. Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin Publ., 2022, pp. 77–79.
17. Pogorskaya V. A. [Subjective well-being of a teacher in the educational process]. In: *International journal of medicine and psychology*, 2020, vol. 3, no. 1, pp. 74–77.
18. Polyakov A. S. [Interrelation of professional responsibility and attitude to learning among primary school teachers with different work experience]. In: *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 2021, vol. 9, no. 2. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/12PSMN221.pdf> (accessed: 17.08.2023).
19. Sivrikova N. V., Chernikova E. G., Sokolova N. A. [Life satisfaction and the educational process as predictors of socio-psychological stability of teachers]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk Pedagogical State University], 2017, vol. 7, no. 6, pp. 87–100.
20. Syrico T. G. *Emocional'nost' kak professional'no-vazhnoe kachestvo uchitelya: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Emotionality as a professionally important quality of a teacher: abstract of Cand. Sci. in Psychology]. St. Petersburg, 1997. 19 p.
21. Silakov A. S. [Emotional modality of a teacher's activity as a factor in the choice of subject-subject style of communication in the "Teacher-student" system]. In: *Uchyonye zapiski: elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk University], 2013, no. 4 (28), pp. 246–253.
22. Tarabakina L. V. *Emocional'noe zdorov'e podrostka: riski i vozmozhnosti* [Emotional health of a teenager: risks and opportunities]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2017. 193 p.
23. Chernobrovkina S. V., Mazura T. M. [Professional and personal factors of psychological behavior of employees in an organization]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psihologiya* [Bulletin of Omsk University. Series: Psychology], 2021, no. 1, pp. 30–39. DOI: 10.24147/2410-6364.2021.1.30-39.
24. Fadeeva O. V., Modina T. F. [Study of personal resources of teachers with different teaching experience]. In: *Problemy psihologicheskogo blagopoluchiya: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj zaochnoj konferencii, Ekaterinburg, 19 marta 2021 g.* [Problems of psychological well-being: materials of the International Scientific Correspondence Conference,

- Ekaterinburg, March 19, 2021]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2021, pp. 277–280.
25. Frajfeld I. V. *Emocional'noe blagopoluchie kak uslovie razvitiya fizicheskikh kachestv detej 4–5 let v processe dvigatel'noj deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Emotional well-being as a condition for the development of physical qualities of children 4–5 years old in the process of motor activity: abstract of Cand. Sci. thesis in Psychology]. Ekaterinburg, 2013. 23 p.
26. Fredrickson B. L. The role of positive emotions in positive psychology: The broaden-and-build theory of positive emotions. In: *American Psychologist*, 2001, no. 56, pp. 218–226. DOI: 10.1037//0003-066x.56.3.218.
27. Lamers S. M. A., Bolier L., Westerhof G. J. The impact of emotional well-being on long-term recovery and survival in physical illness: a meta-analysis. In: *Journal of Behavioral Medicine*, 2012, no. 35, pp. 538–547. DOI: 10.1007/s10865-011-9379-8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Печеркина Анна Александровна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;

e-mail: a.a.pecherkina@urfu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2261-2505>

Коваленко Анна Андреевна – лаборант-исследователь научной лаборатории «Центр популяционных исследований» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;

e-mail: aak.bio.chim@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0918-0206>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Pecherkina – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of the Department of Pedagogy and Psychology of Education of Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin;

e-mail: a.a.pecherkina@urfu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2261-2505>

Anna A. Kovalenko – Laboratory assistant-researcher of the scientific laboratory «Center for Population Research» of Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin;

e-mail: aak.bio.chim@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0918-0206>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Печеркина А. А., Коваленко А. А. Особенности эмоционального благополучия учителя // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 34–47.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-34-47

FOR CITATION

Pecherkina A. A., Kovalenko A. A. Features of a teacher's emotional well-being. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 34–47.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-34-47

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-48-69

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ ЖИТЕЛЯМИ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Афанаскин А. Б., Шульга Т. И.

Государственный университет просвещения

*141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская
Федерация*

Аннотация

Цель – проведение сравнительного анализа понимания социальной напряжённости жителями России и Казахстана.

Процедура и методы. Исследование понимания и восприятия социальной напряжённости в обществе гражданами РФ и Казахстана проводилось методом опроса, который обрабатывался методом контент-анализа (тематического анализа). Исследование проводилось в г. Москве в 2022–2023 гг., всего в исследовании приняли участие 418 респондентов – жителей России (240 человек) и Казахстана (178 человек) от 21 до 45 лет, средний возраст составил 30 лет. Опрос проводился посредством сети Интернет.

Результаты. На основе полученных ответов с использованием метода контент-анализа выявлено разное понимание и восприятие социальной напряжённости жителями двух государств. Рассогласованность понимания и восприятия социальной напряжённости связана с рядом изменений в социальном обществе, явлений, которые вызывают напряжённость и отношение к ней. Выявлено, что общим для жителей, проживающих на разных территориях разных государств (РФ и Казахстана), является восприятие и проявление социальной напряжённости как страха, негативного психологического переживания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование вносит вклад в понимание восприятия социальной напряжённости жителей разных государств социальной психологией. Результаты создают основу для проведения дальнейших количественных исследований в данной проблемной области для оказания психологической помощи жителям при снятии социальной напряжённости.

Ключевые слова: социальная напряжённость, напряжённость, стресс, кризис

© СС BY Афанаскин А. Б., Шульга Т. И., 2024.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PERCEPTION OF SOCIAL TENSION BY RESIDENTS OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

A. Afanaskin, T. Shulga

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy, 24, Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to conduct a comparative analysis of the understanding of social tension by residents of Russia and Kazakhstan.

Methodology. The study of the understanding and perception of social tension in society by citizens of the Russian Federation and Kazakhstan was conducted by a survey method, which was processed by the method of content analysis (thematic analysis). The study was conducted in Moscow in 2022-23, a total of 418 respondents took part in the study – residents of Russia (240 people) and Kazakhstan (178 people) from 21 to 45 years old, the average age was 30 years. The survey was conducted via the Internet.

Results. Based on the responses received using the content analysis method, different understanding and perception of social tension by residents of the two states were revealed. The inconsistency of understanding and perception of social tension is associated with a number of changes in social society, phenomena that cause tension and attitudes towards it. It has been revealed that what is common for residents living in different territories of different states (Russia and Kazakhstan) is the perception and manifestation of social tension as fear, negative psychological experience.

Research implications. The research contributes to the understanding of the perception of social tension of residents of different states in social psychology. The results provide the basis for further quantitative research in this problem area to provide psychological assistance to residents in relieving social tension.

Keywords: social tension, tension, stress, crisis

Введение

Глобальные изменения, происходящие в мире, связаны с постоянным ростом социальной напряжённости, которую испытывает человечество. Рост социальной напряжённости приводит к негативным переживаниям, стрессу, а также повышению агрессивности во взаимоотношениях людей. В процессе социализации человечества происходит некоторое сворачивание социальных связей, появляются ограничения во взаимодействии людей разных стран, снижается общение, постоянно возникают переживания стресса, страха, недовольства общественными от-

ношениями разных народов. Всё чаще фокус внимания людей направлен на внутренние переживания, снятие социальной напряжённости, что и определило актуальность данной темы исследования.

Социальная транзитивность представляет собой неопределённость, обуславливаемую в первую очередь глобальными миграционными процессами между государствами, которые влекут за собой культурные, этнические, религиозные и другие пересечения. С другой стороны, они носят разнонаправленный характер, что в свою очередь только увеличивает неопреде-

лённость взаимоотношений и взаимодействий между людьми.

Особенностью этой неопределённости является то, что она затрагивает подавляющее число населения. При этом каждый отдельный человек может не осознавать данного воздействия в конкретный момент времени. Эти воздействия также могут пересекаться, накладываться друг на друга, вызывая разнонаправленные реакции. Эти реакции носят проявления во взаимодействии народов разных государств как на глобальном уровне, так и на индивидуальном. Не только сами глобальные изменения, но и невозможность укрыться от них вызывают широкий спектр реакций как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Стресс, тревожность и нервозность как психологические реакции проявления этих изменений становятся пристальным объектом исследования в существующих уникальных условиях жизни людей в разных государствах.

Социальная напряжённость как понятие, относящееся к области состояний больших групп индивидов, привлекает к себе внимание многих исследователей, особенно в России. У этого понятия есть своя история развития как в зарубежной, так и в отечественной науке [1; 2; 14].

Актуальностью данной статьи является различие подходов к исследованию социальной напряжённости, её двойкой природы. При этом в работах по её исследованию уделяется внимание её описанию, проявлению, но не уделяется внимания восприятию социальной напряжённости со стороны общества и тем более народов различных государств. Благодаря такому исследованию можно сделать шаг к более

полному пониманию СН как с теоретической, так и с практической точки зрения, т. е. к пониманию СН, измерению и управлению ей.

Теоретический анализ представлений о социальной напряжённости

Теоретический анализ исследований показал, что сложилось несколько подходов к определению СН. Ряд авторов рассматривают её как особое состояние социальной системы, характеризующееся нарастанием внутренних противоречий и нестабильностью [6]. Другие подчёркивают роль человеческого фактора, определяя СН через эмоциональное состояние индивидов и групп, их неудовлетворённость условиями жизни. Выделяют также процессуальный подход, когда СН понимается как динамичное явление, включающее ряд этапов нарастания и спада [12].

В качестве детерминант СН исследователи [17] называют социально-экономические (уровень жизни, занятость), политические (доверие к власти, легитимность), этнокультурные (межнациональные отношения) и другие факторы. Отмечается, что СН может носить как явный, так и латентный характер, периодически актуализируясь под влиянием внешних событий [13].

В исследованиях ряда авторов рассматривается взаимосвязь СН с родственными феноменами – социальным конфликтом, протестными настроениями, этнической напряжённостью¹ [11; 14; 16]. Подчёркивается роль СН в возникновении и эскалации конфликтов.

¹ Кравченко А. И. Краткий социологический словарь. М.: Проспект, 2015. 352 с.

В отечественной психологии исследование СН можно условно разделить на два направления – СН как характеристика общества и СН как самостоятельное явление [1]. Например, В. А. Бараночников [4] рассматривает социальную напряжённость как состояние общества. Такое состояние возникает в результате изменения (трансформации) её социальной структуры. При таком изменении обостряются, выходят на передний план как объективные, так и субъективные противоречия между различными социальными группами. Причину такого обострения автор видит в факторах «материально-имущественных, социально-профессиональных и самоидентификационных» [4, с. 8]. Схожей точки зрения – рассмотрения социальной напряжённости как состояния – придерживается и Г. И. Козырев [9]. С его точки зрения социальная напряжённость является состоянием взаимодействующих сторон, но, уточняет автор, эти отношения носят враждебный характер.

В зарубежной научной литературе социальная напряжённость также привлекает внимание исследователей. Исследователи [20] обращаются к межгрупповым различиям и внутригрупповым сходствам понимания СН в зависимости от доходов групп. В результате исследования авторы приходят к заключению, что социальная напряжённость возрастает при уменьшении количества самих групп, т. е. при сильной поляризации доходов – или, иными словами, когда «бедные беднеют», а «богатые богатеют». Причём более бедные чувствуют данное различие, т. е. социальную напряжённость, острее, чем богатые. Причём

на психологическую напряжённость влияет относительная идентификация при групповом сравнении.

В работе [20] исследуется предположение, что экономическая отсталость может привести к социальному напряжению. Авторы утверждают, что экономическая отсталость увеличивает вероятность социального напряжения, особенно среди населения стран, которые догоняют более развитые. Результаты подтверждают предположение авторов, особенно в форме ненасильственных массовых движений, и предостерегают правительства о возможных последствиях упущенных экономических возможностей для внутренней стабильности страны.

В работе [18] авторы предлагают новый индекс измерения социальной напряжённости. Данный индекс включает в себя измерение депривации среди бедных и удовлетворённости среди богатых, когда они сталкиваются с различными распределениями доходов. Авторы предлагают справедливый налоговый подход как способ снижения социальной напряжённости.

Зарубежный и отечественный подходы не являются противоположными, а скорее, дополняют друг друга. При объединении двух подходов можно рассматривать появление, усиление социальной напряжённости в ситуациях, когда происходят изменения социальной структуры общества, обостряются различия между отдельными социальными группами. Происходит такое обострение за счёт «материально-профессиональных и социально-профессиональных» факторов, которые приводят к имущественному расслоению и со временем к уменьшению групп, а за счёт «самоидентификационных»

процессов происходит относительная идентификация при групповом сравнении. Это составляет характеристику социальной напряжённости.

Таким образом, возникает следующее предположение: изменения социальных структур различных обществ могут происходить, с одной стороны, постоянно, а с другой – интенсивность таких изменений может измениться от незаметных «вялотекущих» до резких «сломов» наличествующих социальных структур. Следовательно, восприятие социальной напряжённости социальными группами различных стран может отличаться друг от друга.

Особенностью, на которую необходимо обратить внимание, является тот факт, что зарубежные авторы [18; 19; 20] уделяют поверхностное внимание определению понятия «социальная напряжённость», что может вносить некую путаницу при знакомстве с исследованиями конкретных авторов, что само собой не умаляет их научной ценности.

Таким образом, феномен социальной напряжённости является комплексным системным явлением, отражающим состояние как отдельных социальных групп, так и общества в целом. Именно этим и определяется новизна исследования.

Процедура и методы исследования

В исследовании приняли участие 418 респондентов – граждане России (240 человек) и граждане Казахстана (178 человек) от 22 до 45 лет, средний возраст составил 30 лет. Опрос проводился посредством сети Интернет.

Респондентам предлагалось заполнить анкету в онлайн-сервисе Google

Forms. В анкете содержалось шесть незаконченных предложений для ответов на ряд вопросов:

1. Социальную напряжённость я понимаю как: Социальная напряжённость это ...

2. Я испытываю социальную напряжённость в ситуациях...

3. На моё психоэмоциональное состояние социальная напряжённость влияет ...

4. Когда я испытываю социальную напряжённость, то ...

5. В обществе социальная напряжённость проявляется как ...

6. Пережить социальную напряжённость мне помогают ...

Гипотеза заключалась в том, что жители России и Казахстана воспринимают социальную напряжённость по-разному. При этом восприятие социальной напряжённости содержит и общие характеристики.

Для обработки результатов и анализа полученного массива данных был применён метод контент-анализа [15]. Данный метод использовался потому, что он позволяет обрабатывать неструктурированные данные, т. к. опросник содержит «открытые» вопросы. С помощью контент-анализа можно выделить смысловое содержание ответов респондентов.

Существует много определений социальной напряжённости. В данной работе мы используем следующее понимание социальной напряжённости, которое дано Т. И. Шульгой и В. С. Левицкой – социальная напряжённость является «специфическим для человеческой психики отражением неравновесности социального бытия, являющееся условием взаимодействия, взаимобмена социальных и психиче-

ских форм, опосредованного потребностями, интересами, нормами и ценностями, присущими отдельным людям и социальным группам» [17, с. 55].

Результаты полученных данных

С помощью контент-анализа выявлено, что понимание социальной напряжённости делится на три категории:

1. Противоречия, которые охватывают процесс возникновения и развития, обуславливающий социальную напряжённость [4].

2. Психоэмоциональное состояние, которое находит своё отражение в «эмоции, неудовлетворённость существующим положением, отношение к происходящему, к другим индивидам и группам» [10].

3. Снижение уровня жизни – форма трудностей, по отношению к которым социальная напряжённость выступает в качестве «дезадаптационного / адаптационного синдрома» [7].

Результаты, представленные на рис. 1, позволяют увидеть, что наибольшее количество респондентов в российской выборке понимает социальную напряжённость как психоэмоциональное состояние – 49%. При этом в казахстанской выборке это понимание проявилось как снижение уровня жизни – 45%. Это свидетельствует о разном понимании социальной напряжённости, при этом понимание её как противоречия также высоко в российской выборке, 32%, а в казахстанской выборке психоэмоциональное состояние составляет 38%.

Соотношение между категориями для обеих выборок также примерно одинаково. Для первого места 45% и 49%, для второго – 38% и 32%, а для третьего – 19% и 17%, т. е. обе выборки схожи в части пропорций восприятия СН.

В категории понимания социальной напряжённости как «противоречия» (см. рис. 2) выявлено, что его смысл

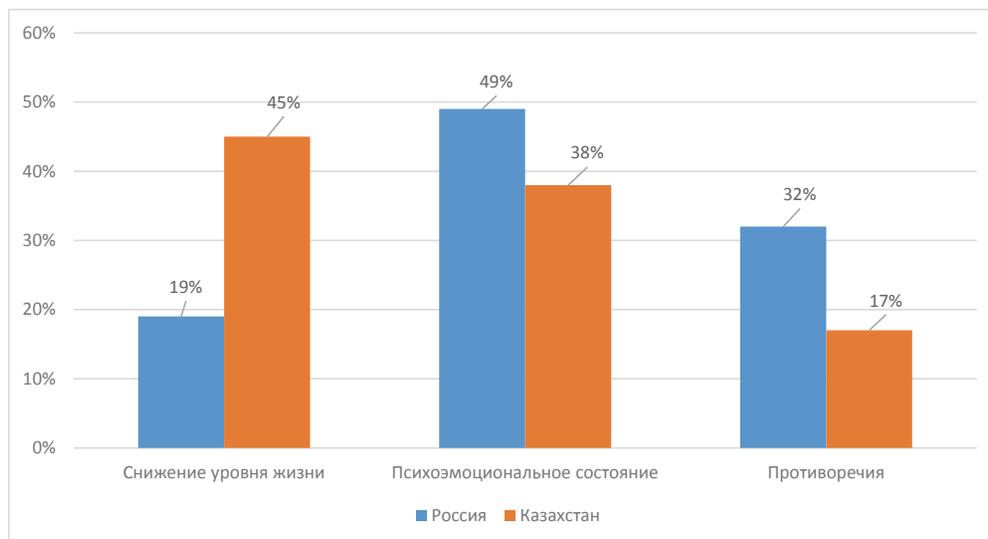

Рис. 1 / Fig. 1. Результаты понимания социальной напряженности жителями России и Казахстана по категориям (в %) / Results of understanding social tension by residents of Russia and Kazakhstan by category (in %)

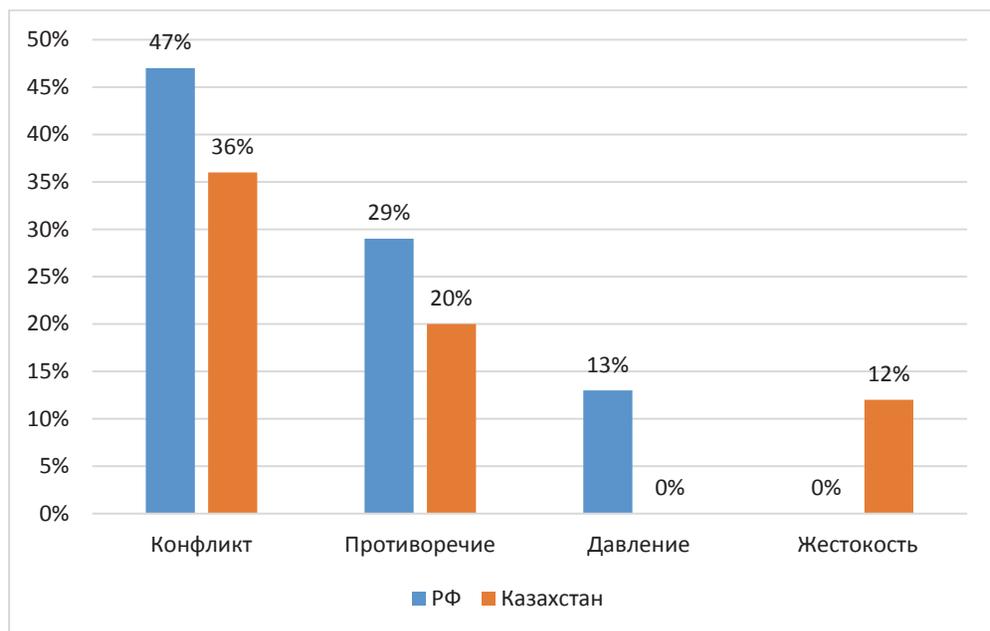

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты понимания содержания категории «Противоречия» жителями двух стран / Results of understanding the content of the category «Contradictions» by residents of two countries

рассматривается как «конфликт» – 47% российской выборки и 36% казахстанской. На втором месте противоречие само по себе – 29% и 20% соответственно. На третьем месте у российской выборки находится «давление» – 13%, а у казахстанской – «жестокость» – 12%, которая отсутствует у жителей России. В казахстанской выборке противоречие рассматривается еще как митинги, забастовки, агрессия – т. е. как некоторое действие – по 8%.

При рассмотрении СН как «психоэмоционального состояния» (см. рис. 3) смысловое содержание данного понятия характеризует то, что чувствуют, переживают люди в настоящее время. При этом жители России более широко представляют СН, вектор их смыслового содержания более разнообразен, чем у жителей Казахстана. В обеих выборках наибольшее число ответов

связано с общим негативным состоянием. При более точном рассмотрении 53% и 69% респондентов соответственно воспринимает напряжённость как состояние, не поддающееся конкретному описанию (состояние, напряжённость или эмоции), т. е. для жителей Казахстана в большей степени, но и для жителей России также, социальная напряжённость является скорее менее рефлексивным состоянием.

По результатам контент-анализа можно предположить, что переживание СН связано в большей степени с негативным состоянием. У жителей России – с недовольством, трудностями, неудовлетворённостью, волнением и тревогой. У жителей Казахстана переживания такие же, кроме состояния недовольства. Состояния тревоги, волнения воспринимаются как переживание страха СН.

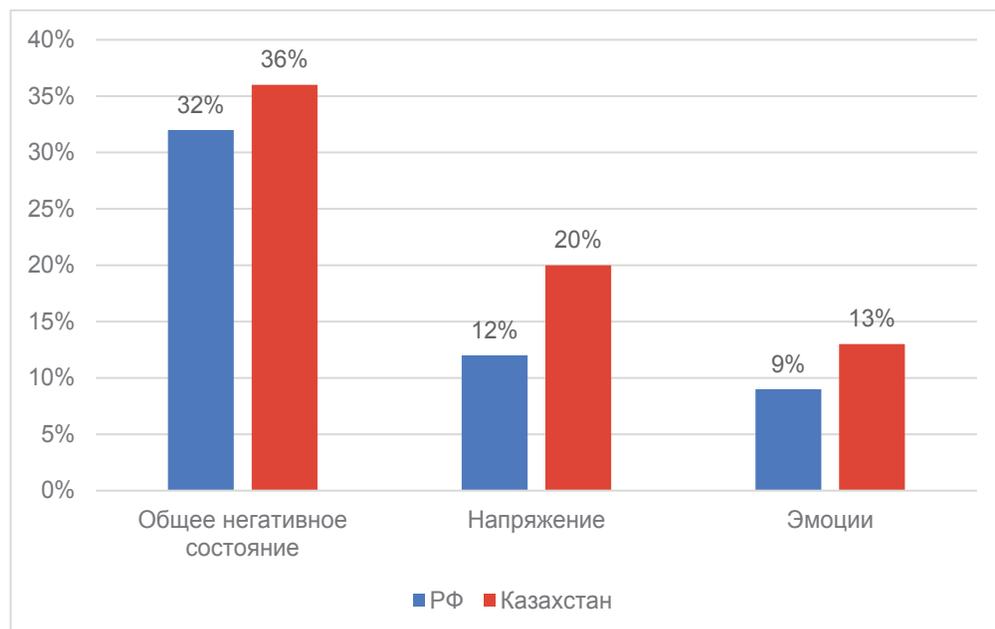

Рис. 3 / Fig. 3. Результаты понимания содержания «Психоэмоциональное состояние» жителями двух стран / Results of understanding the content «Psycho-emotional state» by residents of two countries

При рассмотрении СН как «Снижение уровня жизни» (см. рис. 4) выделено следующее содержание данной категории – она характеризуется для жителей России такими единицами анализа, как «социальные» – 17% и «экономические» – 17%, а также «условия жизни» – 15%.

Для жителей Казахстана данная категория характеризуется такими единицами анализа, как «условия жизни» – 15%, «социальные» – 15% и «экономические» – 13%.

По результатам исследования выявлено, что для жителей России «снижение уровня жизни» в первую очередь связано с «социальными» и «экономическими» условиями, что можно отнести к переживанию социальной напряжённости большими группами и малыми (близкими людьми), а для жителей Казахстана в первую очередь «ус-

ловия жизни» и «социальные условия» могут быть отнесены как к большим группам (условия жизни общества), так и к малым (условия жизни определённой группы, например, семьи).

Таким образом, можно сделать вывод, что при кажущейся близости восприятия социальной напряжённости российскими и казахстанскими респондентами результаты позволяют выделить особенности понимания и восприятия ими СН. Если для жителей Казахстана СН в первую очередь проявляется именно в экономической плоскости, то для жителей России в плоскости «психоэмоциональных состояний».

Далее было рассмотрено, в каких ситуациях респонденты испытывают социальную напряжённость (см. рис. 5). Были выделены следующие категории:

1. В ситуациях социального взаимодействия – как в системе социальных

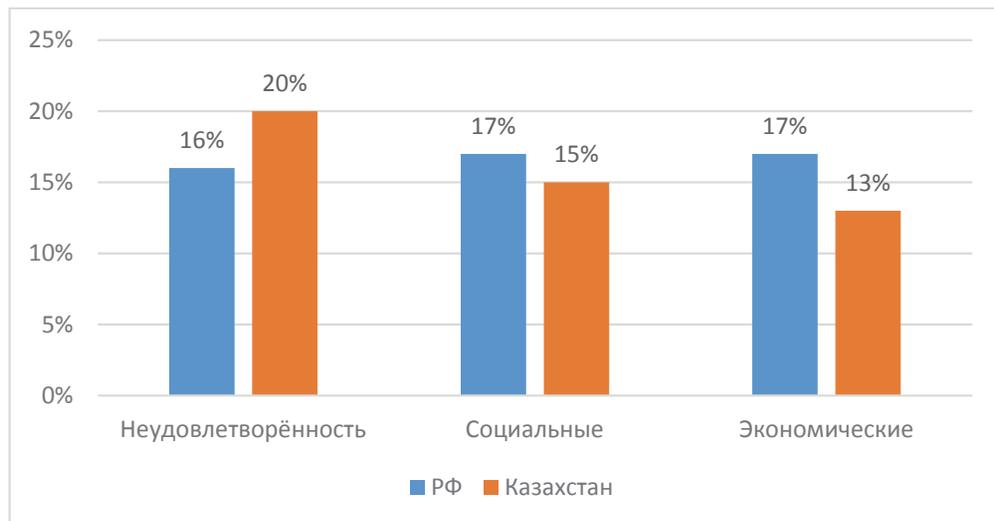

Рис. 4 / Fig. 4. Результаты понимания содержания «Снижение уровня жизни» жителями двух стран / Results of understanding the content «Decreased standard of living» by residents of two countries

Рис. 5 / Fig. 5. Результаты понимания ситуаций, в которых испытывается социальная напряжённость жителями России и Казахстана / Results of understanding situations in which social tension is experienced by residents of Russia and Kazakhstan

действий, которые социальная напряжённость обуславливает [18].

2. В ситуациях негативного экономического состояния – нехватка денег, бедность, недостаток как изменения социальной среды, негативно влияющей на способность адаптироваться и выживать.

3. В ситуациях психоэмоционального характера – в форме социальной напряжённости находят своё отражение «эмоции, неудовлетворённость существующим положением, отношение к происходящему, к другим индивидам и группам» [13, с. 48].

В казахстанской выборке между категориями «социального взаимодействия» и «негативного эмоционального состояния» разница составляет 14% – 44% и 31% соответственно, а между «негативными экономическими состояниями» и ситуациями «психоэмоционального характера» разница

составляет также 6% – 31% и 25% соответственно – т. е. разница в 2,3 раза.

В данном случае можно говорить, что казахстанская выборка воспринимает ситуации, в которых возникает СН, более «монолитно», в отличие от российской выборки, которая в 2/3 случаев к ситуациям, в которых она испытывает СН, относит ситуации социального взаимодействия.

В категория ситуаций СН как «Социального взаимодействия» (см. рис. 6) взгляды жителей России и жителей Казахстана совпадают. В первую очередь «социальное взаимодействие» подразумевает людей – 29% жителей России и 27% жителей Казахстана, далее следует «конфликт» – 19% в обеих выборках. А затем содержание начинает расходиться. Если у жителей Казахстана на третьем месте стоит «национальность» – 15%, то у жителей России – «общество» – 15%.

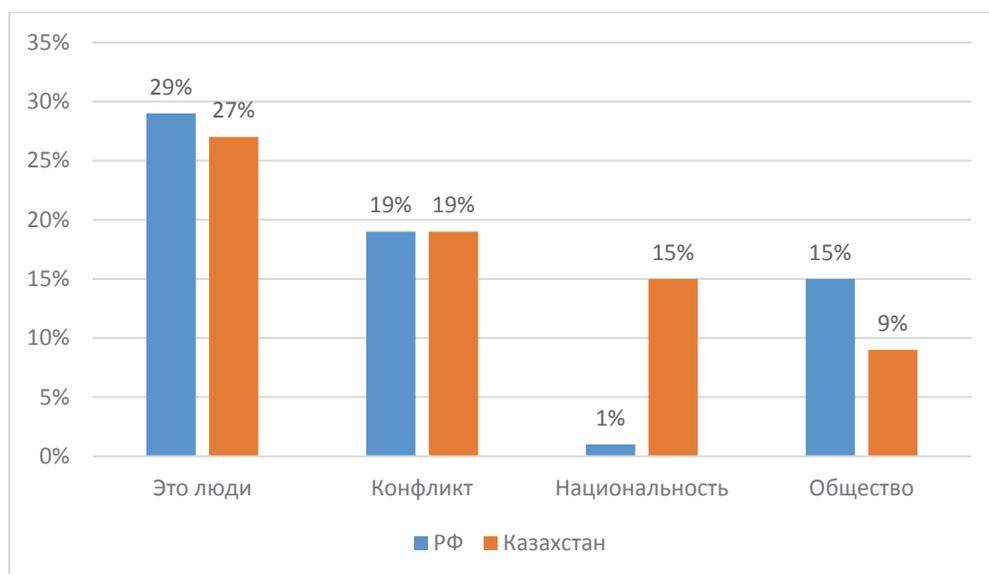

Рис. 6 / Fig. 6. Результаты понимания содержания «Социальное взаимодействие» / Results of understanding the content «Social interaction»

При объединении первой категории, компоненты которой в сумме составляют чуть больше 60%, можно получить следующие результаты. Жители России воспринимают ситуации, в которых возникает социальная напряжённость, как «социальное взаимодействие между людьми, а также в форме конфликта в обществе». А жители Казахстана как «социальное взаимодействие между людьми в форме конфликта национальностей».

При рассмотрении категории «Негативные экономические изменения» (см. рис. 7) её содержание различается между казахстанской и российской выборками. В казахстанской выборке 63% относят к категориям «цены» – 33% и «работа» – 30%. При этом «жизнь» отстаёт от «работы» на 22%, или в 3.75 раза. Единицы анализа российской выборки распределились следующим образом: 70% заняли кате-

гории «цены», 28%, «работа» и «экономика» – 16% и жизнь – 13%.

Смысловое содержание «негативных экономических изменений» понимается и воспринимается в ситуации возникновения социальной напряжённости в обеих выборках как цена и работа, и при этом жители России воспринимают «негативные экономические изменения» более обобщённо. Для них категории «жильё», «финансы» и «медицина» из-за минимального процента упоминания можно охарактеризовать как «неважные».

Анализ содержания категории «психоэмоционального характера» (см. рис. 8) показал, что выявилась особенность – большую часть занимают ответы «не испытываю» – 43% российской выборки и 52% казахстанской. Далее следует психоэмоциональный характер – «напряжённость» – 29% и 34% соответственно, «тревожность» –

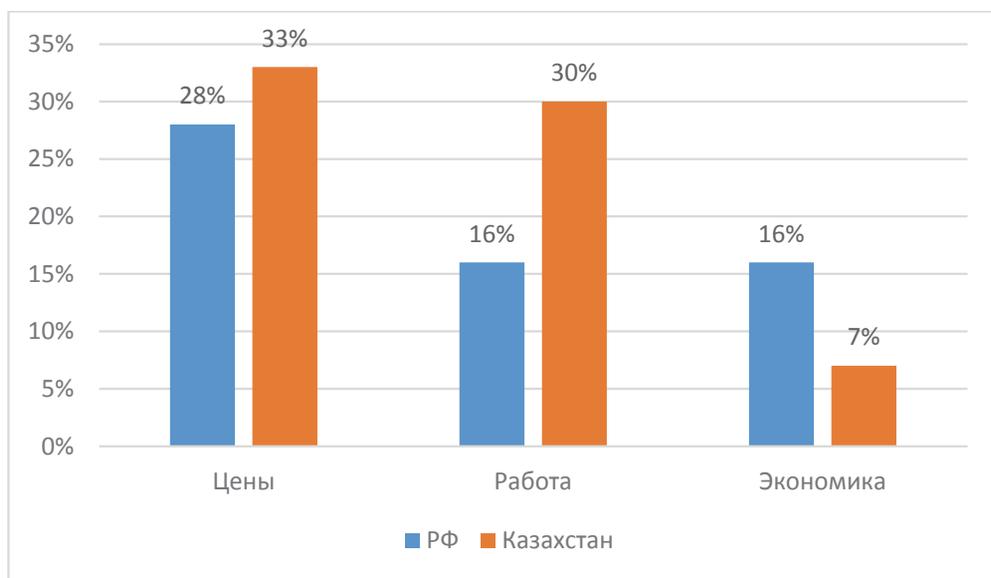

Рис. 7 / Fig. 7. Результаты понимания содержания «Негативные экономические изменения» / Results of understanding the content «Negative economic changes»

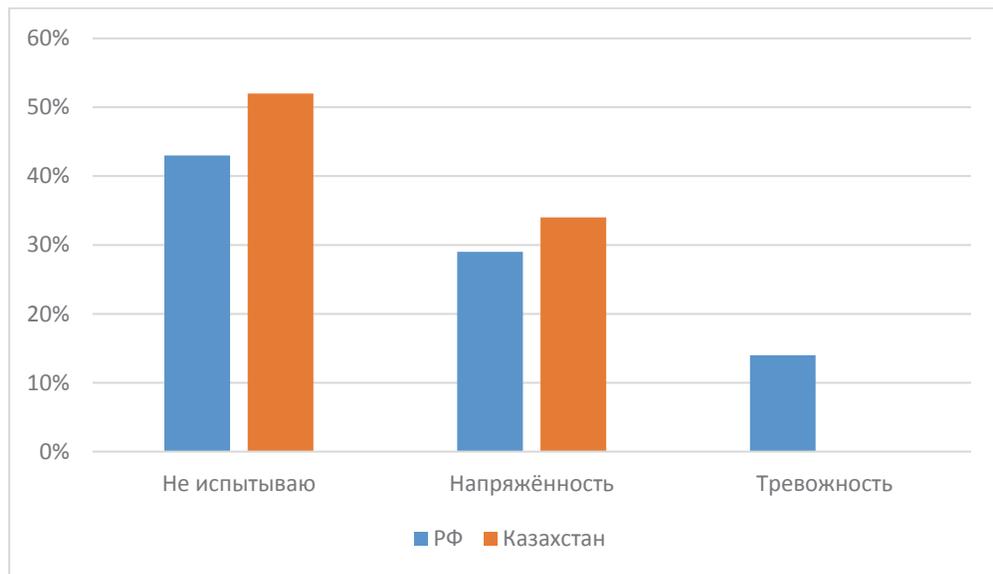

Рис. 8 / Fig. 8. Результаты понимания содержания «психоэмоционального характера» / Results of understanding the content of «psycho-emotional nature»

14% только в российской выборке. В казахстанской выборке тревожность отсутствует.

В данном случае можно предположить, что выбор варианта «не испытываю» является скорее нежеланием рефлексировать состояние социальной напряжённости, чем описывать его психоэмоциональный характер, что требует обдумывания и времени.

Для того, чтобы пережить социальную напряжённость, респонденты прибегают к трём возможным видам поддержки или регуляции себя (см. рис. 9):

1. Социальное окружение – совокупность людей, объединённых взаимоотношениями с конкретным человеком [8].

2. Психоэмоциональная регуляция – набор процессов, которые люди используют для распознавания, мониторинга, оценки и модификации эмоционального опыта. Эти процессы могут

как увеличивать, так и уменьшать интенсивность и количество эмоциональных реакций [5].

3. Избегание – защитный механизм психики, заключающийся в уклонении (отказе, уходе) от ситуаций и источников неприятного воздействия.

Результаты позволяют увидеть, что наибольшее количество ответов в российской выборке составляет ответ «пережить социальную напряжённость помогает психоэмоциональная регуляция» – 50%. При этом в казахстанской выборке помогает пережить СН социальное окружение – 41%. Это свидетельствует о разном подходе к переживанию социальной напряжённости, при этом «социальное окружение» как способ пережить СН также высоко в российской выборке 45%, а в казахстанской выборке «регуляция» составляет 31%.

Стоит отметить, что разница между категориями «социального окруже-

Рис. 9 / Fig. 9. Результаты понимания того, что помогает пережить социальную напряжённость / Insights into what helps cope with social tension

ния» и «психоэмоциональной регуляции» в российской выборке в два раза больше, чем в казахстанской. В российской выборке она составляет: 5% – «регуляция» – 50% и «социальное окружение» – 45%, а в казахстанской выборке 10% – «регуляция» – 41% и «социальное окружение» – 31%.

Обращает на себя внимание категория «избегание». В российской выборке она в три раза ниже, чем в казахстанской – 6% и 18% соответственно.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать предположение, что жители России скорее будут справляться с социальной напряжённостью в социальном окружении и при регуляции себя. А для жителей Казахстана «избегание» также является одним из возможных подходов справиться с СН.

Анализ категории «социального окружения» (см. рис. 10) показывает

различия между жителями России и Казахстана.

Для жителей России подавляющую часть ответов составили категории «близкие» – 41%, «семья» – 18% и «друзья» – 18%, т. е. 77%. Можно предположить, что жители России опираются в первую очередь на довольно обобщённых «близких», а затем уже конкретизируют до «семьи» и «друзей», которые являются для них примерно равноценными при оказании помощи при переживании СН.

Для жителей Казахстана наблюдается другое распределение единиц анализа, более «концентрированное». Подавляющее большинство ответов 74% распределено между тремя единицами анализа – «семья» – 30%, «друзья» – 24% и родные – 22%, т. е. жители Казахстана опираются изначально на «семью», затем «друзей», после чего на более обобщённую категорию «родных».

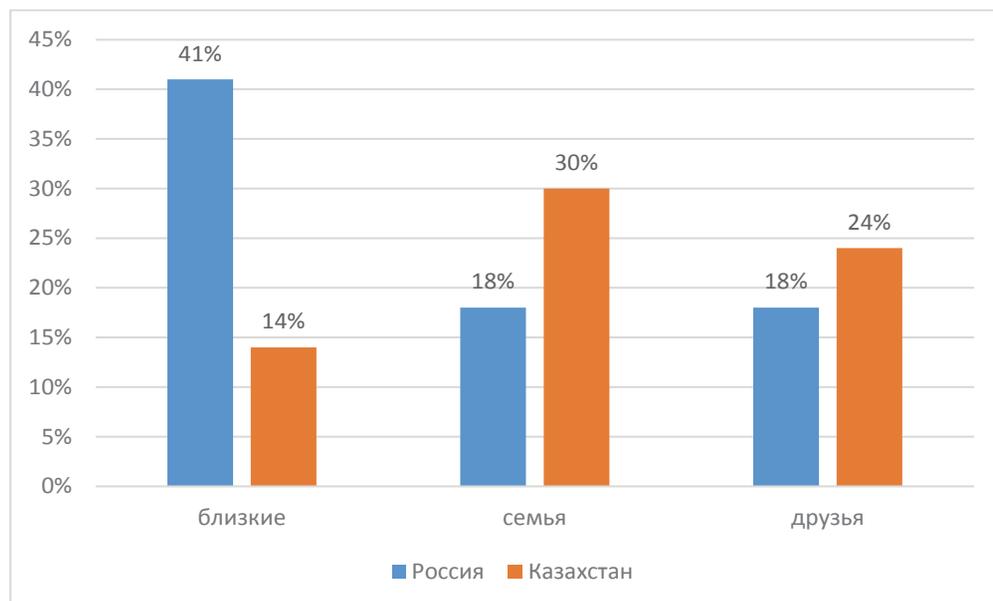

Рис. 10 / Fig. 10. Распределение способов оказания помощи при «Социальное окружение» / Distribution of methods of providing assistance in «Social environment»

Можно предположить, что жители России ближе к участию в более широких социальных группах, в то время как жители Казахстана выражены сконцентрированы именно на семье.

Содержание категории «регуляция» для жителей России следующее (см. рис. 11): 66% составляют 5 категорий: «спорт» – 19%, «музыка» – 14%, «психология» – 11%, «прогулка» – 11%, т. е. жители России считают, что могут справиться с воздействием социальной напряжённости довольно разнообразным количеством подходов.

В то же время для жителей Казахстана самые популярные способы регуляции – «эмоции» – 13%, «музыка» – 13% и «игры» – 11%: приходится только 36% от общего числа единиц анализа в данной категории. А все единицы анализа занимают диапазон от 2% до 13%, т. е. 11%. Можно предположить, что «коридор» инструментов,

помогающих справиться с СН, у жителей Казахстана более узкий и при этом более равномерный.

Анализ категории «избегание» показал (см. рис. 12), что она имеет разное содержание для жителей России и жителей Казахстана. Разница в количестве единиц анализа – у жителей Казахстана 2 единицы анализа, у жителей России 3 единицы анализа. Отдельные единицы анализа также не совпадают. У жителей Казахстана есть единица анализа «помощь», которая отсутствует у жителей России. И наоборот, у жителей России есть единицы анализа «алкоголь» и «абстрагироваться», которые отсутствуют у жителей Казахстана.

Для определения статистической значимости результатов был использован критерий Пирсона, поскольку он используется для изучения различий между независимыми выборками.

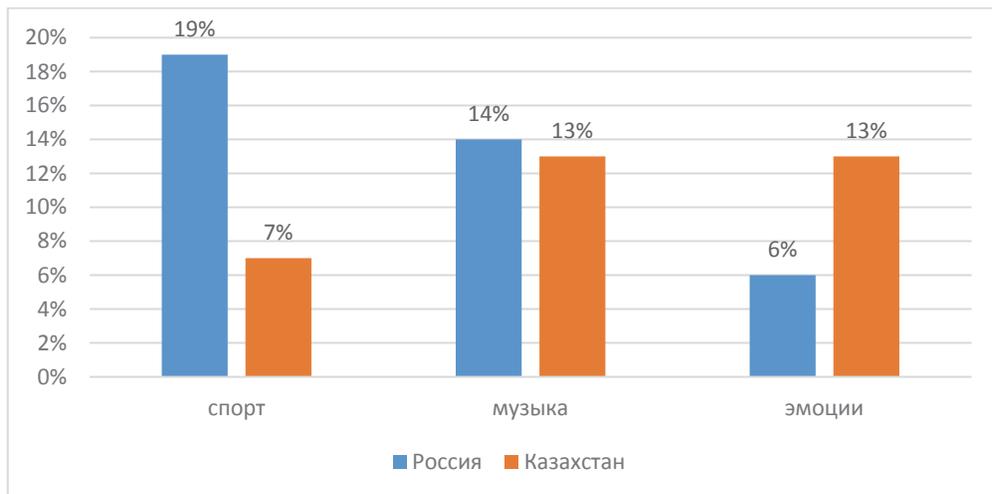

Рис. 11 / Fig. 11. Распределение способов в категории «Регуляция» / Distribution of methods in the «Regulation» category

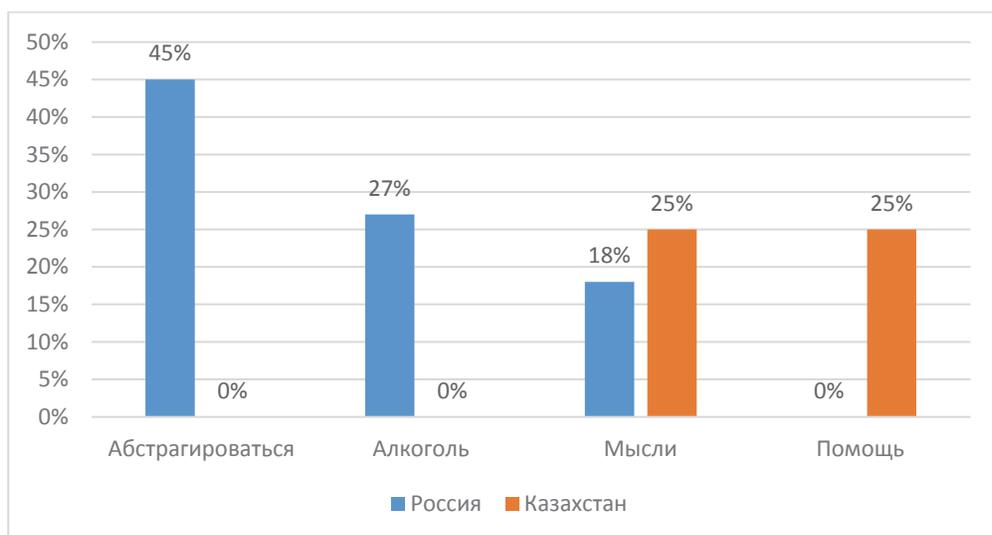

Рис. 12 / Fig. 12. Распределение способов в категории «Избегание» / Distribution of methods in the «Avoidance» category

Нулевой гипотезой является то, что жители России и Казахстана воспринимают социальную напряжённость по-разному. Альтернативной гипотезой является одинаковость восприятия социальной напряжённости.

Для расчёта критерия Манна-Уитни использовалась следующая последовательность действий:

1. Расчёт теоретической частоты ($t_{\text{т}}$).
2. Подсчёт разности между эмпирической и теоретической частотой по каждому разряду.

3. Определено число степеней свободы. Внесена поправка на «непрерывность» (если $\nu=1$).

4. Возведение полученной разности в квадрат.

5. Деление полученных квадратов разностей на теоретическую частоту.

6. Полученная сумма является $\chi^2_{\text{Эмп}}$.

Результаты расчётов представлены в табл. 1–3.

Получившиеся значения $\chi^2_{\text{Эмп}}$ представлены в таблице 4.

Результаты могут считаться статистически значимыми, если $\chi^2_{\text{Эмп}}$ достигает или превышает $\chi^2_{0.05}$, и тем более достоверными, если $\chi^2_{\text{Эмп}}$ достигает или превышает $\chi^2_{0.01}$.

Т. к. $\chi^2_{\text{Эмп}}$ превышает критическое значение, гипотеза о том, что восприятие социальной напряжённости,

Таблица 1 / Table 1

Распределение теоретических и эмпирических частот для категорий «Понимания социальной напряжённости» / Distribution of theoretical and empirical frequencies for the categories «Understanding social tensions»

N	Эмпирическая частота	Теоретическая частота	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{T}})$	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{T}})^2$	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{T}})^2/f_{\text{T}}$
1	19	32	-13	169	5.281
2	45	32	13	169	5.281
3	49	43.5	5.5	30.25	0.695
4	38	43.5	-5.5	30.25	0.695
5	32	24.5	7.5	56.25	2.296
6	17	24.5	-7.5	56.25	2.296
Суммы	200	200	-	-	16.544

Таблица 2 / Table 2

Распределение теоретических и эмпирических частот для категорий «Понимания ситуаций, в которых испытывается социальная напряжённость» / Distribution of theoretical and empirical frequencies for the categories «Understanding situations in which social tension is experienced»

N	Эмпирическая частота	Теоретическая частота	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{T}})$	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{T}})^2$	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{T}})^2/f_{\text{T}}$
1	66	55	11	121	2.2
2	44	55	-11	121	2.2
3	20	25.5	-5.5	30.25	1.186
4	31	25.5	5.5	30.25	1.186
5	14	19.5	-5.5	30.25	1.551
6	25	19.5	5.5	30.25	1.551
Суммы	200	200	-	-	9.874

Таблица 3 / Table 3

Распределение теоретических и эмпирических частот для категорий «Понимания способов совладения с социальной напряжённостью» / Distribution of theoretical and empirical frequencies for the categories «Understanding ways of coping with social tension»

N	Эмпирическая частота	Теоретическая частота	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{Т}})$	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{Т}})^2$	$(f_{\text{Э}} - f_{\text{Т}})^2/f_{\text{Т}}$
1	45	45.48	-0.48	0.23	0.005
2	41	40.52	0.48	0.23	0.006
3	50	42.83	7.17	51.41	1.2
4	31	38.17	-7.17	51.41	1.347
5	6	12.69	-6.69	44.76	3.527
6	18	11.31	6.69	44.76	3.958
Суммы	191	191	-	-	10.043

Таблица 4 / Table 4

Значения $\chi^2_{\text{Эмп}} / \chi^2_{\text{Эмп}}$ values

Наименование вопроса	Значения $\chi^2_{\text{Эмп}}$
Понимания социальной напряжённости	16.544
Понимания ситуаций, в которых испытывается социальная напряжённость	9.874
Понимания способов совладения с социальной напряжённостью	10.043

Критические значения χ^2 при $\nu=2$ для всех вопросов одинаковые.

Таблица 5 / Table 5

Критические значения χ^2 / Critical values of χ^2

v	p	
	0.05	0.01
2	5.991	9.21

ситуаций, в которых респонденты испытывают СН, а также методы, которыми они с нею совладают, различаются в зависимости от страны проживания (Россия и Казахстан).

Помимо расчёта критерия Пирсона, было изучено, какая категория ответов в каждом вопросе внесла наибольший вклад в него.

В результате применения критерия Пирсона выявлено, что наибольший вклад в восприятие социальной напряжённости в российской выборке вносит категория «психоэмоционального состояния», а в казахстанской – категория «снижения уровня жизни».

Наибольший вклад в восприятие ситуаций как социально напряжённых

для жителей России внесла категория «негативных экономических состояний», а для жителей Казахстана – ситуации «социального взаимодействия».

В категориях ответов на вопрос «что помогает справиться с СН» у жителей России наибольший вклад вносит «регуляция», а для жителей Казахстана – «избегание».

В целом выявлено, что у жителей России из-за большего внимания к происходящим экономическим изменениям восприятие их более эмоциональное, но при этом они используют разнообразные способы управления эмоциональной регуляцией.

Жители Казахстана, предположительно, более политизированы и обращают внимание на противоречия в обществе, связывают их со снижением уровня жизни. Выявлено также, что при этом на личном уровне они скорее будут избегать таких ситуаций, чем предпринимать какие-то действия.

Выводы и заключение

Таким образом, исследование показало, что в восприятии социальной напряжённости жителей России и Казахстана выявлены довольно похожие ситуации её переживания, но имеются различия, несмотря на то что они имеют историю в составе единого государства с общими культурными, политическими и социальными пространствами, в последние годы идут процессы экономического взаимодействия в рамках Таможенного союза и т. д.

Выявлено, что жители России и Казахстана по-разному относятся к пониманию и восприятию социаль-

ной напряжённости. Жители России воспринимают СН как более эмоциональное явление, а жители Казахстана связывают её с экономической ситуацией. У жителей двух государств социальная напряжённость вызывает в первую очередь тревогу, волнение, нервозность, страх, с которыми жители России справляются при помощи регуляторных механизмов, а жители Казахстана – опираясь на социальное окружение.

Показано, что жители Казахстана более выдержаны – диапазоны, по которым распределялись ответы респондентов, внутри категорий довольно узкие, а сами ответы распределены равномерно. У жителей России вариативность более обобщённая, при этом отдельные единицы анализа существенно выделяются. Это свидетельствует о том, что жители России склонны к более сильным, но не очень разнообразным реакциям переживания социальной напряжённости, а жители Казахстана склонны к более сдержанным и более разнообразным реакциям на социальную напряжённость.

Исследование не исчерпывает изучения понимания и восприятия социальной напряжённости в обществе. Следует провести дальнейшее кросс-культурное сравнение данного психологического феномена. Практика требует оказания психологической помощи при переживании страха, стресса, социальной напряжённости в обществе.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанаскин А. Б. Обзор исследований социальной напряжённости в западной науке // Психология и педагогика: актуальные проблемы теории и практики: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, Москва, 24 апреля 2023 г. / под ред. А. Д. Лунина. СПб.: НИЦ АРТ, 2023. С. 7–9.
2. Афанаскин А. Б. Подходы к исследованию феномена социальной напряжённости в социальной психологии // Человеческий капитал. 2023. № 4 (172). С. 123–133.
3. Афанаскин А. Б. Проблема изучения социальной напряжённости в обществе // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических, педагогических и лингводидактических исследований: материалы Международной научно-практической конференции «XVI Левитовские чтения», Москва, 14–15 апреля 2021 г. / под ред. М. О. Резванцевой, Т. Н. Мельникова, Е. А. Густова. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 517–519.
4. Бараночников В. А. Социальная напряжённость в условиях трансформации социальной структуры современного российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2015. 25 с.
5. Виленская Г. А. Эмоциональная регуляция: факторы её развития и связанные с ней виды поведения // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 63–76.
6. Данакин Н. С., Дятченко Л. Я., Сперанский В. И. Механизмы социальной регуляции и технологии управления конфликтом // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 151–162.
7. Деркач А. А., Сухов А. Н. Социальная психология. М.: Академия, 2001. 600 с.
8. Злоказов К. В. Влияние характеристик социального окружения на делинквентное поведение лиц, находящихся под административным надзором // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 225–234.
9. Козырев Г. И. Политическая конфликтология. М.: Форум, 2008. 432 с.
10. Марцинковская Т. Д., Орестова В. Р. Эстетическая парадигма в транзитивном мире // Артикульт. 2017. № 27 (3). С. 134–143.
11. Михеев И. В. Понятие социальной напряжённости в отечественной и зарубежной социально-гуманитарной науке // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 5. С. 206–213.
12. Рукавишников В. О. Социально-политическая ситуация и общественное мнение // Социс. 1992. № 11. С. 47–57.
13. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряжённости. М.: Смысл, 1998. 389 с.
14. Сидоров А. С., Огнева В. В. Регионализация как важнейший тренд современного мирового развития // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 13–20.
15. Тичер С., Мейер М., Водк Р. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный Центр, 2017. 356 с.
16. Тучков Е. В. Социальная напряжённость в регионах Центра России: механизмы диагностики и регулирования: механизмы диагностики и регулирования: дис. ... канд. социол. наук. Орёл, 2000. 179 с.
17. Шульга Т. И., Левицкая В. С. Переживания социальной напряженности различными группами людей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 1. С. 41–57.
18. Bich P., Chateaufneuf A., Ventura C. Social tension order: A new approach to inequality reduction [Электронный ресурс] // Journal of Mathematical Economics. 2023. № 108. URL: <https://ideas.repec.org> (дата обращения: 22.08.2023).

19. Brunnschweiler C. N., Lujala P. Economic Backwardness and Social Tension // *The Scandinavian Journal of Economics*. 2019. № 121. Iss. 2. P. 482–516.
20. Lee Y., Shin D. Measuring Social Tension from Income Class Segregation // *Journal of Business & Economic Statistics*. 2016. № 34. P. 457–471.

REFERENCES

1. Afanaskin A. B. [Review of studies of social tension in Western science]. In: Lunin A. D., ed. *Psichologiya i pedagogika: aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik nauchnyh trudov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 24 aprelya 2023 g.* [Psychology and pedagogy: current problems of theory and practice: collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 24, 2023]. St. Petersburg, NIC ART Publ., 2023, pp. 7–9.
2. Afanaskin A. B. [Approaches to the study of the phenomenon of social tension in social psychology]. In: *Chelovecheskij kapital* [Human capital], 2023, no. 4 (172), pp. 123–133.
3. Afanaskin A. B. [The problem of studying social tension in society]. In: Rezvanceva M. O., Melnikov T. N., eds. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki psichologicheskikh, psichologo-pedagogicheskikh, pedagogicheskikh i lingvodidakticheskikh issledovanij: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «XVI Levitovskie chteniya», Moskva, 14–15 aprelya 2021 g.* [Current problems of the theory and practice of psychological, psychological-pedagogical, pedagogical and linguodidactic research: materials of the International scientific and practical conference “XVI Levitov Readings”, Moscow, April 14–15, 2021]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2021, pp. 517–519.
4. Baranochnikov V. A. *Social'naya napryazhyonnost' v usloviyah transformacii social'noj struktury sovremennogo rossijskogo obshchestva: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk* [Social tension in the conditions of transformation of the social structure of modern Russian society: abstract of Cand. Sci. thesis in Sociology]. Moscow, 2015. 25 p.
5. Vilenskaya G. A. [Emotional regulation: factors of its development and types of behavior associated with it]. In: *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2020, vol. 41, no. 5, pp. 63–76.
6. Danakin N. S., Dyatchenko L. Ya., Speranskij V. I. [Mechanisms of social regulation and conflict management technologies]. In: *Social'no-politicheskij zhurnal* [Socio-political journal], 1998, no. 3, pp. 151–162.
7. Derkach A. A., Suhov A. N. *Social'naya psichologiya* [Social psychology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 600 p.
8. Zlokazov K. V. [The influence of the characteristics of the social environment on the delinquent behavior of persons under administrative supervision]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 1 (93), pp. 225–234.
9. Kozyrev G. I. *Politicheskaya konfliktologiya* [Political conflictology]. Moscow, Forum Publ., 2008. 432 p.
10. Marcinkovskaya T. D., Orestova V. R. [Aesthetic paradigm in the transitive world]. In: *Artikul't* [Artikult], 2017, no. 27 (3), pp. 134–143.
11. Miheev I. V. [The concept of social tension in domestic and foreign social and humanitarian science]. In: *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Kazan Technological University], 2010, no. 5, pp. 206–213.
12. Rukavishnikov V. O. [Socio-political situation and public opinion]. In: *Socis* [Socis], 1992, no. 11, pp. 47–57.

13. Soldatova G. U. *Psihologiya mezhetnicheskoj napryazhyonnosti* [Psychology of interethnic tension]. Moscow, Smysl Publ., 1998. 389 p.
14. Sidorov A. S., Ogneva V. V. [Regionalization as the most important trend of modern world development]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of Tula State University. Humanitarian sciences], 2015, no. 2, pp. 13–20.
15. Ticher S., Mejer M., Vodk R. *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods for text and discourse analysis]. Harkov, Gumanitarnyj Centr Publ., 2017. 356 p.
16. Tuchkov E. V. *Social'naya napryazhyonnost' v regionah Centra Rossii: mekhanizmy diagnostiki i regulirovaniya: mekhanizmy diagnostiki i regulirovaniya: dis. ... kand. sociol. nauk* [Social tension in the regions of the Center of Russia: mechanisms of diagnosis and regulation: mechanisms of diagnosis and regulation: Cand. Sci. thesis in Sociology]. Oryol, 2000. 179 p.
17. Shulga T. I., Levickaya V. S. [Experiences of social tension by various groups of people]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psichologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences], 2014, no. 1, pp. 41–57.
18. Bich P., Chateaufneuf A., Ventura C. Social tension order: A new approach to inequality reduction. In: *Journal of Mathematical Economics*, 2023, no. 108. Available at: <https://ideas.repec.org> (accessed: 22.08.2023).
19. Brunnschweiler C. N., Lujala P. Economic Backwardness and Social Tension. In: *The Scandinavian Journal of Economics*, 2019, no. 121, iss. 2, pp. 482–516.
20. Lee Y., Shin D. Measuring Social Tension from Income Class Segregation. In: *Journal of Business & Economic Statistics*, 2016, no. 34, pp. 457–471.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Афанаскин Александр Борисович – аспирант кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения;
e-mail: a.afanaskin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8731-1228

Шульга Татьяна Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения;
e-mail: shulgatiana@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3584-6087

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander B. Afanaskin – Graduate Student of the Department of Social and Educational Psychology of the State University of Education;
e-mail: a.afanaskin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8731-1228

Tatyana I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Prof. of the Department of Social and Educational Psychology of the State University of Education;
e-mail: shulgatiana@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3584-6087

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Афанаскин А. Б., Шульга Т. И. Сравнительный анализ восприятия социальной напряжённости жителями России и Казахстана // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 48–69.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-48-69

FOR CITATION

Afanaskin A. B., Shulga T. I. Comparative analysis of the perception of social tension by residents of Russia and Kazakhstan. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 48–69.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-48-69

УДК 316.643

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-70-86

ЭМОЦИОНАЛЬНО-УСТАНОВОЧНАЯ МОДЕЛЬ ВИНЫ И ЕЁ СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ

Горбатовская Ю. В.

Центр психологической и логопедической помощи «Гармония»

194156, г. Санкт-Петербург, ул. Манчестерская, д. 2, каб. 9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Разработка и обоснование эмоционально-установочной модели вины, её структурно-содержательного наполнения и социального проявления.

Процедура и методы. В методологическую основу исследования заложен категориально-системный подход, определяющий необходимость реализации качественного моделирования, а именно – использование морфологического метода моделирования. Данный научный метод позволил, опираясь на уже имеющиеся знания в исследуемой области, прийти к принципиально новому решению научной проблемы. Построение и структурно-содержательное наполнение эмоционально-установочной модели вины посредством морфологического метода моделирования стало возможным благодаря тому, что ранее нами в рамках категориально-системного подхода были реализованы формально-логический метод определения понятий, а также логико-методологическая процедура экстраполяции понятий из одной научной области в другую. Это позволило обеспечить транспарентность в процедуре определения понятий и ввести в предметное поле научно обоснованные определения понятий, выражающие эвристические результаты работы.

Результаты. Разработана новая модель понимания вины, которая позволяет преодолеть имеющиеся на сегодняшний день в психологической науке методологические и теоретические ограничения в её исследовании.

Теоретическая и/или практическая значимость. Эмоционально-установочная модель вины открывает возможность для дальнейшего её операционализования и изучения её взаимосвязи с другими элементами диспозиционной системы личности. Кроме того, полученный научный результат позволяет психологам-практикам более осознанно и системно оказывать клиентам профессиональную помощь в преодолении у них чувства вины, грамотно подбирая практические методы и приёмы работы из имеющегося у них арсенала.

Ключевые слова: вина, диспозиция, нравственное сознание личности, совесть, социальная установка, стыд, эмоционально-установочная модель вины

THE EMOTIONAL-INSTALLATION MODEL OF GUILT AND ITS STRUCTURAL AND MEANINGFUL CONTENT AND SOCIAL MANIFESTATION

Y. Gorbatovskaya

Center of psychological and speech therapy help "Harmony"

194156, Manchesterskaya St., 2, office 9, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

Aim. Development and substantiation of an emotional-installation model of guilt, its structural and meaningful content and social manifestation.

Methodology. The methodological basis of the study is based on a categorical-systematic approach that determines the need for the implementation of qualitative modeling, namely the use of a morphological modeling method. This scientific method allowed, based on the already existing knowledge in the field under study, to come to a fundamentally new solution to the scientific problem. The construction and structural and meaningful filling of the emotional-installation model of guilt through the morphological modeling method became possible due to the fact that earlier, within the framework of the categorical-systematic approach, we implemented a formal logical method for defining concepts, as well as a logical and methodological procedure for extrapolating concepts from one scientific field to another. This made it possible to ensure transparency in the procedure for defining concepts and to introduce scientifically sound definitions of concepts into the subject field, expressing heuristic results of the work.

Results. A new model of understanding guilt has been developed, which makes it possible to overcome the methodological and theoretical limitations currently available in psychological science in its study.

Research implications. The emotional-installation model of guilt opens up the possibility for its further operationalization and the study of its relationship with other elements of the dispositional system of personality. In addition, the obtained scientific result allows practicing psychologists to more consciously and systematically provide professional assistance to clients in overcoming their feelings of guilt, competently selecting practical methods and techniques of work from their existing arsenal.

Keywords: guilt, disposition, moral consciousness of the individual, conscience, social attitude, shame, emotional-installation model of guilt

Введение

Оказывая профессиональную психологическую помощь клиентам, специалисты часто сталкиваются с запросом на избавление от чувства вины и/или стыда перед другими или перед собой. Клиенты на житейском уровне предполагают, что именно чувство вины мешает им реализовывать себя в обществе в полной мере и тем самым снижает качество их жизни. Обращаясь к специалисту с подобным

запросом, они ждут от психолога чёткого и внятного ответа, так ли это, а также конкретных предложений по преодолению обозначенной ими психологической проблемы. Таким образом, существует отчётливый социальный запрос на научно-практическую разработку данного направления исследования.

Однако критический анализ психологической литературы по проблеме исследования показал, что на сегодня

нышний день психологическая наука не располагает системными научными представлениями о психологическом феномене вины, что не позволяет в полной мере оценить её место и роль в самосознании личности и в межличностном взаимодействии. В связи с чем перед нами встала задача по преодолению выявленного «разрыва» между теоретической разработанностью данной проблемы и практическим запросом на её решение со стороны населения. С методологической точки зрения данную задачу оказалось возможным решить с позиции категориально-системного подхода, поскольку именно он выступает в качестве концептуальной и понятийной базы для систематизации различных психологических теорий.

Суть данного исследовательского подхода заключается в дедуктивном принципе познания – познания от общего к частному, при котором отыскивается интегральная категория исследуемого объекта (общее), являющаяся источником других категорий и основных понятий психологии (частное). В данном исследовании интегральной категорией выступает категория вины, изучение которой методами категориально-системного подхода позволило ввести в научный оборот такие понятия, как «санкционная вина» и «реституционная вина», а также экстраполировать и адаптировать к нуждам психологической науки и практики такие понятия, как «презумпция невиновности», «презумпция виновности» и «презумпция ответственности», расширив тем самым тезаурус психологической науки в данном проблемном поле. Таким образом, перечисленные категории и понятия

благодаря морфологическому методу моделирования легли в основу структурно-содержательного наполнения эмоционально-установочной модели и смогли отразить механизмы её социального проявления.

Феномен вины в ракурсе категориально-системного подхода

В ходе междисциплинарного анализа публикаций, посвящённых исследованию феномена вины, было выявлено, что в настоящий момент существуют разногласия по поводу соотношения понятий совести, стыда, вины и долга. Это определило необходимость расширения проблемного поля до границ изучения вопросов нравственности и морально-нравственного развития человека. Таким образом, нами был реализован дедуктивный способ познания феномена вины, характерный для категориально-системного методологического подхода.

Результатом нашего научного поиска в данном проблемном поле стала разработанная нами модель развития нравственного сознания личности, в которой, в отличие от структурно-функциональной модели совести, предложенной С. В. Стеклянниковой [13], место категории отводится понятию долга, причём понятию уточнённого. В то время как понятия совести, стыда и вины состоят в родовидовых отношениях, с категорией долга [5, с. 193].

При этом понятия «стыд» и «совесть» являются результатом интериоризации личностью долга как совокупности требований общественной морали, а понятие «вина» выступает в качестве внешнего проявления / выра-

жения стыда как результата неполной / искажённой интериоризации долга и совести как венца успешно пройденной интериоризации объективного долга, некоего субъективного долга. В статье, посвящённой описанию модели нравственного развития сознания личности, с опорой на формально-логический метод определения понятий [4] нами было предложено ввести в научный оборот такие понятия, как:

– «презумпция невиновности» как установка самооправдания, отражающая факт отсутствия в сознании личности как стыда, так и совести и характеризующаяся отсутствием самокритики даже при наличии объективных фактов неблагоприятных поступков;

– «презумпция виновности» – установка самобичевания, а именно отрицательное восприятие себя как не соответствующего предъявляемому извне объективному долгу, которая выражается в чувстве стыда и проявляется в дезадаптивной форме вины. Данную

форму вины мы предлагаем обозначить термином «санкционная вина»;

– «презумпция ответственности» – установка разумной ответственности, а именно восприятие себя как зрелой личности, готовой нести ответственность за себя перед собой. Анализ работы Э. Фромма «Человек для себя: исследование психологических проблем этики» [16] привёл нас к мысли о том, что ответственность является неотъемлемым свойством совести, а готовность нести эту ответственность можно выразить термином «реституционная вина» – адаптивная форма вины, направленная на возмещение причинённого ущерба, как некий «акт направленной справедливости»¹.

Поскольку в исследовании были использованы материалы зарубежных и отечественных учёных, необходимо во избежание путаницы в понятиях указать на кросскультуральные различия в определении понятий стыда, совести и вины (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Кросскультуральные различия в определении понятий стыда, совести и вины / Cross-cultural differences in the definition of shame, conscience and guilt

Исследуемое понятие	Аналоги понятия
Стыд	авторитарная совесть (Э. Фромм), сверх-Я (З. Фрейд), вина-состояние (К. Куглер)
Совесть	гуманистическая совесть (Э. Фромм), моральный стыд (Э. Тугендхат), онтологическая вина (Р. Мэй, Д. В. Морано), моральные нормы (К. Куглер)
Вина	вина-черта (К. Куглер)
– санкционная вина	иррациональная межличностная вина (Коннор)
– реституционная вина	интернальность (Дж. Роттер), ассертивность (Э. Сэлтер), тревога совести (З. Фрейд)

Источник: данные автора.

¹ Аквинский Ф. Сумма теологий. Том VIII. Вопрос 62. О воздаянии [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-8/16> (дата обращения: 16.02.2023).

Феномен вины в ракурсе социально-установочного подхода

Вина как психологический феномен, реализующий функцию регуляции социального поведения людей в общественных отношениях, заслуживает того, чтобы рассмотреть её в ракурсе социально-установочного подхода к исследованию саморегуляции социального поведения личности. Данный подход в наиболее полной мере раскрывается в теории отношений личности В. Н. Мясищева, разрабатываемой им в рамках решения проблемы целостной личности. Напомним, что суть его теории заключается в том, что личность есть система психологических отношений человека к окружающему миру и к самому себе. Она выражает внутренний опыт человека, накопленный им в контексте общественных отношений, и определяет его действия и переживания.

Анализируя позиции теории отношений В. Н. Мясищева, Б. Ф. Ломов отмечал, что автор разработал психологическую концепцию субъективных отношений личности, в которой понятие «субъективные отношения личности» содержательно близко к понятиям «установка», «личностный смысл» и «аттитюд». Б. Ф. Ломов подметил, что понятие «установка» раскрывает интегральный характер субъективно-личностных отношений, понятие «личностный смысл» отражает их связь с общественно-выработанными значениями, а понятие «аттитюд» отражает их субъективность. Таким образом, он пришёл к выводу, что понятие «субъективные отношения личности» является по отношению к вышеперечисленным понятиям родовым [цит. по: 6, с. 128].

Продолжая идею В. Н. Мясищева об избирательности и системности психологических отношений субъекта, Д. Н. Узнадзе указывал на то, что системность данных отношений определяется наличием у субъекта системы фиксированных вторичных установок (первичные установки регулируют непосредственное поведение личности), которые сформировались при неоднократном «столкновении» потребности и ситуации её насыщения [17]. Таким образом, согласно Д. Н. Узнадзе, установка – это «опосредующее образование между влиянием среды и психическими процессами, которое объясняет поведение человека, его эмоциональные и волевые процессы: т. е. выступает детерминантом любой активности организма» [цит. по: 6, с. 64].

В своей монографии, посвящённой изучению социально установки в психологии, А. А. Девяткин в идеях Д. Н. Узнадзе обнаружил обоснования для разработки экологической концепции социальной установки. В рамках данной концепции он предпринял попытку объединить теорию установки и теорию аттитюда. Согласно идеям А. А. Девяткина, установка, обладая имманентным свойством оценки возможностей окружающего мира, является экологическим механизмом психики и опредмечивается через механизм интенциональности [6].

Это механизм того явления, которое А. Н. Леонтьев в работах, направленных на анализ деятельности человека, называл «личностным смыслом», выражающим факт «пристрастности человеческого сознания» [8]. В последующем А. Г. Асмолов предпринял попытку интерпретации концепции социальных установок с позиции тео-

рии деятельности. В своих заметках к диссертации А. Г. Асмолова «О месте установки в структуре деятельности» А. Н. Леонтьев указывал на то, что данная работа несёт «скорее вклад в теорию деятельности, нежели вклад в теорию установки» [9, с. 210]. Он также подчёркивает, что А. Г. Асмолову удалось обогатить понятие установки благодаря развиваемой им гипотезе об уровнях установки, соотносимых с функциональными уровнями процессов деятельности.

Позже мы обратимся к идеям А. Г. Асмолова, а пока отметим, что базовая идея Д. Н. Узнадзе о формировании установки в момент «встречи» потребности и ситуации легла также и в основу диспозиционной концепции регуляции социального поведения В. А. Ядова. В своей теории регуляции социальной активности человека В. А. Ядов основывался на ценностно-установочных ориентациях. Тем не менее, как отмечал Ш. А. Надирашвили, при разработке четырёхуровневой структуры системы регуляции социальной активности личности автор больше склонялся к теории деятельности. Таким образом, В. А. Ядов внёс свой вклад в развитие теории установки сугубо с социологической позиции и оперировал понятием «диспозиция», которое не идентично понятию «установка». Конечно, это несколько не умаляет значения разработанной им диспозиционной концепции, раскрывающей суть социально-установочного подхода к исследованию саморегуляции поведения личности.

Проанализировав 95 отечественных диссертационных исследований, посвящённых психологическому феномену установки, С. А. Башкатов об-

наружил, что «большинство авторов придерживается иерархической уровневой природы установки, предложенной А. Г. Асмоловым» [2, с. 5]. Идеи А. Г. Асмолова примечательны тем, что он предпринял попытку изменить систему отсчёта и перевернуть исходную формулу, определявшую долгое время ход исследований проблемы установки: не деятельность должна выводиться из установки, а установка из деятельности [1].

Согласно А. Г. Асмолову, содержание и функции установок зависят от того, на каком уровне деятельности они функционируют. При этом установки различных уровней имеют свои специфические особенности, находятся между собой в определённых отношениях и вносят свой вклад в регуляцию деятельности. Представим уровни установочной регуляции деятельности личности в таблице 2.

Важно отметить, что выделенные А. Г. Асмоловым уровни установок не являются этажами, механически надстроенными друг над другом. Между установками различных уровней существует подвижный взаимопереход. Так, в случае сдвига мотива на цель смысловая установка превращается в целевую. В случае сдвига условия на цель операциональная установка превращается в целевую. Целевая установка превращается в операциональную тогда, когда теряет свою направляющую функцию – это происходит в тех случаях, когда цель действия становится условием выполнения более сложного действия.

Опираясь на идеи А. Н. Леонтьева, Н. А. Бернштейна и А. С. Прангшвили, автор отводит целевой установке роль интегратора установок смысло-

Таблица 2 / Table 2

**Уровни установочной регуляции деятельности личности (по А. Г. Асмолову) /
Levels of institutional regulation of personality activity (according to A. G. Asmolov)**

Уровень установки	Источник актуализации	Форма выражения	Функции установки	Свойства
Уровень смысловой установки	Мотив деятельности	Личностный смысл в виде готовности к совершению направленной деятельности	Фильтрует установку низлежащих уровней; реализует процесс целеобразования – возникает целевая установка	Изменяется только при изменении мотивов деятельности, т. е. переопределяется
Уровень целевой установки	Цель деятельности	Готовность совершить то, что сообразно стоящей перед человеком цели	Проявляет себя в случае наличия препятствия на пути достижения цели	Переопределяется непосредственно под влиянием вербальной информации
Уровень операциональной установки	Условия реализации действий	Готовность к осуществлению определённого способа действий с опорой на прошлый опыт	Вероятностное прогнозирование с учётом «значения» предмета, на который установка возникла	Переопределяется непосредственно под влиянием вербальной информации
Уровень психофизиологических механизмов	Психофизиологические механизмы как реализаторы установки в деятельности	Сенсорные и моторные установки	Реализация установки посредством психофизиологического механизма динамического стереотипа	Предшествуют развёртыванию того или иного действия

Источник: данные автора.

вого и операционального уровня – она всегда остаётся актуальной и в ней как бы сфокусированы установки других уровней [1]. Целевые установки сменяют друг друга по мере достижения вызвавших их целей, но они не исчезают бесследно, а продолжают существовать как готовности к повторной актуализации в условиях, «породивших» их. Так, актуальная нефиксированная установка – так называемая «установка на будущее» (первичная установка), переходит в хроническое состояние реализовавшейся установки – «установка на прошлое» (фиксированной установки).

Итак, на каком бы уровне и в каких бы своеобразных формах ни проявлялась установка, её основной функцией является стабилизация движения деятельности. Как отмечает А. Г. Асмолов, исследования уровневой природы установок имеют своё продолжение, например, в поисках методов изменения смысловых установок личности, а также ответов на вопросы взаимосвязи установок и эмоциональной регуляции поведения личности.

Вина как сложное психологическое явление и как регулятор социального поведения личности «заслуживает» того, чтобы быть рассмотренной

в аспекте указанной взаимосвязи, что позволит, на наш взгляд, значительно расширить научные представления о механизме формирования эмоционально-установочной регуляции поведения личности.

Таким образом, проанализировав историю развития социально-установочного подхода к исследованию саморегуляции социального поведения личности, позволим себе для раскрытия полноты различия реституционной и санкционной вины вновь вернуться к теории отношений личности В. Н. Мясищева, обратив особое внимание на эмоциональную сторону отношения, которая, как справедливо отмечал автор, в психологии относится к категории чувств. При этом В. Н. Мясищев призывал учитывать, что область чувств (или эмоций) представлена тремя разнородными группами явлений: эмоциональными реакциями, эмоциональными состояниями и эмоциональными отношениями (то, что обычно называют чувством). Именно эта дифференциация эмоциональной стороны отношения личности к миру и к себе должна быть положена в основу различения реституционной и санкционной вины как сложного содержательного психического образования, включающего в себя когнитивные, эмоциональный и поведенческий аспекты.

Таким образом, мы вынуждены не согласиться с мнением И. А. Белик о том, что адаптивность вины определяется степенью её выраженности [3]. На наш взгляд, определяющее значение для установления характера влияния вины на жизнь человека имеет не только и не столько количественный параметр вины, сколько её структура

и контекст её формирования как сложного психологического образования.

Итак, предпримем попытку, опираясь на имеющиеся исследования феномена вины [15; 20; 22; 19] и установок [1; 2; 6; 9], построить эмоционально-установочную модель вины, а также отразить её структурно-содержательное наполнение и описать особенности социального проявления.

Эмоционально-установочная модель вины

Заявленная модель вины была сформирована на основе социально-установочного подхода, а именно взглядов В. Н. Мясищева на отношения личности с окружающим миром и идеи А. Г. Асмолова об уровневой природе установок как стабилизаторов деятельности личности.

Представим эмоционально-установочную модель понимания вины на рисунке 1.

Из рисунка 1 следует, что в когнитивном аспекте вина как эмоциональная реакция «запускается» осознанием ребёнком своей причастности к какому-либо ущербу, причинённому себе или другому. А далее, в зависимости от характера эмоциональной реакции значимого взрослого, у ребёнка возможно развитие одного из двух сценариев системы фиксированных вторичных установок. Первый сценарий реализуется при возникновении страха наказания и активизации первичной установки на избегание наказания – так формируется санкционная форма вины. Началом же сценария развития реституционной формы вины является «тревога совести» (термин З. Фрейда) как диффузное чувство, что произошедшее важно для значимого

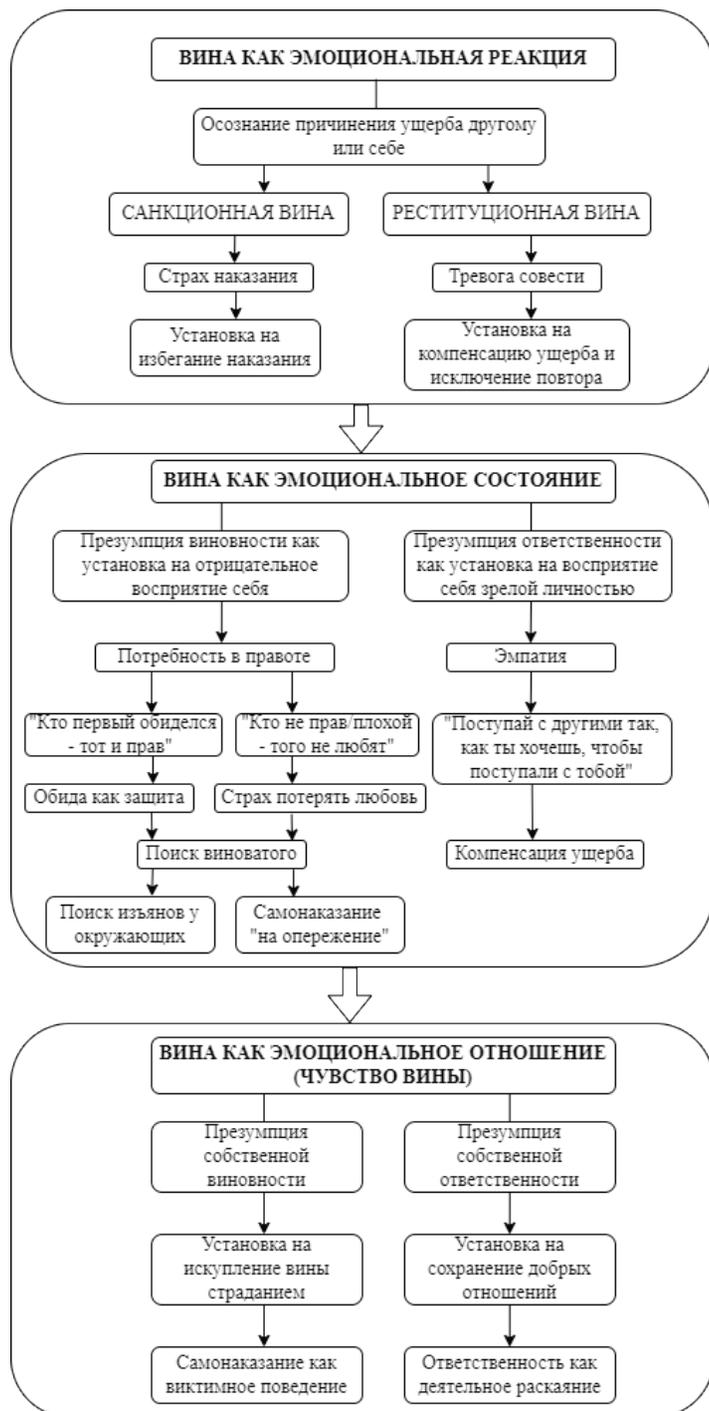

Рис. 1 / Fig. 1. Эмоционально-установочная модель вины / The emotion-installation model of guilt

Источник: данные автора.

взрослого, а значит – важно и вполне справедливо для самого ребёнка, в результате чего у ребёнка активизируется первичная установка на то, чтобы «больше так не делать».

Опираясь на рисунок 1, проследим динамику развития санкционной и реституционной вины, приводящих к окончательному формированию презумпции виновности и презумпции ответственности в сознании человека как системы фиксированных вторичных установок.

Рассмотрим сценарий развития санкционной вины, берущий начало в страхе наказания. Ребёнок, пребывая в страхе наказания и движимый естественным для него инстинктом самосохранения, желает спрятаться, убежать, скрыться от «праведного» гнева значимого взрослого, а заодно от своего стыда. Именно стыд, на наш взгляд, выступает «перекидным мостом» между эмоциональной реакцией и эмоциональным состоянием вины. И теперь ребёнок, скрывшись с «места преступления», в своём укрытии размышляет в контексте презумпции виновности: «Если случилось плохое – значит в этом должен быть кто-то виноват». Подобного рода размышления являются результатом социального научения: если все взрослые, окружающие ребёнка, в случае возникновения каких-либо проблем «бросаются» искать виноватых, то неудивительно, что и ребёнок будет делать то же самое, как только он справился со своим страхом наказания.

И в этот момент своих размышлений он оказывается на перепутье: искать виноватых снаружи или «взять» вину на себя. Это тяжёлый моральный выбор для ребёнка, и он будет зависеть

от многих факторов и обстоятельств. В случае если потребность в правоте «побеждает» страх потерять любовь близкого, ребёнок испытывает «праведную» обиду как защитный механизм от внешних обвинений, развивающийся по сценарию ответных обвинений: «Ты меня ругаешь – значит, ты меня не любишь!». Если в силу педагогической растерянности взрослого эта попытка защитной агрессии увенчается успехом, ребёнок становится «униженным триумфатором» и усваивает операциональную установку: «Кто первый обиделся – тот и прав». В ходе многократного приведения данной установки в действие она переходит в статус целевой установки: «Всё! Я на тебя обиделся!», а далее – в статус смысловой установки – презумпции невиновности, так и не научившись эмпатии, поскольку в данном случае она «вредна» и мешает ребёнку «выгораживать» своё эго. Таким образом, этот ребёнок вырастет эгоистичным беспощадным манипулятором, искренне убеждённым в собственной правоте, сколько бы его ни пытались «виноватить». И одним из действенных способов его манипуляции как раз выступает чувство вины – культивируя чувство вины в другом человеке, манипулятор тем самым не просто защищает себя, но и, как утверждает А. Л. Вангелисти [23], использует чувство вины для контроля над другим. Таким образом, значимый взрослый, пытающийся привить ребёнку вину и тем самым сделать его удобным и послушным, сам попадает в свою собственную «ловушку» Как писал Ф. Рузвельт: «Воспитать человека интеллектуального, но не воспитать его нравственно – значит выра-

тить угрозу для общества» [цит. по: 12, с. 101].

Если же победу одержит страх потерять любовь значимого взрослого, который формируется под воздействием установки: «Тех, кто не прав / плохой, не любят», то тогда ребёнок не только возьмёт на себя вину, но и сам приведёт наказание в действие, дабы опередить карающего взрослого и тем самым попытаться вернуть обратно его любовь. Подобного рода установка может сформироваться, например, тогда, когда взрослый, движимый стремлением наказать ребёнка, говорит ему: «Неси сюда ремень, буду тебя наказывать». Это противоестественно инстинкту самосохранения, это есть психологическое насилие над ребёнком. Особенно если в подобной ситуации задействован кто-то третий (человек или, например, питомец). Движимый любовью к близкому, ребёнок может принять решение «заслонить» его собой и взять вину на себя (операциональная установка), если это как-то облегчит страдания дорогого ему человека (целевая установка) – в этот момент нравственные «порывы» ребёнка разворачиваются в извращённых обстоятельствах и в нём складывается психо-социальная модель взаимодействия между людьми по сценарию драматического треугольника Карпмана.

Систематически повторяясь, подобного рода ситуации формируют в подрастающем ребёнке устойчивую отрицательную концепцию восприятия себя, убеждённости в своей виноватости, сопровождаемую смысловой установкой на самоуничтожение по поводу и без повода, «посыпание главы пеплом» и поиск самого строгого на-

казания для себя, забыв об объективности и справедливости по отношению к самому себе. Желание поскорее искупить свою вину страданием через наказание становится личностным смыслом человека, в котором страдание является результатом реализации целевой установки, а наказание – результатом реализации операциональной установки. Это слияние всех трёх уровней установок приводит к тому, что человек неизбежно находит возможность искупить свою вину либо напрямую через аутоагрессию, либо через виктимное поведение, смысл которого заключается в том, чтобы через гетероагрессию неосознанно спровоцировать другого человека каким-либо способом причинить «виновнику» вред и возможность для страдания. И тогда с человеком «без видимых причин» происходят различные неприятности, вплоть до трагического исхода.

Американские исследователи Л. Коннор, Д. Берри, Д. Вайс и др. [21] выделили четыре типа иррациональной вины: вина выжившего, вина отделения, вина всеобщей гиперответственности и вина ненависти к себе. Дадим краткое описание каждому из них, поскольку все они раскрывают ту или иную сторону санкционной вины. *Вина выжившего* базируется на мнении её «носителя» о том, что достижение им успеха поставит в неловкое положение или оскорбит других. Это мнение берёт начало в представлении о том, что количество благ ограничено, а значит, носитель имеет что-то хорошее за счёт других. *Вина отделения* характеризуется патогенным представлением человека о том, что он не имеет права на своё мировоззрение и образ жизни, отличный от образа жизни близких – это

означает для него предавать их и тем самым причинять им боль. *Вина гиперответственности* предполагает взятие на себя ответственности за других людей и заботы об их благополучии. И, наконец, *вина ненависти к себе* – это отрицательная концепция восприятия себя, общее чувство негодности. Она продиктована стремлением человека сохранить связь со значимыми людьми, разделяя их отрицательное отношение к нему. Все эти типы вины авторы относят к межличностной вине.

Теперь, опираясь на рисунок 1, рассмотрим сценарий формирования адаптивной формы вины – реституционной вины. Испытывая «тревогу совести», ребёнок чувствует, что произошедшее важно для значимого взрослого и у него формируется внутреннее побуждение «исправиться»: компенсировать причинённый ущерб и впредь соблюдать общественные нормы, не нарушать запретов значимого взрослого, сохранять тем самым добрые отношения с ним. Очевидно, что такое возможно только в том случае, если ребёнку есть что терять в плане эмоциональной доступности и психологического принятия его со стороны значимого взрослого.

Но как бы ребёнок ни старался, он всё равно будет попадать в разные «конфузные» ситуации в силу своего малого социального опыта. И эти ситуации являются в полной мере педагогическими ситуациями, как для развития его нравственности, так и для его воспитателя, задача которого – пользуясь предоставленным случаем, каждый раз, сохраняя эмоциональное спокойствие, призывать ребёнка к ответственности, учить его разным способам исправления ситуации.

Многokrатно закреплённая в поведении презумпция ответственности постепенно формирует в подрастающем ребёнке этические переживания и моральное чувство по поводу своих промахов, что указывает на становление его нравственности. Этот человек живёт по совести, а не в страхе, проявляя высокую нравственную культуру. Жить по совести – это и есть смысловая установка человека с высоким уровнем морально-нравственного развития. Так, М. С. Тарамова справедливо отмечает в своей статье о совести как об этической категории, о том, что совесть контролирует поведение человека посредством высших правил и законов морали, позволяя ему даже в сложных ситуациях сохранять своё достоинство и честь [14]. Очевидно, что данная регуляция поведения человека осуществляется именно посредством реституционной вины, о которой писали в своих работах сначала П. Тангней [22], а затем и Ф. Баумейстер [18].

Таким образом, эгоистическая презумпция невиновности, а также санкционная вина, основанная на презумпции виновности, формируются под влиянием излишней и преждевременной строгости родителей к детям, при которой с детей «спрашивается» раньше, чем в них что-то было «вложено». Имеет также значение пренебрежительное отношение родителей к ребёнку, которое выражается в требовании точного и беспрекословного выполнения их указаний без учёта личностного отношения ребёнка к ним. С сожалением приходится констатировать, что родители и общество взаимодействуют с ребёнком по принципу: «Думай – что хочешь, а делай – что надо». В результате этого у человека формируются

лицемерная модель поведения и такое качество, как цинизм. Выражением цинизма является политика двойных стандартов, при которой, согласно Й. Геббельсу, «преступления прячутся за фасадом приличия» [цит. по: 7, с. 32]. Сущность лицемерия, по мнению В. Н. Мясищева, заключается в том, что «внешняя форма взаимодействия не отвечает внутреннему содержанию отношений» [11, с. 9].

Родителей, которые не взяли на себя моральную ответственность за нравственное воспитание своих детей, из которых потом вырастают бессовестные эгоисты и невротичные лицемеры, А. С. Макаренко в своей «Книге для родителей» называет бракоделами. Он отмечает, что при обнаружении своих педагогических промахов такие родители, испытывая «тихонькое огорчение», «печально шепчутся в спальне, но на людях сохраняют достоинство, как будто в их производстве нет никакого прорыва ... плоды сдаются обществу как готовая продукция» [10, с. 4]. Это описание поведения родителей есть не что иное, как стыд за результаты своего родительства, который при всей своей силе воздействия на психику стыдящегося не побуждает его к исправлению ситуации.

К сожалению, родители в своём воспитательном воздействии на детей действуют так, словно не знают, что для морального формирования личности недостаточно внешних требований – ребёнку необходимо знать и видеть перед собой образцы нравственного поведения, чтобы он мог сличать с ними своё собственное поведение и делать соответствующие выводы. Только в этом случае у ребёнка формируется здоровая критика к себе и смысловая

установка на уважительную требовательность к себе и к другим, основанная на уважительной требовательности значимого взрослого к нему.

Если же значимые взрослые на собственном примере несправедливого отношения к ребёнку научили его манипулятивно обижаться и «изворачиваться» раньше, чем научили его ответственности, основанной на внутренней потребности в справедливости, то формирование нравственной личности ребёнка в дальнейшем будет весьма затруднительным и повлечёт за собой далеко идущие социально-психологические последствия. Таким образом, дезадаптивность санкционной вины определяется тем, что в её структуре отсутствует элемент эмпатии, характерный для реституционной вины. В этом есть суть «дефектных» отношений, ведущих к отклонениям в формировании нравственно и психологически здоровой личности. Так, в отсутствии эмпатии у ребёнка не формируется целевая установка на поиск решения – вместо неё реализуется целевая установка на поиск виноватого с целью его последующего наказания – вменения ему санкций.

Таким образом, роль вины в регулировании межличностных, в том числе и детско-родительских отношений, неоднозначная. Родителям, воспитывающих своих детей, следует различать санкционную вину и реституционную вину по своей сути и по своему влиянию на характер детско-родительских отношений и на формирующийся характер самого ребёнка. Именно реституционная вина играет положительную роль в установлении и укреплении контактов, поэтому, реализуя морально-нравственное воспитание ребёнка,

важно воспитывать в нём моральное чувство вины, а не формировать комплекс вины.

Заключение

Итак, критический анализ публикаций по теме вины показал слабость методологической разработанности данного проблемного поля, несмотря на то (или именно поэтому), что данная тема является междисциплинарной. Так, рассмотрение феномена вины с позиции философии как социокультурного регулятива привело нас к разработке модели развития нравственного сознания личности.

Взгляд на феномен вины в ракурсе психологической науки позволил нам, оперевшись на имеющиеся научные знания, разработать эмоционально-установочную модель вины, согласно которой вина как сложный психологический феномен, регулирующий социальное поведение лично-

сти, представляет собой совокупность эмоциональных переживаний, сопровождаемых иерархией смысловых, целевых и операциональных установок личности.

Рассмотрение феномена вины с позиции педагогики позволило «отследить» процесс и механизм формирования вины как эмоционального отношения к окружающему миру и к себе самому: презумпции собственной виновности как результата реализации санкционной вины и презумпции собственной ответственности как результата реализации реституционной вины.

Таким образом, разработанная нами эмоционально-установочная модель вины является приращением научного знания, дающим ответ на вопрос о взаимосвязи установок и эмоциональной регуляции поведения личности.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологически проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2012. 480 с.
2. Башкатов С. А. Анализ отечественных диссертационных исследований, посвящённых психологическому феномену установки // Психология, психофизиология. 2021. Т. 14. № 2. С. 5–16. DOI: 10.14529/jpps210201.
3. Белик И. А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 209 с.
4. Боуш Г. Д. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях). М.: Инфра-М, 2022. 227 с.
5. Горбатовская Ю. В. Модель нравственного развития сознания личности // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23. № 2. С. 192–197. DOI: 10.18384/2310-7235-2023-1-59-7.
6. Девяткин А. А. Явление социальной установки в психологии XX века: монография. Калининград: Калининградский университет, 1999. 309 с.
7. Ильин Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб.: Питер, 2017. 175 с.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005. 346 с.
9. Леонтьев А. Н. Заметки к диссертации А. Г. Асмолова «О месте установки в структуре деятельности» // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2023. Т. 46. № 2. С. 208–214. DOI:10.11621/LPJ-23-24.
10. Макаренко А. С. Книга для родителей. М.: АСТ, 2023. 512 с.

11. Мясищев В. Н. Психология отношений. Избранные психологические труды. 4-е изд. М.: Московский психолого-социальный университет, 2011. 356 с.
12. Порсугян Р. Л. Страх и совесть как проявление нравственной культуры личности // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 2 (36). С. 99–101.
13. Стеглянникова С. В. Совесть как социокультурный регулятив: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 23 с.
14. Тарамова М. С. О феномене совести как этической категории // Общество: философия, история, культура. 2019. № 5 (61). С. 29–31.
15. Фрейд З. Психология бессознательного. СПб.: Питер, 2022. 415 с.
16. Фромм Э. Человек для себя: исследование психологических проблем этики. М.: АСТ, 2023. 220 с.
17. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
18. Baumeister R. F., Stillwell A. M., Heatherton T. F. Personal narratives about guilt: Role in action control and interpersonal relationships // Basic & Applied Social Psychology. 1995. Iss. 7. Vol. 1–2. P. 173–198.
19. MacKenna D. Violation of prohibitions. Explorations in personality. New York: Oxford University Press, 1938. 790 p.
20. Mowrer O. H. Learning theory and behavior. New York: John Wiley, 1960. 318 p.
21. O'Connor L. E., Berry J. W. Interpersonal Guilt: the Development of New Measure // Journal of Clinical Psychology. 1997. Vol. 53 (1). P. 73–89.
22. Tangney J. P., Dearing R. L. Shame and Guilt. New York: Guilford Press, 2003. 272 p.
23. Vangelisti A. L., Daly J. A., Rudnick J. R. Making people feel, guilty in conversations: Techniques and correlates // Human Communication Research. 1991. № 18. P. 3–39.

REFERENCES

1. Asmolv A. G. *Po tu storonu soznaniya: metodologicheski problemy neklassicheskoy psihologii* [Beyond consciousness: methodological problems of non-classical psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2012. 480 p.
2. Bashkatov S. A. [Analysis of domestic dissertation research devoted to the psychological phenomenon of attitude]. In: *Psihologiya, psihofiziologiya* [Psychology, psychophysiology], 2021, vol. 14, no. 2, pp. 5–16. DOI: 10.14529/jpps210201.
3. Belik I. A. *Chuvstvo viny v svyazi s osobennostyami razvitiya lichnosti: dis. ... kand. psihol. nauk* [Feelings of guilt in connection with the characteristics of personality development: Cand. Sci. thesis in Psychology]. St. Petersburg, 2006. 209 p.
4. Boush G. D. *Metodologiya nauchnogo issledovaniya (v kandidatskih i doktorskih dissertatsiyah)* [Methodology of scientific research (in candidate and doctoral dissertations)]. Moscow, Infra-M Publ., 2022. 227 p.
5. Gorbatovskaya Yu. V. [Model of moral development of personality consciousness]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [News of Saratov University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2023, vol. 23, no. 2, pp. 192–197. DOI: 10.18384/2310-7235-2023-1-59-7.
6. Devyatkin A. A. *Yavlenie social'noy ustanovki v psihologii XIX veka* [The phenomenon of social attitudes in the psychology of the twentieth century]. Kaliningrad, Kaliningrad University Publ., 1999. 309 p.
7. Ilin E. P. *Psihologiya sovesti: vina, styd, raskayanie*. St. Petersburg, Piter Publ., 2017. 175 p.
8. Leontev A. N. *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Activity, consciousness, personality]. Moscow, Smysl Publ., 2005. 346 p.

9. Leontev A. N. [Notes on the dissertation of A. G. Asmolov "On the place of installation in the structure of activity"]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology], 2023, vol. 46, no. 2, pp. 208–214. DOI: 10.11621/LPJ-23-24.
10. Makarenko A. S. *Kniga dlya roditel'ej* [A book for parents]. Moscow, AST Publ., 2023. 512 p.
11. Myasishchev V. N. *Psihologiya otnoshenij. Izbrannye psihologicheskie trudy* [Psychology of relationships. Selected psychological works]. Moscow, Moscow Psychological and Social University Publ., 2011. 356 p.
12. Porsugyan R. L. [Fear and conscience as a manifestation of a person's moral culture]. In: *Kulturnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 2010, no. 2 (36), pp. 99–101.
13. Steklyannikova S. V. *Sovest' kak sociokul'turnyj regul'yativ: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Conscience as a sociocultural regulator: abstract of Cand. Sci. thesis in Psychology]. Rostov-on-Don, 2001. 23 p.
14. Taramova M. S. [On the phenomenon of conscience as an ethical category]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2019, no. 5 (61), pp. 29–31.
15. Freud Z. Psychology of the unconscious (Rus. ed., transl. *Psihologiya bessoznatel'nogo*. St. Petersburg, Piter Publ., 2022. 415 p.).
16. Fromm E. Man for himself: a study of psychological problems of ethics (Rus. ed., transl. *Chelovek dlya sebya: issledovanie psihologicheskikh problem etiki*. Moscow, AST Publ., 2023. 220 p.).
17. Yadov V. A. *Samoregul'yaciya i prognozirovaniye social'nogo povedeniya lichnosti: dispozicionnaya koncepciya* [Self-regulation and prediction of social behavior of an individual: a dispositional concept]. Moscow, CSPiM Publ., 2013. 376 p.
18. Baumeister R. F., Stillwell A. M., Heatherton T. F. Personal narratives about guilt: Role in action control and interpersonal relationships. In: *Basic & Applied Social Psychology*, 1995, iss. 7, vol. 1–2, pp. 173–198.
19. MacKenna D. Violation of prohibitions. Explorations in personality. New York, Oxford University Press, 1938. 790 p.
20. Mowrer O. H. Learning theory and behavior. New York, John Wiley Publ., 1960. 318 p.
21. O'Connor L. E., Berry J. W. Interpersonal Guilt: the Development of New Measure. In: *Journal of Clinical Psychology*, 1997, vol. 53 (1), pp. 73–89.
22. Tangney J. P., Dearing R. L. Shame and Guilt. New York, Guilford Press, 2003. 272 p.
23. Vangelisti A. L., Daly J. A., Rudnick J. R. Making people feel, guilty in conversations: Techniques and correlates. In: *Human Communication Research*, 1991, no. 18, pp. 3–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбатовская Юлия Викторовна – руководитель, педагог-психолог Центра психологической и логопедической помощи «Гармония»;
e-mail: gorbatovskaya_y@garmony-spb.ru; ORCID: 0000-0003-3085-3859

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia. V. Gorbatovskaya – "Harmony" Center of Psychological Assistance and Speech Therapy; head, teacher-psychologist;
e-mail: gorbatovskaya_y@garmony-spb.ru; ORCID: 0000-0003-3085-3859

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горбатовская Ю. В. Эмоционально-установочная модель вины и её структурно-содержательное наполнение и социальное проявление // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 70–86.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-70-86

FOR CITATION

Gorbatovskaya Yu. V. Emotional and attitudinal model of guilt and its structural and content content and social manifestation. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 70–86.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-70-86

УДК 316.47

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-87-104

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ РОМАНТИЧЕСКОЙ РЕВНОСТИ И ПОСТРОЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Нестерова А. А., Щукина О. Г.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация

Цель данного исследования заключается в определении особенностей и предикторов ревности, проявляющейся в романтических отношениях у мужчин и женщин.

Процедура и методы. На основе теоретического анализа и проведённого эмпирического исследования на выборке 300 человек (150 пар) были определены предикторы и особенности проявления ревности у мужчин и женщин разного возраста. В исследовании принимали участие мужчины и женщины в возрасте от 18 до 54 лет, состоящие в романтических отношениях (возраст партнёров, статус и стаж романтических отношений учитывался в исследовании). Использовались следующие психодиагностические методики: «Многомерная шкала ревности» С. М. Пфайффер и П. Т. Вонг в адаптации А. О. Вергейчик; тест на ревнивость Е. П. Ильина (2013); опросник «Коммуникативные реакции на ревность» Л. К. Герреро (адаптация И. А. Фурманова и А. О. Вергейчик); мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых (MIMARA, в адаптации О. А. Екимчик, Т. А. Крюковой, 2009); методика «Субъективная оценка межличностных отношений» (С. В. Духновского, 2006); шкала оценки отношений С. Хендрик (адаптация О. Сычева, 2016). Проведён сравнительный анализ проявления ревности в группе мужчин и женщин с учётом социально-демографических показателей (с использованием *t*-критерия Стьюдента), а также проведён корреляционный и регрессионный анализ ревности и особенностей построения межличностных отношений.

Результаты. В результате сравнительного анализа была выявлена специфика ревности в мужской и женской выборках. Так, в структуре ревности женщин больше выражен когнитивный и поведенческий компонент в сравнении с мужчинами. Женщины более склонны к активному дистанцированию и открытому выражению своей ревности в отношении романтического партнёра; мужчины чаще проявляют негативные аффективные реакции и интегративные стратегии в попытке удержать или вернуть партнёршу. В построении отношений более ревнивые и мужчины, и женщины чувствуют неудовлетворённость, напряжённость, конфликтность, а также страх быть оставленным. Ревнивые женщины более склонны к сближению с партнёром в страхе его потерять, а мужчины в большей мере испытывают фрустрацию. Возраст, наличие детей, длительность отношений смягчают негативные предикторы романтической ревности в диаде.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого исследования расширяют представление о феномене ревности, показывают полоролевую специфику поведения в ситуации ревности. Результаты исследования могут лечь в основу разра-

ботки психотерапевтических методов работы с ревностью в отношениях пары с учётом специфики, связанной с половой принадлежностью.

Ключевые слова: романтическая ревность, межличностные отношения, половые различия, взаимоотношения в паре

FEATURES OF ROMANTIC JEALOUSY AND RELATIONSHIP BUILDING IN MEN AND WOMEN

A. Nesterova, O. Shchukina

State University of Education

ul. Very Voloshinoy, 24, Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this article is to determine the characteristics and predictors of jealousy manifested in romantic relationships in men and women.

Methodology. Based on theoretical analysis and an empirical study conducted on a sample of 300 people (150 couples), predictors and features of the manifestation of jealousy in men and women of different ages were identified. The study involved men and women aged 18 to 54 years old who were in romantic relationships (the age of partners, status and length of romantic relationships were taken into account in the study). The following psychodiagnostic techniques were used: "Multidimensional jealousy scale" by S. M. Pfeiffer and P. T. Wong, adapted by A. O. Vergeichik; jealousy test by E. P. Ilyin, 2013; questionnaire "Communicative reactions to jealousy" L. K. Guerrero (adapted by I. A. Furmanov and A. O. Vergeichik); multi-questionnaire for measuring romantic attachment in adults (MIMARA, adapted by O. A. Ekimchik, T. A. Kryukova, 2009); method "Subjective assessment of interpersonal relationships" (S. V. Dukhnovsky, 2006); relationship assessment scale by S. Hendrik (adapted by O. Sychev, 2016). A comparative analysis of the manifestations of jealousy in a group of men and women was carried out, taking into account socio-demographic indicators (using the t-Student criterion), as well as a correlation and regression analysis of jealousy and the peculiarities of building interpersonal relationships.

Results. As a result of the comparative analysis, the specifics of jealousy in the male and female samples were revealed. Thus, in the structure of women's jealousy, the cognitive and behavioral component is more pronounced in comparison with men. Women are more likely to actively distance themselves and openly express their jealousy towards a romantic partner; men are more likely to display negative affective reactions and integrative strategies in an attempt to retain or win back a partner. When building relationships, both men and women who are more jealous feel dissatisfaction, tension, conflict, as well as fear of abandonment. Jealous women are more likely to draw closer to their partner in fear of losing him, and men are more likely to experience frustration. Age, the presence of children, and long relationship experience mitigate negative predictors of romantic jealousy.

Research implications. The results of the study expand the understanding of the phenomenon of jealousy and show the gender-role specificity of behavior in a situation of jealousy. The results of the study may form the basis for the development of psychotherapeutic methods of working with jealousy in a couple's relationship, taking into account the specifics associated with gender.

Keywords: romantic jealousy, interpersonal relationships, sex differences, couple relationships

Введение в проблему

Романтические (диадические) отношения между партнёрами представляют собой одни из самых значимых видов отношений в жизни человека. Эти отношения оказывают большое влияние на психологическое благополучие человека, его самооценку, эмоциональный баланс и самоощущение [4; 8; 9; 10; 27]. Но часто в эти романтические отношения вторгаются сложные чувства, которые могут внести дисгармонию и конфликтогенность во взаимодействие партнёров. Одним из таких чувств является романтическая ревность, пионерами научного изучения которой стали Сьюзен Пфайффер и Пол Вонг, предложившие многомерную шкалу изучения романтической ревности [25]. Шкала до сих пор имеет большую популярность в исследованиях трёх компонентов романтической ревности (когнитивного, эмоционального и поведенческого), она валидизируется в разных культурных контекстах, демонстрируя свою надёжность [20]. Каждый компонент романтической ревности влечёт за собой определённое проявление самого переживания ревности: когнитивная ревность выражается через параноидальные мысли и переживания; эмоциональная ревность проживается посредством негативных чувств, таких как страх, гнев и печаль; поведенческая ревность выражается через действия, например слежку за партнёром, просмотр телефона партнёра, устраивание сцен и т. п.

Американские исследователи во главе с Лаурой Герреро дали определение романтической ревности как «многогранной совокупности аффективных,

поведенческих и когнитивных реакций, возникающих, когда существование и/или качество значимых отношений человека угрожает какая-либо третья сторона» [24, р. 233]. Именно в исследованиях Л. Гурреро и её коллег были описаны различные эмоциональные и коммуникативные реакции в ситуации ревности. Авторы отмечают, что главными эмоциями в ситуации романтической ревности являются гнев и страх потери партнёра. Авторами было доказано, что люди склонны выражать ревность по-разному в зависимости от конкретных эмоций, которые они испытывают. В результате этих исследований появилась *Шкала коммуникативных реакций на ревность*, адаптированная на русскоязычной выборке И. А. Фурмановым и его учениками [13; 14; 23].

Эмоция ревности, которая активируется реальной или предполагаемой угрозой потерять «исключительное право» на своего партнёра, встречается в каждой культуре и считается практически неотъемлемым компонентом романтических отношений [17]. Незначительное проявление ревности считается вполне себе беспроблемной ситуацией и даже приносящей некоторую пользу романтическим отношениям, подчёркивая чувство значимости отношений и приверженность своему партнёру. Но для некоторых людей ревность может быть токсичной и даже потенциально опасной. Ревность может привести к разрыву отношений и даже к агрессивному поведению, такому как преследование, эмоциональное и физическое насилие или – в крайних случаях – к убийству партнёра [12; 13; 19].

В современных исследованиях большое внимание уделяется разным компонентам романтической ревности, о которых говорили С. Пфаффер и П. Вонг. Так, эмоциональному компоненту ревности исследователями приписывается более положительный смысл. Этот компонент сложен в проживании для самого «ревнивца», но он не приносит разрушения в отношения пары. Более вредными и опасными для отношений являются когнитивный и поведенческий компоненты. Действительно, люди, которые ревнивы на когнитивном и поведенческом уровнях, одержимы идеей, что их отношения находятся под угрозой; они с подозрением относятся к поведению своего партнёра и участвуют в постоянном преследовании и допросе партнёра [20; 25]. Канадские учёные обнаружили, что когнитивная и поведенческая ревность подрывают удовлетворённость отношениями в паре, тогда как эмоциональная ревность даже немного увеличивает удовлетворённость отношениями [18]. Отечественные исследователи тоже подчеркнули неоднозначность влияния ревности на удовлетворённость партнёрскими отношениями, т. к. ревность встречается и среди любящих друг друга, удовлетворённых своим союзом диад [1]. Таким образом, этот вопрос ещё нуждается в уточнении.

Различия между мужчинами и женщинами в характере их романтической ревности изучались в десятках эмпирических научных работ в последние тридцать лет, особенно в рамках эволюционной психологии [26].

В различных исследованиях женщины в среднем сообщают о более интенсивной общей реакции ревности,

чем мужчины. Женщины больше, чем мужчины, склонны к эмоциональным и когнитивным реакциям при выражении ревности [17].

Многие исследования подтверждают гипотезу о том, что женщины больше страдают в ответ на эмоциональную неверность, тогда как мужчины больше расстраиваются, сталкиваясь с сексуальной неверностью [16; 29]. Половые различия в ревности были подтверждены исследованиями даже с помощью МРТ, показывающими половые различия в активации мозга, связанной с переживанием ревности [27].

С эволюционной точки зрения, половые различия в реакции на сексуальную и эмоциональную измену объясняются следующим образом. В ходе эволюции мужчины столкнулись с проблемой необходимости быть уверенными в своём отцовстве, а женщины – с проблемой необходимости получать инвестиции и ресурсы партнёра, которые можно использовать для выживания себя самой и своих детей. В связи с этим Дэвид Басс и его коллеги выдвинули гипотезу, что мужская ревность будет сосредоточена на сексуальных аспектах взаимодействия партнёрши за пределами их диады. Напротив, для женщин большую опасность представляет эмоциональный вклад её мужчины в другую женщину [16]. Эволюционная гипотеза Басса следующим образом объясняет разные виды ревности у мужчины и женщины: женщина боится потерять инвестируемые в неё и ребенка ресурсы со стороны мужчины-отца её детей (действующего отца или потенциального), а мужчина испытывает сексуальную ревность, потому что может перестать контролировать своё возможное «отцовство» [17].

Учёные из Великобритании обнаружили более агрессивные мысли по отношению к сопернику и склонность выражать неприязнь и ненависть к партнёру у мужчин в случае обособленной ревности, когда имела место сексуальная измена. У испытуемых мужского пола сексуальная измена чаще приводила к потере доверия, дистанцированию от партнёра, а также к прекращению отношений. Женщины чаще сохраняли верность отношениям даже после сексуальной измены и пытались определить причины измены партнёра, в том числе связанные с их собственным поведением [22]. Другое исследование показало, что в ситуации недоверия к партнёру и ревности мужчины чаще пытаются контактировать с соперником, в то время как женщины чаще сообщают об интегративном общении или проявлении негативных эмоций. Общая интенсивность отрицательных эмоций в присутствии реального соперника выше у женщин, чем у мужчин; женщины также более склонны выражать свою ревность, проявлять связанные с ней чувства и обсуждать ситуацию [15].

Белорусские коллеги отмечают, что коммуникативные реакции в ситуации ревности различны у мужчин и женщин: у женщин выражена установка на месть своему партнёру, мужчины более ориентированы на слежку за партнёршей и «выведение её на чистую воду». В ситуации ревности женщины чаще прибегают к манипуляциям, а мужчины используют ярко выраженные аффекты и дистрибутивную коммуникацию [3].

При этом, к сожалению, нет исследований, которые бы определяли предикторы ревности мужчин и женщин,

и описывали специфику связей проявлений ревности и других особенностей взаимоотношений, например, стили привязанности, характера отношений с партнёром и пр. Таким образом, необходимо изучить особенности проявления романтической ревности у мужчин и женщин и определить связь этой ревности с особенностями построения взаимоотношений в мужской и женской выборке.

Процедура и методы исследования

Процедура исследования. Проводился сравнительный анализ проявления романтической ревности у мужчин и женщин, изучались взаимосвязи между ревнивостью мужчин и женщин и между особенностями построения ими отношений с партнёром.

Диагностический инструментарий. Изучение проявления коммуникативных, структурных проявлений романтической ревности изучалось с помощью следующих методик: «Многомерная шкала ревности» С. М. Пфайффер и П.Т. Вонг в адаптации А. О. Вергейчик [2; 21]; тест на ревнивость Е. П. Ильина [5]; опросник «Коммуникативные реакции на ревность» Л. К. Герреро (адаптация И. А. Фурманова и А. О. Вергейчик) [14]. Особенности построения межличностных отношений исследовались с помощью мульти-опросника измерения романтической привязанности у взрослых (MIMARA, в адаптации О. А. Екимчик, Т. А. Крюковой, 2009) [7]; методики «Субъективная оценка межличностных отношений» (С. В. Духновский, 2006) [4]; шкалы оценки отношений С. Хендрик (адаптация О. Сычева, 2016) [11].

Проведён сравнительный анализ половых особенностей и предикторов проявления ревности (с использованием t-критерия Стьюдента), а также корреляционный анализ.

Выборка исследования. Эмпирическую базу исследования составили 300 человек в возрасте 21–50 лет ($32,56 \pm 11,66$ лет), имеющие разный уровень образования, которые на момент исследования состояли в длительных романтических отношениях (брак или сожительство). Из них 150 женщин в возрасте 21–50 лет ($32,59 \pm 11,74$ лет) и 150 мужчин в возрасте 21–50 лет ($32,54 \pm 11,61$ лет). В исследовании контролировались побочные переменные, которые могли оказать влияние на получившиеся взаимосвязи: возраст, стаж отношений, семейное положение (брак или сожительство), наличие детей, наличие сиблингов, порядок рождения. Все эти переменные учитывались при анализе полученных результатов.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования показали, что, в целом, женская часть выборки оказалась более ревнива. В рамках нашего исследования представилась возможность выявления доминирующих структурных компонентов ревности у мужчин и женщин. Так, женщины статистически достоверно больше склонны к проявлению когнитивного ($t = -5,27, p < 0,01$) и поведенческого ($t = -3,01, p < 0,01$) компонентов ревности, чем мужчины (см. рис. 1). Тогда как эмоциональный компонент ревности в разрезе половых различий не показал значимых значений. Когнитивный компонент ревности включает в себя мысли и беспокойства о физической

близости партнёра с кем-то другим, подозрения о неверности, фантазирование на тему измены партнёра и пр. А поведенческий компонент ревности являет собой непосредственно ревностные действия, например, регулярная проверка телефона партнёра, постоянные вопросы о месте нахождения партнёра, физическая проверка места нахождения партнёра, внезапный визит, слежка за партнёром, манипулятивные разговоры о резко негативных качествах мнимого или реального соперника и пр. Многие исследователи отмечают, что когнитивный и особенно поведенческий компонент ревности являются самыми разрушительными для отношений партнёров [25]. Одной из возможных причин различий в проявлении когнитивного и поведенческого компонентов ревности у женщин является протекание процесса, связанного с более мощным ответом на угрозу потери близкого человека в виду того, что проявление большей заботы и беспокойства о своих отношениях является более социально одобряемым фактором в контексте распределения половых ролей. Кроме того, женщинам чаще труднее решать свои экономические проблемы и достигать высокого социально-экономического статуса, они могут чувствовать, что их партнёры с большей вероятностью найдут себе лучшего партнёра и оставят их, что, безусловно, может усиливать когнитивные и поведенческие проявления ревности в отношениях.

Наши данные согласуются с результатами аналогичных зарубежных исследований, где показана более сильная реакция ревности в женской выборке, что авторы связывают с тем, что женщины, как правило, больше ревнуют

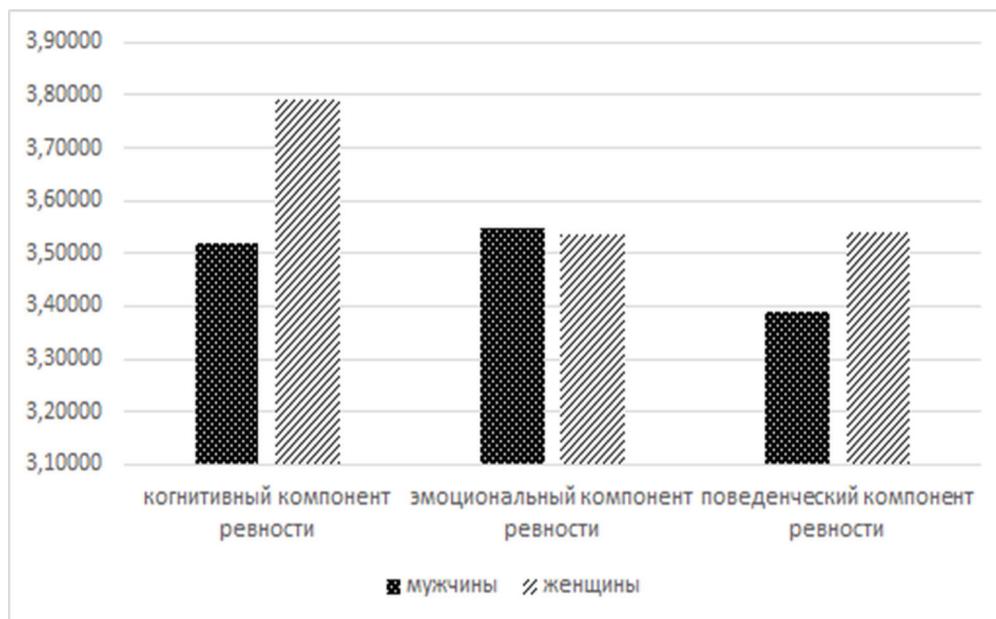

Рис. 1 / Fig. 1. Выраженность структурных показателей романтической ревности в группе мужчин и женщин / Expression of structural indicators of romantic jealousy in a group of men and women

Источник: данные авторов.

и расстраиваются даже при малейших подозрениях на эмоциональную теплоту с другой женщиной, поскольку доступ этой женщины к ресурсам для неё и её детей находится под угрозой передачи «сопернице», в которую мужчина может инвестировать [28].

Если сравнивать различия коммуникативных реакций на ревность у мужчин и женщин, можно отметить, что статистически достоверных различий достаточно много (использовался t-критерий Стьюдента). Согласно концепции Гурреро и её соавторов, существует 11 специфических коммуникативных реакций на ревность, которые можно разделить на четыре категории: 1) деструктивное общение, которое состоит из конфликтного общения между партнёрами; 2) конструктивное общение, которое включает интегра-

тивное взаимодействие и действия, ориентированные на восстановление связи; 3) избегание, который включает в себя молчание или игнорирование; 4) коммуникация, направленная на соперников, которая заключается в контроле, слежке, контактах с соперником, унижении соперника [23].

Так, у женщин статистически достоверно чаще встречается *активное дистанцирование* ($t = -3,37, p < 0,01$). Эта стратегия выражается в увеличении физической и эмоциональной отстранённости в партнёрских отношениях и достоверно больше проявляется у женщин, чем у мужчин. Такое поведение может заключаться в том, что человек, испытывающий ревность, начинает дистанцироваться от своего партнёра, например уменьшать количество времени, проводимого с романтическим

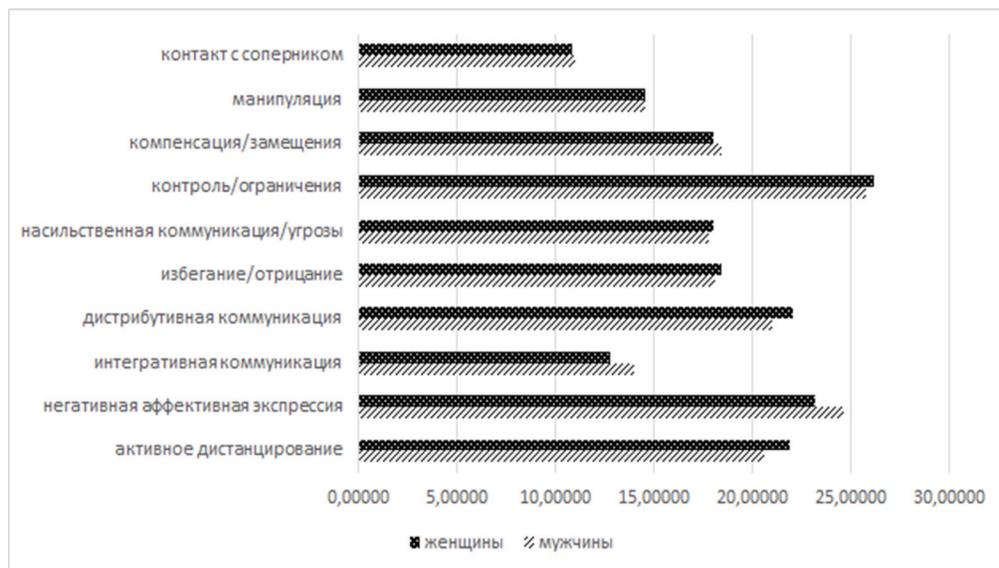

Рис. 2 / Fig. 2. Коммуникативные проявления ревности в группе мужчин и женщин / Communicative Responses of jealousy in a group of men and women

Источник: данные авторов.

партнёром, избегать физического контакта, ограничивать количество звонков и сообщений. Эта тактика может быть использована как способ снижения риска потери партнёра, так и как способ демонстрации своей ревности и недовольства мнимой или реальной ситуацией. Склонность женщин чаще проявлять подобные реакции может быть связана с тем, что они чаще, чем мужчины, прибегают к косвенным (неоткрытым) и манипулятивным способам выражения гнева и недовольства. Исследования А. О. Вергейчик также показали, что ядро коммуникаций в ситуации ревности у женщин носит, в основном, манипулятивный характер: игнорирование, «молчаливый бойкот» [3]. Дополнительным артефактом исследования в контексте значимых половых различий нашей выборки можно отметить, что у женщин статистически достоверно более ярко выра-

жены манипулятивные черты (макиавелизм) ($t = -3,23, p < 0,01$), в то время как у мужчин нарциссические ($t = 3,48, p < 0,01$), т. е. манипулятивность выше в нашей выборке группе женщин.

Дистрибутивная коммуникация, выражающаяся в виде обвинений, критики и ссор с партнёром, тоже достоверно больше проявлена в женской выборке ($t = -2,69, p < 0,01$). Эта тактика в ситуациях ревности может быть эффективна, потому что предполагает открытое обозначение имеющейся проблемы в отношениях, но лишь в некоторых ситуациях – чаще она приводит к ухудшению отношений с партнёром. Женщины чаще используют такой подход скорее всего потому, что они в большей мере ориентированы на откровенный и прямой разговор в ситуации возникающих эмоциональных проблем, даже если он предполагает конфликт.

Дополнительный анализ данных по женской выборке показал, что выраженность данных стратегий у женщин не зависит от возраста, стажа отношений с партнёром, наличия детей и прочих социально-демографических характеристик.

В группе мужчин гораздо больше выражена такая реакция на ревность, как *негативная аффективная экспрессия*, которая проявляется в прямой демонстрации своих негативных чувств партнёру ($t = 3,85, p < 0,01$). Важно отметить, что эта стратегия ответа на ревность проявляется у мужчин вне зависимости от возраста, стажа отношений и наличия детей. Релевантные исследования подтверждают, что мужчины более аффективно реагируют на ущемление собственного достоинства, и ярко проявляют весь спектр негативных эмоций (гнев, печаль, негодование), а также чаще выражают женщине угрозы отомстить ей или наказать [3].

У мужчин в нашей выборке статистически достоверно выше показатель *интегративной коммуникации* в ситуации ревности. Этот показатель выражается в попытках решения проблемы через взаимодействие с партнёром ($t = 4,10, p < 0,01$). Интегративная коммуникация заключается в разъяснении своих чувств и мыслей партнёру и нацелена на нахождение взаимовыгодного решения, учитывающего интересы обеих сторон, поэтому этот подход может быть эффективным в решении конфликтов и проблем в отношениях. Мужчины чаще проявляют подобный способ коммуникации в ситуации ревности, потому что они, скорее всего, более склонны к конкуренции и у них больше опыт решения проблем во взаимодействии с другими людьми. Это

может быть также следствием большей уверенности в себе и своих способностях в решении проблем. Кроме того, мужчины часто более прямолинейны и склонны к использованию рационального подхода в разрешении спорных неоднозначных ситуаций. Однако важно отметить, что женщины тоже могут использовать интегративную коммуникацию, особенно если имеют опыт в решении конфликтов и проблем в отношениях. Дополнительные корреляционные исследования показали, что эта стратегия свойственна более зрелым мужчинам, а также мужчинам, которые находятся в длительных отношениях (более 10 лет).

В обеих выборках равнозначно сильно выражены такие компоненты ревности, как *контроль и ограничения*, что говорит о том, что мужчины и женщины в ситуации ревности в равной степени «проверяют» телефоны и социальные сети своих партнёров, контролируют их и стараются ограничить контакты с потенциальными соперниками. В женской выборке есть взаимосвязь этой стратегии с возрастом (встречается чаще у женщин старшего возраста), в мужской выборке такой связи не было обнаружено.

Ещё одной популярной стратегией поведения в ситуации ревности является *компенсаторное замещение*, когда «ревнивец» старается следить за собой, лучше выглядеть, одаривать своего партнёра подарками, чтобы вновь завоевать его любовь и внимание. Особенно выражена данная стратегия у молодых женщин, а в мужской выборке к «компенсаторным» практикам прибегают и молодые, и более старшие мужчины.

Самым непопулярным видом проявления ревности в нашей выборке

мужчин и женщин стал *контакт с соперником*, когда ревнующий человек пытается «разобраться» с тем, кто эту ревность провоцирует с третьей стороны. К этой стратегии довольно редко прибегают и мужчины, и женщины в нашей выборке. В женской выборке к этой стратегии почти не обращаются более взрослые женщины и женщины, имеющие детей.

В целом с более конструктивными реакциями мужчин связаны возраст и стаж отношений ($p < 0,01$), а позитивными факторами для женщин являются возраст и статус отношений (зарегистрированный брак, а не сожительство).

Корреляционный и регрессионный анализ показал, что ревнивые женщины – это женщины более молодые ($r = -0,79$, при $p < 0,01$), без высшего образования ($r = -0,37$, при $p < 0,01$), женщины, находящиеся в недолгих отношениях ($r = -0,46$, при $p < 0,01$) и женщины, у которых нет детей ($r = -0,52$, при $p < 0,01$). Абсолютно аналогичные связи получились в выборке мужчин, только с другими вкладами переменных, т. е. с возрастом, большей образованностью мужчин, большим стажем отношений и рождением детей снижается ревность у мужчин.

Интересны взаимосвязи между возрастом мужчин и женщин и структурными элементами их ревности.

В группе мужчин с возрастом, появлением детей и долгими годами отношений снижаются все три компонента ревности (когнитивный, эмоциональный, поведенческий) (уровень значимости связей $< 0,01$). Мужчины, обретающие длительные, стабильные отношения, воспитывающие детей, становятся менее ревнивыми или в си-

туации ревности действуют более конструктивно, не разрушая отношения.

В женской же выборке наблюдается интересная тенденция. Поведенческий компонент ревности вообще никак не изменяется с возрастом, длительностью отношений и никак не связан с наличием детей (нет значимых корреляций). Эмоциональный компонент снижается – женщины становятся менее эмоциональны в ситуации потенциальной неверности партнёра с возрастом, а вот когнитивный компонент ревности повышается с возрастом, стажем отношений и наличием детей у женщин. Таким образом, чем старше женщины, чем более длительные отношения имеют с партнёром, тем они становятся более подозрительными, в большей мере беспокоятся относительно интереса партнёра к другим женщинам. Мы полагаем, что это согласуется с эволюционной теорией происхождения женской ревности, которая свидетельствует о том, что даже незначительное эмоциональное внимание партнёра к другой женщине заставляет женщину ревновать и волноваться, потому что женщине страшно потерять ресурсы и инвестиции (эмоциональные, материальные, социальные), которые мужчина вкладывает в неё и в её ребёнка – у более старшей женщины больше повода для беспокойства такой потери [16].

Стоит отметить, что факторы «наличие сиблингов» и «порядок рождения» (первый, второй, единственный ребёнок и т. д.) не обнаружили каких-либо взаимосвязей с ревностью. Корреляционный анализ лишь показал, что младшие и единственные дети более склонны к манипуляциям в ситуации ревности, а те, у кого есть

сублинги – менее склонны к угрозам и насилию в ситуации ревности.

Далее мы рассматривали взаимосвязи между ревнивостью мужчин и женщин и их оценкой взаимоотношений

в паре. Измерялись показатели удовлетворённости отношениями, субъективной оценки дисгармоничности отношений в паре, а также особенности привязанности к партнёру.

Таблица 1 / Table 1

Корреляционная взаимосвязь между показателями ревности мужчин и женщин и особенностей их отношений с партнёром / Correlation between indicators of jealousy of men and women and the characteristics of their relationships with partners

	<i>Показатели межличностных отношений</i>	Ревнивость (женщины)	Ревнивость (мужчины)
Шкала оценки отношений С. Хендрик	Удовлетворённость отношениями	-0,48**	-0,56**
Методика «Субъективная оценка межличностных отношений»	Напряжённость в отношениях	0,44**	0,35**
	Отчуждённость в отношениях	-0,02	-0,004
	Конфликтность в отношениях	0,49**	0,39**
	Агрессивность в отношениях	0,29**	0,09
	Дисгармоничность в отношениях	0,50**	0,36**
Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых	Фрустрация	0,01	0,20*
	Стремление к сближению	0,16*	0,04
	Самоподдержка	-0,02	0,01
	Амбивалентность	-0,009	-0,09
	Доверие	0,01	0,10
	Страх быть оставленным	0,39**	0,29**
	«Цепляние за партнера»/срастание	-0,05	-0,05

Источник: данные авторов.

Корреляционные связи, полученные в двух группах, во многом схожи. Ревнивость партнёра связана с низким уровнем удовлетворённости отношениями, высоким уровнем напряжения и конфликтности, страхом быть оставленными, дисгармоничностью отношений в целом. В женской выборке была обнаружена взаимосвязь ревности с проявлением агрессии в отноше-

нии партнёра, а также со стремлением к сближению с партнёром.

В мужской выборке ревнивость также, как и в женской, связана с конфликтностью, напряжённостью, дисгармоничностью, неудовлетворённостью и страхом быть оставленным, но здесь присутствует ещё и корреляция с фрустрацией. Это может говорить о том, что для мужчин ситуация потен-

циальной неверности и чувства ревности могут вызывать фрустрацию, что подчёркивает подавленность и силу негативных эмоциональных переживаний, связанных с угрозой измены (потенциальной или субъективно ощущаемой).

Важно отметить, что в ситуации ревности в отношениях партнёров появляется больше конфликтов и напряжения, но при этом отчужденности не возникает, скорее, наоборот, партнёры показывают стремление к сближению и желанию «вернуть» партнёра. Особенно ярко это проявляется в группе женщин. В этом может проявляться адаптивно-позитивная функция ревности как реакции на какую-либо угрозу утраты значимых для человека близких отношений.

Таким образом, гипотеза о различии ревности, её компонентов и её проявлений нашла подтверждение. Гипотеза о различии взаимосвязи между ревностью и оценкой межличностных отношений в группе мужчин и женщин подтвердилась лишь частично.

Заключение

Исследование показало различия в структурных компонентах ревности, а также в разных стратегиях проявления романтической ревности в группе взрослых мужчин и женщин. На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы.

1. Романтическая ревность – это сложный комплекс эмоциональных реакций, который может быть вызван воображаемой или реальной угрозой ценным отношениям из-за присутствия воображаемого или реального соперника. Поведение, связанное с ревностью (будь то вызывание ревности

у кого-то или испытываемое чувство ревности), может быть частью тактики удержания партнёра в отношениях. Согласно эволюционной психологии, романтическая ревность несмотря на своё сложное эмоциональное проживание выполняет важную адаптивную функцию.

2. Ревность мужчин и женщин отличается с эволюционной точки зрения тем, что мужчины больше переживают из-за возможности сексуальной неверности партнёрши за пределами их диады, в то время как для женщин более угрожающей выглядит эмоциональный вклад в соперницу, переориентация внимания и ресурсов партнёра на другую женщину.

3. Проведённое исследование показало различия в проявлении ревности у мужчин и женщин. Женщины в нашей выборке оказались более ревнивы, особенно в рамках выраженности когнитивного и поведенческого компонентов ревности. Женщины более настороженно относятся к тёплым эмоциональным контактам романтического партнёра с другими женщинами, чаще думают о неверности партнёра и беспокоятся о его неверности.

4. Среди коммуникативных реакций на ревность у женщин больше выражена дистрибутивная коммуникация, когда партнёру открыто выражают свои подозрения. Женщины в ситуации ревности чаще идут на открытый конфликт и обвинение партнера или прибегают к более манипулятивным способам реагирования: игнорирование партнёра, «наказание» его молчанием и пр. Мужчины в ситуации ревности демонстрируют негативные аффекты (гнев, обиду, грусть и пр.), они бурно эмоционально реагируют и

могут даже в порыве эмоций угрожать партнёрше или сопернику местью. Мужчины также более склонны к интегративной коммуникации с целью удержать партнёршу в отношениях.

5. И мужчины, и женщины часто используют контроль и ограничения в ситуации ревности: следят за партнёром, проверяют его гаджеты, а также прибегают к компенсаторному замещению – стараются «порадовать» своего партнёра подарками, работают над собой с целью «вернуть» расположение своей второй половинки.

6. Наибольший вклад в проявление ревности и мужчин, и у женщин вносят такие характеристики, как возраст, стаж отношений, статус отношений и наличие детей. Ревность гораздо больше выражена у молодых мужчин и женщин, не имеющих детей, не состоящих в браке, и не так долго состоящих в отношениях.

7. Ревность в романтических отношениях женщин связана с показателями неудовлетворённости отношениями, конфликтностью, агрессивностью, напряжённостью и общей дисгармоничностью отношений. В стилях привязанности ревнивых женщин высокий уровень страха быть покинутым и желание сблизиться с партнёром (тревожно-амбивалентная привязанность). Более ревнивые мужчины тоже оценивают свои отношения с партнёр-

шей как неудовлетворительные, конфликтные и напряжённые, но в них не проявлена агрессия, в отличие от женщин – в них больше страха потерять партнёра и фрустрации.

Полученные результаты представляют интересные и важные выводы о специфике проявления ревности у мужчин и женщин, о роли ревности в построении близких эмоциональных отношений. На наш взгляд, исследование требует более глубокого изучения дополнительных переменных, которые оказались важными для проявления чувства ревности и мужчин и женщин: возраст, количество детей, уровень образования, стаж и характер отношений. Интересно, что фактор порядка рождения и наличие сиблингов не оказался значимым в данном исследовании ревности.

Полученные данные о половозрастных характеристиках ревности могут быть полезны семейным психологам, консультирующим пары в ситуации семейных кризисов и конфликтов.

Ограничения данного исследования могут быть связаны с тем, что субъективное описание респондентами своих установок и поведения в ситуации ревности могут отличаться от поведения, которое демонстрируется в контексте реальной ситуации.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Бреслав Г. М., Тимошенко Ю. В. Полезна ли ревность в партнерских отношениях? // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 3. С. 27–46. DOI: 10.11621/vsp.2019.03.27.
2. Вергейчик А. О. Ревность в романтических отношениях партнеров с различным уровнем агрессивности и враждебности // Философия и социальные науки. 2016. № 2. С. 72–75.
3. Вергейчик А. О. Ядро установок коммуникативных реакций на ситуацию ревности // Философия и социальные науки. 2015. № 4. С. 80–83.

4. Духновский С. В. Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум. СПб.: Речь, 2010. 141 с.
5. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2011. 752 с.
6. Корнилова Т. В., Корнилов С. А., Чумакова М. А. Методика диагностики личностных черт «Тёмной триады»: апробация опросника Тёмная дюжина // Психологический журнал. 2015. № 36 (2). С. 99–112.
7. Крюкова Т. Л., Екимчик О. А., Опекина Т. П. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. Кострома: Издательство Костромского государственного университета, 2019. 340 с.
8. Нестерова А. А. Феноменология жизнеспособности личности в трудных жизненных ситуациях // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 4 (24). С. 51–62.
9. Опекина Т. П., Голубева А. А. Переживание ревности в близких отношениях и психологическое благополучие взрослых мужчин и женщин // Вестник Омского государственного университета. 2020. № 4. С. 53–62. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.53-59.
10. Позняков В. П., Панфилова Ю. М. Представления о партнёрстве мужчин и женщин, состоящих в добрачных отношениях и в зарегистрированном браке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 1. С. 53–68. DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-53-68.
11. Сычев О. А. Русскоязычная версия Шкалы оценки отношений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 2. С. 386–409.
12. Титовец А. Э. Причины и условия преступлений, совершаемых по мотиву ревности // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 2 (101). С. 185–194. DOI: 10.51965/20767919_2022_1_2_185.
13. Фокина Н. В., Чижова Е. А. Субъективное переживание ревности в контексте ранних дезадаптивных схем // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2020. Т. 2. №2. С. 102–109.
14. Фурманов И. А., Вергейчик А. О. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики «Коммуникативные реакции на ревность» // Психологический журнал. 2012. № 1-2. С. 81–89.
15. Banaszkiwicz P. Biological Sex and Psychological Gender Differences in the Experience and Expression of Romantic Jealousy // Social Psychological Bulletin. 2022. № 17. P. 1–23. DOI: 10.32872/spb.4161.
16. Buss D. M. Sexual and emotional infidelity: Evolved gender differences in jealousy prove robust and replicable // Perspectives on Psychological Science. 2018. № 13. P. 155–160. DOI: 10.1177/1745691617698225.
17. Buunk A. P., Massar K. Jealousy in Close Relationships From an Evolutionary and Cultural Perspective: Responding to Real and Feared Rivals // The Oxford Handbook of Evolutionary Psychology and Romantic Relationships. Oxford: Oxford University Press, 2023. 333 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780197524718.001.0001.
18. Dandurand C., Lafontaine M. F. Jealousy and couple satisfaction: A romantic attachment perspective // Marriage & Family Review. 2014. № 50 (2). P. 154–173. DOI: 10.1080/01494929.2013.879549.
19. Daw J., Halliwell G., Hay S. You don't notice it, it's like boiling water": Identifying psychological abuse within intimate partner relationships and how it develops across a domestic homicide timeline // Current Psychology. 2022. Vol. 42. № 23. P. 20000–20014. DOI: 10.1007/s12144-022-03103-0.
20. De Cristofaro V., Pellegrini V., Salvati M. Examining and understanding patterns of cognitive, emotional, and behavioral jealousy: Dispositional Mindfulness as a protective

- factor in romantic relationships // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2023. № 40 (5). P. 1368–1397. DOI: 10.1177/02654075221139631.
21. Diotaiuti P., Valente G., Mancone S. Validation study of the Italian brief version of the multidimensional jealousy scale: Psychometric properties, measurement invariance across gender, and convergent validity [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology*. 2022. № 13. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.1013584/full> (дата обращения: 19.01.2023). DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1013584.
22. Fussell N. J., Stollery B. T. Between-Sex Differences in Romantic Jealousy: Substance or Spin? A Qualitative Analysis // *Evolutionary Psychology*. 2012. № 10 (1). P. 136–172. DOI: 10.1177/147470491201000114.
23. Gurrero L. K., Hannawa A. F., Babin E. A. The Communicative Responses to Jealousy Scale: Revision, Empirical Validation, and Associations with Relational Satisfaction // *Communication Methods and Measure*. 2011. № 5 (3). P. 223–249. DOI: 10.1080/19312458.2011.596993.
24. Guerrero L. K., Trost M. R., Yoshimura S. M. Romantic jealousy: Emotions and communicative responses // *Personal Relationships*. 2005. № 12 (2). P. 233–252. DOI: 10.1111/j.1350-4126.2005.00113.x.
25. Pfeiffer S. M., Wong P. T. P. Multidimensional Jealousy // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1989. № 6. P. 181–196. DOI: 10.1177/026540758900600203.
26. Pollet T. V., Saxton T. K. Jealousy as a function of rival characteristics: Two large replication studies and meta-analyses support gender differences in reactions to rival attractiveness but not dominance // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2020. № 46 (10). P. 1428–1443. DOI: 10.1177/01461672209045.
27. Shackelford T. K., Weekes-Shackelford V. A. *Encyclopedia of evolutionary psychological science*. Cham: Springer International Publishing, 2021. 8604 p.
28. Sucrese A. M., Burley E. E., Perilloux C. Just friends? Jealousy of extramarital friendships // *Evolutionary Behavioral Sciences*. 2023. № 17 (3). P. 333–344. DOI: 10.1037/ebs0000296.
29. Valentova J. V., de Moraes A. C., Varella M. A. C. Gender, sexual orientation and type of relationship influence individual differences in jealousy: A large Brazilian sample [Электронный ресурс] // *Personality and Individual Differences*. 2020. № 157. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 19.01.2023). DOI: 10.1016/j.paid.2019.109805.

REFERENCES

1. Breslav G. M., Timoshchenko Yu. V. [Is jealousy useful in partnerships?]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Episode 14: Psychology], 2019, no. 3, pp. 27–46. DOI: 10.11621/vsp.2019.03.27.
2. Vergejchik A. O. [Jealousy in romantic relationships of partners with different levels of aggressiveness and hostility]. In: *Filosofiya i social'nye nauki* [Philosophy and social sciences], 2016, no. 2, pp. 72–75.
3. Vergejchik A. O. [The core of attitudes of communicative reactions to a situation of jealousy]. In: *Filosofiya i social'nye nauki* [Philosophy and social sciences], 2015, no. 4, pp. 80–83.
4. Duhnovskij S. V. *Diagnostika mezhluchnostnyh otnoshenij. Psihologicheskij praktikum* [Diagnosis of interpersonal relationships. Psychological workshop]. St. Petersburg, Rech Publ., 2010. 141 p.
5. Ilin E. P. *Emocii i chuvstva* [Emotions and feelings]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 752 p.
6. Kornilova T. V., Kornilov S. A., Chumakova M. A. [Methodology for diagnosing personality traits of the “Dark Triad”: testing of the Dark Dozen questionnaire]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2015, no. 36 (2), pp. 99–112.

7. Kryukova T. L., Ekimchik O. A., Opekina T. P. *Psihologiya sovladaniya s trudnostyami v blizkih (mezhluchnostnyh) otnosheniyah* [Psychology of coping with difficulties in close (interpersonal) relationships]. Kostroma, Publishing house of Kostroma State University, 2019. 340 p.
8. Nesterova A. A. [Phenomenology of personality vitality in difficult life situations]. In: *Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in psychological and pedagogical research], 2011, no. 4 (24), pp. 51–62.
9. Opekina T. P., Golubeva A. A. [Experience of jealousy in close relationships and psychological well-being of adult men and women]. In: *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Omsk State University], 2020, no. 4, pp. 53–62. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.53-59.
10. Poznyakov V. P., Panfilova Yu. M. [Ideas about the partnership of men and women in premarital relationships and registered marriages]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences], 2022, no. 1, pp. 53–68. DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-53-68.
11. Sychev O. A. [Russian version of the Relationship Assessment Scale]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2016, vol. 13, no. 2, pp. 386–409.
12. Titovec A. E. [Causes and conditions of crimes committed based on jealousy]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev], 2022, vol. 1, no. 2 (101), pp. 185–194. DOI: 10.51965/20767919_2022_1_2_185.
13. Fokina N. V., Chizhova E. A. [Subjective experience of jealousy in the context of early maladaptive schemes]. In: *Vestnik psihologii i pedagogiki Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of psychology and pedagogy of Altai State University], 2020, vol. 2, no. 2, pp. 102–109.
14. Furmanov I. A., Vergejchik A. O. [Tactics of behavior in situations of experiencing jealousy: adaptation of the “Communicative reactions to jealousy” methodology]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2012, no. 1-2, pp. 81–89.
15. Banaszkiwicz P. Biological Sex and Psychological Gender Differences in the Experience and Expression of Romantic Jealousy. In: *Social Psychological Bulletin*, 2022, no. 17, pp. 1–23. DOI: 10.32872/spb.4161.
16. Buss D. M. Sexual and emotional infidelity: Evolved gender differences in jealousy prove robust and replicable. In: *Perspectives on Psychological Science*, 2018, no. 13, pp. 155–160. DOI: 10.1177/1745691617698225.
17. Buunk A. P., Massar K. Jealousy in Close Relationships From an Evolutionary and Cultural Perspective: Responding to Real and Feared Rivals. In: *The Oxford Handbook of Evolutionary Psychology and Romantic Relationships*. Oxford: Oxford University Press, 2023. 333 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780197524718.001.0001.
18. Dandurand C., Lafontaine M. F. Jealousy and couple satisfaction: A romantic attachment perspective. In: *Marriage & Family Review*, 2014, no. 50 (2), pp. 154–173. DOI: 10.1080/01494929.2013.879549.
19. Daw J., Halliwell G., Hay S. You don’t notice it, it’s like boiling water”: Identifying psychological abuse within intimate partner relationships and how it develops across a domestic homicide timeline. In: *Current Psychology*, 2022, vol. 42, no. 23, pp. 20000–20014. DOI: 10.1007/s12144-022-03103-0.
20. De Cristofaro V., Pellegrini V., Salvati M. Examining and understanding patterns of cognitive, emotional, and behavioral jealousy: Dispositional Mindfulness as a protective factor

- in romantic relationships. In: *Journal of Social and Personal Relationships*, 2023, no. 40 (5), pp. 1368–1397. DOI: 10.1177/02654075221139631.
21. Diotaiuti P., Valente G., Mancone S. Validation study of the Italian brief version of the multidimensional jealousy scale: Psychometric properties, measurement invariance across gender, and convergent validity. In: *Frontiers in Psychology*, 2022, no. 13. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.1013584/full> (accessed: 19.01.2023). DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1013584.
 22. Fussell N. J., Stollery B. T. Between-Sex Differences in Romantic Jealousy: Substance or Spin? A Qualitative Analysis. In: *Evolutionary Psychology*, 2012, no. 10 (1), pp. 136–172. DOI: 10.1177/147470491201000114.
 23. Gurrero L. K., Hannawa A. F., Babin E. A. The Communicative Responses to Jealousy Scale: Revision, Empirical Validation, and Associations with Relational Satisfaction. In: *Communication Methods and Measure*, 2011, no. 5 (3), pp. 223–249. DOI: 10.1080/19312458.2011.596993.
 24. Guerrero L. K., Trost M. R., Yoshimura S. M. Romantic jealousy: Emotions and communicative responses. In: *Personal Relationships*, 2005, no. 12 (2), pp. 233–252. DOI: 10.1111/j.1350-4126.2005.00113.x.
 25. Pfeiffer S. M., Wong P. T. P. Multidimensional Jealousy. In: *Journal of Social and Personal Relationships*, 1989, no. 6, pp. 181–196. DOI: 10.1177/026540758900600203.
 26. Pollet T. V., Saxton T. K. Jealousy as a function of rival characteristics: Two large replication studies and meta-analyses support gender differences in reactions to rival attractiveness but not dominance. In: *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2020, no. 46 (10), pp. 1428–1443. DOI: 10.1177/01461672209045.
 27. Shackelford T. K., Weekes-Shackelford V. A. *Encyclopedia of evolutionary psychological science*. Cham, Springer International Publishing, 2021. 8604 p.
 28. Sucrese A. M., Burley E. E., Perilloux C. Just friends? Jealousy of extramarital friendships. In: *Evolutionary Behavioral Sciences*, 2023, no. 17 (3), pp. 333–344. DOI: 10.1037/ebs0000296.
 29. Valentova J. V., de Moraes A. C., Varella M. A. C. Gender, sexual orientation and type of relationship influence individual differences in jealousy: A large Brazilian sample. In: *Personality and Individual Differences*, 2020, no. 157. Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 19.01.2023). DOI: 10.1016/j.paid.2019.109805.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нестерова Альбина Александровна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения;

e-mail: anesterova77@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7830-9337>

Шукина Ольга Геннадьевна – аспирант кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения;

e-mail: olgashchukina.psy@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4892-8428>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Albina A. Nesterova – Doctor. Sci. (Psychology), Prof., Prof. Department of Social and Educational Psychology of State University of Education;

e-mail: anesterova77@rambler.ru <https://orcid.org/0000-0002-7830-9337>

Olga G. Shchukina – Postgraduate student of Department of Social and Educational Psychology of State University of Education;
e-mail: olgashchukina.psy@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4892-8428>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нестерова А. А., Щукина О. Г. Особенности проявления романтической ревности и построения отношений у мужчин и женщин // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 87–104.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-87-104

FOR CITATION

Nesterova A. A., Shchukina O. G. Features of the manifestation of romantic jealousy and building relationships in men and women. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 87–104.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-87-104

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-105-120

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА СТУДЕНТОВ С СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОГОЙ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ

Цветкова Н. А.

Научно-исследовательский институт

Федеральной службы исполнения наказаний России

125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15А, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление особенностей социально-психологического статуса студентов с социальной тревогой в родительской семье.

Процедура и методы. Психодиагностическая процедура проводилась с применением опросника социальной тревоги и социофобии О. А. Сагалаковой, Д. В. Труевцева и проективного рисуночного теста «Семейная социограмма» Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса. Нормальность распределения проверялась по критерию Колмогорова-Смирнова с поправкой Лильефорса; корреляционный анализ выполнен по r -критерию Пирсона; межгрупповые различия определены с помощью t -критерия Стьюдента.

Результаты. Установлено, что особенностью социально-психологического статуса студентов с социальной тревогой в родительской семье является то, что он низкий по критерию «значимость в семье» и высокий – по критерию «равная степень близости к обоим родителям», а также то, что у студентов с высоким уровнем социальной тревоги он не имеет тесных связей ни с общим уровнем социальных страхов, ни с его частными типами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы преподавателями вузов и кураторами студенческих учебных групп, семейными психологами-консультантами, а также в целях совершенствования психологического сопровождения студентов в вузах, в частности, в индивидуальном социально-психологическом консультировании и групповом психологическом просвещении по проблеме социальной тревоги и коммуникативной неэффективности в разных ситуациях оценивания.

Ключевые слова: близость к родителям, значимость в родительской семье, социальная тревога, социально-психологический статус, студенты, особенности статуса

FEATURES OF THE SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL STATUS OF STUDENTS WHO ARE SOCIOPHOBES IN THE PARENTAL FAMILY

N. Tsvetkova

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ul. Narvskaya, 15A, p. 1, Moscow, 125130, Russian Federation

Abstract

Aim. The manifestation of students with signs of social phobia features of their socio-psychological status in the parental family according to the degree of their proximity to parents and importance in the family system.

© СС ВУ Цветкова Н. А., 2024.

Methodology. The psychodiagnostic procedure was carried out using the questionnaire of social anxiety and social phobia by O. A. Sagalakova, D. V. Truevtsev and the selective drawing test "Family sociogram" by E. G. Eidemiller and V. V. Justitskis. The normality of the distribution was checked by the Kolmogorov-Smirnov criterion with the Lilyfors correction; correlation analysis was performed by the Pearson r-criterion; m-group differences were determined using the Student's t-criterion.

Results. It is established that the peculiarity of the socio-psychological status of students with social phobia in the parental family is its low level according to the criterion of "importance of the student in the family" and high – according to the criterion of "equal proximity to both parents" (if students with social phobia are equally close to their father and mother, then the level of this proximity is high), and also, the fact that social phobic students have no close ties with either the general level of social phobia or its particular types.

Research implications. The obtained results can be used by university teachers and curators of student study groups; family counseling psychologists and psychotherapists, as well as in order to improve the psychological support of students at universities, in particular, in individual socio-psychological counseling and group psychological education on the problem of social anxiety, social phobia and its subclinical manifestations – confusion and communicative inefficiency in different assessment situations.

Keywords: closeness to parents, importance in the parental family, social anxiety, socio-psychological status, social phobia, students, status features

Введение

Актуальность изучения особенностей социально-психологического статуса студентов с социальной тревогой в родительской семье аргументируется потребностью общества в воспроизводстве психически здорового населения. Для достижения этой глобальной цели важно выявлять и нивелировать различные факторы, в том числе социально-психологические, ставящие под угрозу социальное здоровье студенческой молодёжи – наиболее социально активной и перспективной категории населения. Одним из таких факторов является такой социально-психологический статус студентов в родительской семье, который вызывает у них опасение, беспокойство, стресс и в итоге обуславливает трудности их самоопределения и неадекватные реакции на стимулы окружающего мира. Он является мало изученным в связи с проявлением социальной тревоги, частота встречаемости которой в сту-

денческой среде растёт, судя по современным научным данным [1; 9; 12 и др.]. Под социально-психологическим статусом понимается «положение человека в системе межличностных отношений и мера его психологического влияния на членов группы» [10, с. 586]. Его имеет каждый человек в семье, поскольку она является малой группой, в которой каждый её член тем или иным образом связан с каждым и в силу характера этих связей занимает определённое место в семейной структуре [14; 15]. В статье понятие социально-психологического статуса используется для определения положения и значимости в родительской семье юношей и девушек, обучающихся в вузе и имеющих ту или иную степень социальной тревоги и социального страха.

Существуют исследования, показывающие значимость родителей, а также особенностей родительской семьи в формировании социальной тревоги у детей, которая усиливается у них с

возрастом [3; 6; 13]; при этом со временем могут возникать сопутствующие ей физиологические расстройства, а в ситуациях сильного стресса – панические атаки.

Социальную тревогу у студентов в отечественной психологии исследовали В. В. Краснова и А. Б. Холмогорова (они отметили связь социальной тревожности с дезадаптацией и суицидальной направленностью) [7]; С. О. Афанасьев, И. С. Махортова и О. Ю. Ширяев [1] проанализировали распространённость и факторы риска формирования социальной тревоги на выборках студентов-медиков; И. Д. Корытко раскрыл психологические факторы социальных страхов студенческой молодёжи [5]; Е. Н. Кузнецова и О. В. Швецова выделили психологические проявления социальной тревоги у студентов педагогического вуза, низкий уровень которой, с их точки зрения, может служить критерием безопасности образовательной среды [8], а К. О. Богомазова и О. В. Байгужина показали связь социальной тревоги и социально-психологической атмосферы в студенческой группе с жизнеспособностью студентов различных профилей подготовки [2]. Начиная с 2021 г., стали появляться публикации об особенностях проявления социальной тревоги у студентов, перенёвших новую коронавирусную инфекцию COVID-19 [4; 13], публиковаться результаты мониторинга психоэмоционального состояния и социальной тревоги, проводимого среди студенческой молодёжи [9], в том числе среди иностранных студентов, обучающихся в российских вузах [4 и др.].

За рубежом разработка этой проблемы началась раньше, чем в России, и её исследования активно ведутся в насто-

ящее время. Об этом свидетельствуют опубликованные междисциплинарные обзоры, например, Х. Р. Кремерс и К. Рулофс [16]. У обучающихся в колледже социальные страхи изучали С. Пердон, М. Энтони, С. Монтейро, Р. П. Суинсон [18], а также Ю. С. Луан, Г. Чжань-лин, Л. Ми, Л. Ин, Б. Лан, Л. Тонг [17]. Эти авторы отметили различия в проявлении социальной тревоги у юношей и девушек; Г. Рассел и П. Топхэм показали влияние социальных страхов на успешность обучения и благополучие студентов вузов [19]; Ю. Ю. С. Лю, М. Сонг, Н. Фань, Л. Чжан исследовали связь социальной тревожности у студентов с особенностями их привязанности к родителям [20] и др.

Для цели данного исследования особую ценность представили разработки О. А. Сагалковой и Д. В. Труевцева, изучавших социальные страхи и предложивших семиуровневую систему их оценивания – от социальной тревоги низкого уровня до уровня клинических проявлений [11]. Их подход к изучению этого тревожного расстройства личности в сочетании с системным подходом Э. Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса к диагностике семьи, в которой возможно определить влияние (значимость) и положение (близость к другим членам семьи) любого из её членов [15], составили теоретико-методологическую основу исследования социальной тревоги, результаты которого представлены в данной статье.

Цель данного исследования заключалась в выявлении у студентов с социальной тревогой особенностей их социально-психологического статуса в родительской семье. Исследовательские задачи: 1) провести диагностику социальной тревоги у студентов

II–III курсов и выделить из совокупной студенческой выборки группу испытуемых с повышенным, высоким и очень высоким её уровнями; 2) выявить оценки студентами своего социально-психологического статуса в родительской семье путём определения степени их близости к отцу, к матери, к обоим родителям, а также собственной значимости в семейной системе; 3) провести анализ корреляционных связей показателей социофобии с показателями социально-психологического статуса студентов в родительской семье; 4) установить различия в социально-психологическом статусе в родительской семье студентов с социальной тревогой и студентов без этого тревожного расстройства.

Гипотеза: студенты с повышенным уровнем социальной тревоги и студенты с умеренным уровнем социальной тревоги достоверно различаются по таким критериям социально-психологического статуса в родительской семье, как «близость к родителям» и «значимость в родительской семье».

Метод

Схема исследования. На начальном этапе студенты проходили тестирование на наличие признаков социальной тревоги и рисовали семейную социограмму. Затем из совокупной выборки по интегративному показателю общего уровня социальной тревоги была выделена группа, состоящая из студентов с повышенным, высоким, очень высоким её уровнями. После этого анализировались семейные социограммы испытуемых, что позволило получить оценки близости к родителям и значимости в семье, характерные для студентов с разными уровнями социаль-

ной тревоги и студентов, не имеющих такого уровня. На завершающем этапе исследования выявлялись согласования показателей социальной тревоги с показателями социально-психологического статуса (близости к родителям и значимости в родительской семье), а также устанавливалась достоверность межгрупповых различий.

Участники исследования. Выборку составили 240 студентов (120 юношей и 120 девушек) 2 и 3 курсов в возрасте от 19 лет до 21 года (медиана – 19,9), обучающихся на очных отделениях по специальностям, относящимся к сфере деятельности «человек – человек» (психология, образование / педагогика, социология, медицина и др.). Выборка составлялась по 3 критериям: а) испытуемый обучался на 2 или 3 курсе на очной форме, т. е. в его студенческой жизни присутствовала относительная стабильность; 2) испытуемый не был ранее и на момент обследования не состоял в браке; 3) равное количество испытуемых по половому признаку.

Эмпирический материал был собран за период: вторая половина 2022 г. и первое полугодие 2023 г. В совокупной выборке оказалось 89 студентов (37,1%), совмещавших учёбу в вузе с трудовой занятостью; одновременно учились в двух вузах 3 чел. (1,25%).

Методики

В исследовании применялись следующие методики психологической диагностики: 1) опросник социальной тревоги и социофобии О. А. Сагалаковой и Д. В. Труевцева, позволяющий определить уровень социальной тревоги в молодом возрасте (от 16 до 35 лет) [14]; 2) проективный рисуночный тест «Семейная социограмма» (в круге диа-

метром 11 см студенты изображали членов своей семьи в виде кружков различной величины и подписывали, кто есть кто), с помощью которого изучалась степень близости испытуемых к родителям (для этого при измерении и сопоставлении расстояния между кружками, обозначавшими самого испытуемого, его отца и мать, применялась 10-бальная шкала, в которой максимальное значение (10 баллов) отражало симбиотическую связь, а минимальное (0 баллов) – отсутствие самого испытуемого в семейном круге, т. е. отчуждение от родительской семьи); значимость испытуемого в семье определялась по расположению кружка «Я» (сверху, в середине, снизу) и его величине (большой, средний, маленький) относительно других членов семьи (для её оценки также использовалась шкала от 0 до 10 баллов) [16, р. 611]. Математико-статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась на основе пакета MS Office Excel, IBM SPSS Statistics 23. Достоверность межгрупповых различий в показателях студенческих выборок определялась по t-критерию Стьюдента. Корреляционный анализ

выполнялся по g-критерию Пирсона. Выбор критериев обусловлен особенностями распределения исследуемых показателей и типами шкал психодиагностических методов.

Результаты

1. Результаты диагностики социофобии в совокупной выборке студентов.

Данные, отражающие распределение совокупной студенческой выборки в зависимости от показателей общего уровня социальной тревоги, сведены в таблицу 1, представленную ниже.

Приведённые в таблице 1 данные показывают, что в совокупной выборке самую большую долю (27,1%) составляют студенты с повышенным общим уровнем социальной тревоги; доля студентов с низким уровнем социальной тревоги незначительная (2,5%), тогда как доля студентов с проявлениями очень высокого уровня социальной тревоги, равна 21,2%.

Данные, отражающие процентное распределение совокупной студенческой выборки по уровням частных типов социальной тревоги представлены ниже в таблице 2.

Таблица 1 / Table 1

Показатели проявления общего уровня социальной тревоги студентов / Indicators of the manifestation of the general level of social anxiety of students

Уровни проявления социальной тревоги	Интервалы значений (в баллах)	Число чел. в выборке	Доля в выборке (в %)
Очень высокий уровень социальной тревоги	60-87	51	21,2
Высокий уровень социальной тревоги	59-50	55	22,9
Повышенный уровень социальной тревоги	49-40	65	27,1
Умеренный уровень социальной тревоги	39-31	35	14,6
Эпизодические проявления соц. тревоги	30-16	28	11,7
Низкий уровень социальной тревоги	15-0	6	2,5

Источник: данные автора.

Таблица 2 / Table 2

Процентное распределение совокупной студенческой выборки по уровням частных типов социофобии / Percentage distribution of the total student sample by levels of particular types of social phobia

Частные типы социальной тревоги	Уровни			Показатели совокупной выборки (в стенах)
	Низкий (0–3 стенов)	Средний (4–6 стенов)	Высокий (7–10 стенов)	
	%			
Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях	9,2	42,9	47,9	6,7
Сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирование признаков тревоги в экспертных ситуациях	18,7	42,5	38,8	5,7
Социальная тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением»	10,8	73,4	15,8	5,4
Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля	30,0	39,2	30,8	4,8
Избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях	32,1	37,1	30,8	4,7
Общий уровень социальной тревоги – 47,0 баллов (максимальное значение – 87 баллов или 10 стенов)				5,4

Источник: данные автора.

Данные таблицы 2 позволяют отметить, что: 1) самую большую долю (47,9%) совокупной выборки составляют студенты с высокими показателями социальной тревоги типа «Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях»; 2) в перечне частных шкал доминирует показатель «Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях», тяготеющий к высокому уровню. Относительно него низкие по-

казатели наблюдаются по двум шкалам: «Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля» и «Избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях» (их уровни умеренные); 3) обобщённый показатель социальной тревоги в совокупной выборке (47,0 баллов) свидетельствует о его повышенном уровне.

Полученные на первом этапе исследования данные (см. выше табл. 1 и 2) позволили разделить совокупную выборку на две группы:

I группа – студенты с высоким уровнем социальной тревоги вплоть до клинической социофобии в декомпенсации (171 человек или 71,3%). Показатель общего уровня социальной тревоги в их выборке равен 54,6 баллов – следовательно, участникам свойственны: сильное напряжение при участии в значимых социальных ситуациях (публичные выступления, зачёты, экзамены и др.); декомпенсация в случаях явной критики извне или угрозы негативного оценивания; усиление социальных страхов в процессе коллективной деятельности из-за опасения, что окружающие увидят признаки волнения, потому что приходится работать под наблюдением или потребуются проявить инициативу; попытки оттянуть участие в экспертных ситуациях хоть на какое-то время и мысли об избегании, которые они частично реализуют. Им недостаёт коммуникабельности и социальной смелости, хотя есть желание самопроявления и активной социальной самореализации в разных сферах жизни;

II группа – студенты с умеренным и низким уровнями социальной тревоги (69 человек без признаков клинической социофобии), на долю которых в выборке пришлось 28,7%. Показатель общего уровня социальной тревоги в этой группе составил 28,3 балла, а это значит, что в ситуациях оценивания (формальных и/или интимно-личностных) многие студенты хоть и колебались между социальной смелостью и эпизодическими проявлениями социальной тревоги, однако в итоге

проявляли социальную активность, что нормально.

2. Результаты исследования социально-психологического статуса студентов в родительской семье.

2.1. Результаты анализа близости к родителям студентов с высокими уровнями социальной тревоги и студентов без высоких уровней.

Процентное распределение студентов с социальной тревогой и студентов без неё по степени близости к родителям представлены ниже в таблице 3.

Данные таблицы 3 показывают, что в группе студентов с высокими уровнями социальной тревоги несколько меньше процентная доля близких к отцу и больше доля близких к матери, а также в равной степени близких к обоим родителям; в этой же группе меньше доля не включивших себя в семейную социограмму. По данным Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса, отсутствие самого автора на социограмме указывает на его трудности самовыражения в отношениях с родными и близкими, эмоциональное отвержение и, возможно, на наличие у него чувства неполноценности или безразличия к близким, а также о конфликтных отношениях в семье [16]. Такие студенты условно были названы «отчуждёнными» от родительской семьи и выделены в отдельную – III группу (56 чел., или 23,3% совокупной выборки; их статус в семье не определялся). Вместе с этим возникло предположение о возможных структурных различиях уровней социальной тревоги «отчуждённых» студентов с СТиСФ и совокупной студенческой выборки. Рейтинг показателей частных типов социальной тревоги в обеих выборках (структура, характерная для каждой из них) представлен ниже в таблице 4.

Таблица 3 / Table 3

Распределение студентов с социальной тревогой и студентов без неё по степени близости к родителям / Distribution of students with social anxiety and students without it according to the degree of proximity to parents

Сравниваемые группы	Параметры социально-психологического статуса студентов			
	Ближе к отцу, чем к матери	Ближе к матери, чем к отцу	Одинаково близки к обоим родителям	Семейная социограмма без самих студентов
	%			чел. / %
I группа – студенты с социальной тревогой (171 чел.)	17,0	42,7	18,1	38 / 22,2
II группа – студенты без социальной тревоги (69 чел.)	17,4	40,6	15,9	18 / 26,1

Источник: данные автора.

Таблица 4 / Table 4

Структура уровней социальной тревоги в выборке «отчуждённых» студентов и в совокупной студенческой выборке / The structure of social anxiety levels in the sample of "alienated" students and in the aggregate student sample

Рейтинг структурных компонентов / типов социальной тревоги	Показатели выборки «отчуждённых» студентов с высокой социальной тревогой (38 чел.)	Показатели совокупной выборки
	в стенах от 1 до 10	
Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях	7,5	6,7
Сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирование признаков тревоги в экспертных ситуациях	6,5	5,7
Социальная тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением»	6,3	5,4
Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля	5,4	4,8
Избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях	5,1	4,7

Источник: данные автора.

Судя по данным таблицы 4, рейтинг частных типов уровней социальной тревоги в обеих выборках сходный.

2.2. Результаты анализа значимости студентов в родительской семье и степени их близости к родителям

Аналізу были подвергнуты социограммы 133 студентов с высокими уровнями социальной тревоги (I группа) и 51 студента без высоких уровней социальной тревоги (II группа). Хотя

социограммы 56 студентов не содержали информации, позволяющей определить их оценку собственной значимости в родительской семье (III группа), всё же имело смысл определить показатель их общего уровня СТиСФ и сопоставить его с показателями двух других групп. Ниже, в таблице 5, представлены результаты этого анализа.

Данные таблицы 5 позволяют отметить, что студенты с высоким и очень

Таблица 5 / Table 5

Показатели значимости студентов с высокими уровнями социальной тревоги и студентов без высоких уровней социальной тревоги в родительской семье, степени их близости к родителям и общего уровня социальной тревоги / Indicators of the importance of students with high levels of social anxiety and students without high levels of social anxiety in the parental family, the degree of their proximity to their parents and the general level of social anxiety

Группы студентов		Степень значимости в родительской семье	Степень близости к отцу	Степень близости к матери	Равная степень близости к обоим родителям	Показатель общего уровня социальной тревоги (от 1 до 10 стенов)
I группа 133 чел.	студенты с высоким и очень высоким уровнями социальной тревоги (без «отчуждённых»)	5,3	4,8	6,7	7,0	6,3
	«отчуждённые» студенты с высоким уровнем социальной тревоги (38 чел.)	Не определены				6,1
II группа 51 чел.	студенты с низким уровнем социальной тревоги (без «отчуждённых»)	6,0	4,3	6,9	2,4	3,2
	«отчуждённые» студенты без социальной тревоги (18 чел.)	Не определены				3,4
III группа 56 чел.	«отчуждённые» студенты из I и II групп	Не определены				5,2

Источник: данные автора.

высоким уровнями социальной тревоги менее значимы в родительской семье по сравнению со студентами без нее; они имеют высокую и гораздо большую равную степень близости к обоим родителям (7,0 баллов). Заметим также, что: а) в выборке «отчуждённых» студентов с низким уровнем социальной тревоги показатель (6,1 стена) несколько ниже, чем в I группе студентов, изобразивших себя на социограмме (6,3 стена); б) «отчуждённые» от родительской семьи студенты имеют относительно более высокий показатель социальной тревоги (3,4 стена), чем студенты, изобразившие себя на социограмме (3,2 стена).

3. Результаты сравнительного анализа групповых показателей студентов с разными уровнями социальной тревоги и без неё.

С помощью t-критерия Стьюдента выявлены закономерные высоко достоверные межгрупповые различия в показателях социальной тревоги, а

также в показателях статуса студентов в родительской семье ($t = -2,442$ при $p \leq 0,018$), означающие, что он достоверно более высокий у студентов без выраженной социальной тревоги.

4. Результаты корреляционного анализа данных.

Корреляционный анализ данных совокупной выборки не выявил связей показателей социально-психологического статуса студентов в родительской семье (близости к родителям и значимости в семье) с показателями разных уровней их социальной тревоги. Выборка студентов с очень высоким уровнем социальной тревоги тоже не показала значимых корреляций. А значит, социальные страхи регистрируются и у близких с отцом студентов, и у близких с матерью, и у отчуждённых от родительских семей, т. е. без всякой системы.

Однако значимые корреляции были установлены в группе студентов без признаков выраженной социальной тревоги (см. ниже таблицу 6).

Таблица 6 / Table 6

Результаты корреляционного анализа в выборке студентов без выраженного уровня социальной тревоги (согласования на уровне высокой значимости ($p \leq 0,01$)) / The results of the correlation analysis in a sample of students without a pronounced level of social anxiety (coordination at a high significance level ($p \leq 0.01$))

Характеристики социально-психологического статуса студентов в родительской семье	С чем коррелируют	Коэффициент корреляции r
Близость к обоим родителям в равной степени	Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля	-0,368
	Общий высокий уровень социальной тревоги	-0,391
Значимость в родительской семье	Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля	0,512

Источник: данные автора.

Данные таблицы 6 показывают, что: а) статус студентов в семье прямо тесно согласуется с их тревогой при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля. А значит, в целом среди не тревожных студентов их высокая значимость в кругу семьи сочетается с повышенной тревожностью по поводу страха критики в формальных ситуациях; б) показатель равной близости к обоим родителями обратно пропорционально тесно согласуется с тревогой при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля, а также с общим уровнем социальной тревоги; в) для студентов без признаков социофобии характерно то, что их равная (и невысокая, как показано выше в табл. 5) близость к обоим родителям влияет как на общий уровень социальной тревоги (снижает его), так и на социальный страх при проявлении инициативы в формальных ситуациях.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволили вынести на обсуждение следующие положения:

1. Исследование показало, что проблема социальных страхов у студенческой молодёжи является весьма острой: в совокупной студенческой выборке из 240 чел. на долю студентов с низким общим уровнем социальной тревоги, эпизодическими проявлениями социального страха, а также с его умеренным общим уровнем пришлось 28,7%; студенты с повышенным общим уровнем социальной тревоги составили 27,1%; доля студентов с высоким общим уровнем социальных страхов

и очень высоким уровнем социальной тревоги оказалась равной 44,1%.

Показатель общего уровня социальной тревоги в совокупной выборке, равный 47 баллам, означает, что у многих студентов есть и могут возникать проблемы в социальной адаптации, трудности установления контактов или отдельные социальные страхи в специфических ситуациях; что им свойственно опасаться критики, однако они гораздо чаще предпочитают проявлять социальную активность, чем социальную самоизоляцию. Стремление к полному избеганию ситуаций наблюдения и оценивания выявлено у 21,2% выборки.

2. В рейтинге показателей частных типов социальных страхов в совокупной студенческой выборке доминирует показатель типа «Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях», тяготеющий к высокому уровню. Студенты с этим типом социальных страхов составляют самую большую долю (47,9%) в ней. Это означает, что почти для каждого второго из них характерен мотивационно-эмоциональный конфликт, в основе которого лежит противоречивое сочетание мотива самореализации и достижений в ситуациях оценивания и мотива избегания, обусловленного повышенной тревогой и страхом оценивания; а также стремление к метакогнитивному контролю социальной тревоги. Относительно него низкие показатели зарегистрированы по двум типам социальной тревоги и страхов: «Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля» и «Избегание непосредственного контакта при взаи-

модействии в субъективно экспертных ситуациях» (их уровни умеренные).

3. При сравнении показателей группы студентов с высокими уровнями социальной тревоги и показателей группы студентов без неё по критериям близости к родителям установлено, что среди студентов с проявлением социальной тревоги несколько меньше процентная доля близких к отцу и больше доля близких к матери, а также в равной степени близких к обоим родителям. В группе студентов с высоким уровнем социальной тревоги также меньше доля тех, кто не изобразил себя на семейной социограмме (22,2% и 26,1% соответственно). Возможно, что отчуждение от родительской семьи из-за семейных конфликтов как-то способствует сепарации социально тревожных студентов от родителей, преодолению ими социальных страхов и обретению автономии, тогда как семейный симбиоз усиливает их социальную тревогу и затягивает данный процесс. На эту мысль наводит большая разница в показателях равной степени близости к обоим родителям в данной группе студентов (7,0 баллов – высокий уровень) и группы студентов без нее (2,4 балла – низкий уровень).

Тем не менее рейтинг показателей частных типов социальной тревоги и страхов в совокупной выборке и выборке «отчуждённых» студентов оказался сходным. И это, вероятно, означает, что для обследованных студентов в целом такая структура является характерной: под воздействием социального оценивания прежде всего усиливаются постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях, а повышение показателя избегания непосредствен-

ного контакта с людьми при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях сигнализирует о начале процесса формирования очень высокого уровня социальной тревоги, что может иметь негативные последствия для студентов.

4. Сравнительный анализ данных групп студентов с разными уровнями социальной тревоги и группы студентов без неё, помимо закономерных высоко достоверных межгрупповых различий в показателях тревоги, показал различия в социально-психологическом статусе испытуемых в родительской семье ($t = -2,442$ при $p \leq 0,018$). Они свидетельствуют о том, что студенты с высокими уровнями социальной тревоги имеют достоверно более низкий социально-психологический статус в родительской семье. Однако межгрупповые различия не установлены по близости испытуемых к отцу или к матери (в обеих сравниваемых группах много студентов как близких с каждым родителем, так и отчуждённых от них).

5. Результаты корреляционного анализа показателей близости студентов к родителям и значимости в родительской семье с показателями их уровней социальной тревоги свидетельствуют об отсутствии тесных связей между ними как в совокупной студенческой выборке, так и в отдельных выборках студентов. При этом значимые корреляции обнаружены в группе студентов без признаков социальной тревоги: их одинаковая и при этом невысокая близость к обоим родителям (2,4 балла из 10 максимально возможных) влияет как на общий уровень социальной тревоги, так и на уровень тревоги при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики

в свой адрес и потери субъективного контроля (снижает их), а их достоверно более высокая значимость в родительской семье по сравнению с группой студентов с высокими уровнями социальной тревоги усиливает это позитивное влияние.

Заключение

На основе полученных результатов возможно заключить, что особенно сильно социально-психологического статуса студентов с разными уровнями социальной тревоги в родительской семье является то, что он низкий по критерию значимости, но высокий по критерию равной близости к обоим родителям (7 баллов против 2,4 балла в группе студентов без социальной тревоги) и не имеет тесных связей ни с общим уровнем социальной тревоги, ни с ее частными типами. По всей видимости, родительские семьи студентов с проявлением высоких уровней социальной тревоги скорее усугубляют «страх чужого взгляда», чем ослабляют его, тогда как родительские семьи студентов с невысокой социальной тревогой стимулируют их социальную смелость.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования гипотеза о том, что для студентов с повышенным уровнем социальной тревоги характерны значимо более низкие оценки своего социально-психологического статуса в родительской семье, чем для студентов с умеренным уровнем социальной тревоги, или не имеющих её, нашла своё подтверждение по критерию «значимость в родительской семье». Что касается критерия близости к родителям, то по нему более благополучными оказались студенты с одинаково низкой

степенью близости к отцу и матери (симбиотические тенденции в детско-родительских отношениях сдерживают процесс сепарации выросшего ребенка от родителей и усиливают его социальную тревогу).

Есть данные, что на четвёртом десятке жизни уровень социальной тревоги может постепенно снижаться, чему, безусловно, способствует накопленный жизненный опыт. К 35 годам индивид уже имеет определённые социальные статусы за пределами родительской семьи, в состоянии применять более эффективные стратегии совладания со стрессом оценивания, может преодолевать тревогу и нерешительность при самопрезентации в различных социальных группах и ситуациях.

Полученные нами данные позволяют выделить несколько стратегий, которые можно порекомендовать в социально-психологической работе со студентами, нацеленной на профилактику снижения социальной тревоги. К ним можно отнести: а) групповое психологическое просвещение в онлайн и офлайн форматах; б) осознанное и целенаправленное использование методов активного социально-психологического обучения в образовательном процессе вуза; в) организация микрогрупп психологической поддержки высоко тревожных однокурсников; г) целенаправленное сплочение студенческих групп и др.

Результаты данного исследования могут быть полезны преподавателям вузов и кураторам студенческих групп, семейным психологам-консультантам, а также родителям, искренне заинтересованным в благополучии своих детей.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев С. О., Махортова И. С., Ширяев О. Ю. Анализ частоты встречаемости и факторов риска формирования социальной тревоги и расстройств пищевого поведения среди студентов медицинских вузов // Системный анализ и управление в биомедицинских системах. 2021. Т. 20. № 1. С. 174–181. DOI: 10.36622/VSTU.2021.20.1.024.
2. Богомазова К. О., Байгужина О. В. Социальная тревога и психологическая атмосфера в группе как корреляты жизнеспособности студентов различных профилей подготовки // Психология. Психофизиология. 2022. Т. 15. № 1. С. 5–15. DOI: 10.14529/jpps220101.
3. Егоров Р. Н., Шаповаленко И. В. Родители и взрослые дети: особенности взаимоотношений (по материалам зарубежных источников) // Современная зарубежная психология. 2017. № 6 (2). С. 54–62.
4. Константинов В. В., Осин Р. В. Иностранцы студенты российских вузов в условиях пандемии COVID-19: социальная тревога и психоэмоциональное состояние // Мониторинг. 2022. № 6 (172). С. 265–280.
5. Корытко И. Д. Психологические факторы социальной тревожности студентов // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2021. № 1. С. 13–18.
6. Красило Д. А., Красило Т. А., Залипаева А. Н. Автономия и привязанность в отношениях с родителями в контексте реального самоопределения у студентов // Социальная психология и общество. 2021. № 12 (1). С. 113–125.
7. Краснова В. В., Холмогорова А. Б. Социальная тревожность и студенческая дезадаптация // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С. 140–150.
8. Кузнецова Е. Н., Швецова О. В. Психологические особенности проявления социальной тревожности и социофобии у студентов педагогического вуза как критерий безопасности образовательной среды // Прикладная психология и психоанализ. 2021. № 1 (9). С. 278–282.
9. Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 116–136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9.
10. Психология человека от рождения до смерти / под ред. А. А. Реана. М.: АСТ: Прайм, 2015. 656 с.
11. Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Опросник социальной тревоги и социофобии // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2012. № 4 (15). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 30.09.2023).
12. Удалов А. Н. Факторы личностной тревожности студентов высших учебных заведений // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 3А-4А. С. 15–21. DOI: 10.34670/AR.2023.98.90.002.
13. Цветкова Н. А., Кисляков П. А., Володарская Е. А. Надёжная привязанность как фактор нервно-психической адаптации и субъективной психологической безопасности студентов в условиях пандемии COVID-19 // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 1. С. 351–379. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-1-351-379.
14. Цветкова Н. А., Лагвилава К. Е., Петрова Е. А. Социально важные личностные качества студентов с различными сиблинговыми позициями // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 1. С. 189–204. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-8-203-211.
15. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2015. 672 с.
16. Cremers H. R., Roelofs K. Social anxiety disorder: a critical overview of neurocognitive research // Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science. 2016. № 7 (4). P. 218–232.

17. Luan Y. S., Zhan-ling G., Mi L. The Experience Among College Students with Social Anxiety Disorder in Social Situations: A Qualitative Study // *Neuropsychiatric Disease and Treatment*. 2022. № 18. P. 1729–1737.
18. Purdon C., Antony M., Monteiro S. Social anxiety in college students // *Journal of Anxiety Disorders*. 2001. № 15. Iss. 3. P. 203–215.
19. Russell G., Topham P. The impact of social anxiety on student learning and well-being in higher education // *Journal of Mental Health*. 2012. № 21 (4). P. 375–385. DOI: 10.3109/09638237.2012.694505.
20. Yu Y., Liu S., Song M. Effect of Parent-Child Attachment on College Students' Social Anxiety: A Moderated Mediation Model // *Psychological Reports*. 2020. № 123 (6). P. 2196–2214.

REFERENCES

1. Afanasev S. O., Mahortova I. S., Shiryaev O. Yu. [Analysis of the frequency of occurrence and risk factors that form social tension and eating disorders among medical students]. In: *Sistemnyj analiz i upravlenie v biomedicinskih sistemah* [System analysis and management in biomedical research], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 174–181. DOI: 10.36622/VSTU.2021.20.1.024.
2. Bogomazova K. O., Bajguzhina O. V. [Social anxiety and psychological atmosphere in the group as a correlation of isolation of students of different training profiles]. In: *Psihologiya. Psihofiziologiya* [Psychology. Psychophysiology], 2022, vol. 15, no. 1, pp. 5–15. DOI: 10.14529/jpps220101.
3. Egorov R. N., Shapovalenko I. V. [Parents and adult children: features of complexity (based on materials from foreign sources)]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2017, no. 6 (2), pp. 54–62.
4. Konstantinov V. V., Osin R. V. [Foreign students of Russian universities in the context of the COVID-19 pandemic: social anxiety and psycho-emotional state]. In: *Monitoring*, 2022, no. 6 (172), pp. 265–280.
5. Korytko I. D. [Psychological factors of social anxiety among students]. In: *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific works of Moscow University for the Humanities], 2021, no. 1, pp. 13–18.
6. Krasilo D. A., Krasilo T. A., Zalipaeva A. N. [Autonomy and courtesy in relations with parents lead tens of times to self-determination among students]. In: *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2021, no. 12 (1), pp. 113–125.
7. Krasnova V. V., Holmogorova A. B. [Social anxiety and student maladjustment]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2011, no. 1, pp. 140–150.
8. Kuznecova E. N., Shvecova O. V. [Psychological features of the manifestation of social anxiety and social phobia among students of a pedagogical university as criteria for the safety of the educational environment]. In: *Prikladnaya psihologiya i psihoanaliz* [Applied psychology and psychoanalysis], 2021, no. 1 (9), pp. 278–282.
9. Pevnaya M. V., Shuklina E. A., Kienko T. S. [Fears of Russian students in social situations of uncertainty (spring 2022)]. In: *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie* [Scientific result. Sociology and management], 2022, vol. 8, no. 3, pp. 116–136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9.
10. Rean A. A., ed. *Psihologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti* [Human psychology from birth to death]. Moscow, AST Publ., Prajm Publ., 2015. 656 p.
11. Sagalakova O. A., Truevcev D. V. [Questionnaire of social level and social phobia]. In: *Medicinskaya psihologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2012, no. 4 (15). Available at: <http://medpsy.ru> (accessed: 30.09.2023).
12. Udalov A. N. [Factors of personal anxiety in students of higher educational institutions]. In: *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-

- critical reviews and modern research], 2023, vol. 12, no. 3A-4A, pp. 15–21. DOI: 10.34670/AR.2023.98.90.002.
13. Cvetkova N. A., Kislyakov P. A., Volodarskaya E. A. [Reliable caution as a factor of neuropsychic adaptation and subjective psychological safety of students in the context of the COVID-19 pandemic]. In: *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2022, vol. 14, no. 1, pp. 351–379. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-1-351-379.
 14. Tsvetkova N. A., Lagvilava K. E., Petrova E. A. [Socially important personal qualities of students with different sibling positions]. In: *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian psychological journal], 2022, vol. 19, no. 1, pp. 189–204. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-8-203-211.
 15. Ejdemiller E. G., Yustickis V. V. *Psihologiya i psihoterapiya sem'i* [Psychology and psychotherapy of the family]. St. Petersburg, Piter Publ., 2015. 672 p.
 16. Cremers H. R., Roelofs K. Social anxiety disorder: a critical overview of neurocognitive research. In: *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, 2016, no. 7 (4), pp. 218–232.
 17. Luan Y. S., Zhan-ling G., Mi L. The Experience Among College Students with Social Anxiety Disorder in Social Situations: A Qualitative Study. In: *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, 2022, no. 18, pp. 1729–1737.
 18. Purdon C., Antony M., Monteiro S. Social anxiety in college students. In: *Journal of Anxiety Disorders*, 2001, no. 15, iss. 3, pp. 203–215.
 19. Russell G., Topham P. The impact of social anxiety on student learning and well-being in higher education. In: *Journal of Mental Health*, 2012, no. 21 (4), pp. 375–385. DOI: 10.3109/09638237.2012.694505.
 20. Yu Y., Liu S., Song M. Effect of Parent-Child Attachment on College Students' Social Anxiety: A Moderated Mediation Model. In: *Psychological Reports*, 2020, no. 123 (6), pp. 2196–2214.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цветкова Надежда Александровна – доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, профессор кафедры социальной и педагогической психологии факультета психологии Государственного университета просвещения; e-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0967-205X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda A. Tsvetkova – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Chief Researcher of the FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Professor of the Department of Social and Pedagogical Psychology, Faculty of Psychology; State University of Education; e-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0967-205X

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Цветкова Н. А. Особенности социально-психологического статуса студентов с социальной тревогой в родительской семье // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 105–120.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-105-120

FOR CITATION

Tsvetkova N. A. Features of the socio-psychological status of students with social anxiety in the parental family. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 105–120.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-105-120

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-121-130

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С УЧЁТОМ УРОВНЯ ИХ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Басина Т. А.

*Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний России
60000, г. Вологда, ул. Щетинина, 2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Описать особенности совладания со стрессом у сотрудников уголовно-исполнительной системы, имеющих разный уровень жизнестойкости.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 60 сотрудников ФКУ ИК – 20 ГУФСИН России по Нижегородской области. Использовались следующие методы: психодиагностические методы (опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса в адаптации Т. Л. Крюковой и тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева), методы статистической обработки данных (U-критерий Манна-Уитни).

Результаты. Доказано, что сотрудники УИС с высокой жизнестойкостью чаще используют самоконтроль, принятие ответственности и реже – поиск социальной поддержки при столкновении со стрессом, чем сотрудники с низким уровнем жизнестойкости.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть использованы практическими психологами в ходе сопровождения процесса адаптации и трудовой деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: совладание со стрессом, жизнестойкость, сотрудники, уголовно-исполнительная система

PECULIARITIES OF COPING WITH STRESS OF EMPLOYEES OF THE PENAL AND CORRECTIONAL SYSTEM TAKING INTO ACCOUNT THEIR LEVEL OF RESILIENCE

T. Basina

*Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia
ul. Shchetinina, 2, Vologda 160000, Vologda region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe the features of coping with stress among employees of the penal enforcement system who have different levels of resilience.

Methodology. The study involved 60 employees of the Federal State Institution "Correctional Colony No. 20" of the Main Directorate of the Federal Service for the Execution of Punishments in the Nizhny Novgorod Region. The following methods were used: psychodiagnostic methods (the questionnaire "Methods of coping behavior" by R. Lazarus in the adaptation of T. L. Kryukova and the test of resilience by S. Muddy in the adaptation of D. A. Leontiev), methods of statistical data processing (Mann-Whitney U-test).

Results. It is proved that penitentiary system employees with high resilience are more likely to use self-control, acceptance of responsibility and less likely to seek social support when faced with stress than employees with low resilience.

Research implications. The obtained research results can be used by practical psychologists in the course of supporting the process of adaptation and work activities of employees of the penal correction system.

Keywords: stress management, resilience, employees, the penal system

Введение

Проблема совладания со стрессом остаётся актуальной, несмотря на то, что она была обозначена ещё в 50 гг. XX в. Каждый человек так или иначе приспосабливается к новым условиям, испытывает дискомфорт и напряжение в трудных ситуациях. К числу стрессовых факторов многие авторы относят рост социальной напряжённости в мире, экономические трудности, ускорение темпа жизни, перегрузки вследствие доступа к большому количеству информации в сети Интернет и др. Способность сопротивляться трудностям определяет благополучие человека [3; 4; 6; 11].

Все люди подвержены информационному и эмоциональному стрессу, но сопротивляемость стрессу и совла-

дание с ним особенно важны при выполнении трудовой деятельности. Есть ряд профессий, которые предъявляют повышенные требования к стрессоустойчивости человека. К числу таких профессий относится деятельность сотрудников УИС. Постоянное общение со спецконтингентом, большая часть которого имеет те или иные нарушения в умственном, нравственном или эмоциональном развитии, деформацию ценностно-смысловой сферы и психические отклонения, предполагает, что сотрудник умеет справляться с такой нагрузкой. В связи с этим предъявляются особые требования к личности сотрудника. К числу профессионально-важных качеств сотрудников УИС многие учёные относят: честность, добросовестность, порядочность, стрес-

соустойчивость, самоконтроль и др. [6; 11; 12; 14; 15].

Жизнестойкость, которая предполагает способность противостоять трудностям, можно также отнести к числу профессионально-важных качеств сотрудников. Она выступает ресурсом, помогающим успешнее справиться со стрессом. В зависимости от особенностей жизнестойкости человек может выбирать различные способы совладания со стрессом. Учёт фактора жизнестойкости при описании способов совладающего поведения описан в литературе недостаточно. Можно предположить, что при повышении уровня жизнестойкости будет наблюдаться использование более конструктивных способов совладания со стрессом, обеспечивающих лучшее снятие эмоционального напряжения.

Теоретический обзор литературы по проблеме исследования

Наиболее характерным психическим состоянием, развивающимся под влиянием экстремальных условий в исправительных учреждениях, является стресс. Понятие стресса было впервые введено в использование У. Кенноном, но целостную теорию стресса разработал Ганс Селье. Он дал определение стресса как «неспецифического ответа организма на любое предъявленное ему требование» [16, с. 89]. В настоящее время под стрессом понимается «общая реакция организма на воздействие (физическое или психологическое), нарушающее его гомеостаз, а так же соответствующее состояние нервной системы организма (или организма в целом)» [3]. Чаще всего стресс делится на информационный и эмоциональный.

Стресс, вызываемый отрицательными или экстремальными факторами профессиональной деятельности, называют профессиональным стрессом [4]. Именно данный вид стресса наиболее характерен для деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Он оказывает негативное воздействие на работоспособность сотрудника, производительность и качество его труда. Стресс может проявляться в перенапряжении и истощении, снижении активности, гнев и раздражительности, негативных установках в работе [9].

Способы совладания со стрессом начали изучаться в 40–50-е гг. XX в. Термин «совладание» был описан Л. И. Анцыферовой. Она отмечает, что в психологии для обозначения области исследований, связанной с изучением поведения человека при стрессе, используются термины «совладание» и «совладающее поведение» [2]. В зарубежной психологии для обозначения способов совладания со стрессом чаще используется понятие «копинг-стратегия». Оно было введено Л. Мерфи для описания способов, которыми пользуются дети для преодоления возрастных кризисов [18]. В дальнейшем данное понятие изучалось Р. Лазарусом, С. Фолькманом [13; 19]. Они классифицировали копинг-стратегии на две группы: проблемно-ориентированные и эмоционально-ориентированные.

На сегодняшний день под термином «копинг» принято понимать «всю совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих стратегий, которые человек использует для того, чтобы справиться с трудностями, которые возникают в повседневной жизни» [5].

Для успешного совладания со стрессом человек должен обладать ресурсами: внутренними и внешними. В качестве внешних условий, обеспечивающих лучшее совладание со стрессом, можно назвать материальные средства, организационные ресурсы, обладание властью, большое количество связей и др. К внутренним условиям, помогающим бороться со стрессом, будут относиться личностные качества и психофизиологические особенности человека. Одним из важных личностных качеств в этой связи является жизнестойкость [1].

Жизнестойкость относится к числу психологических феноменов, который начал изучаться с начала 80-х гг. XX в. в зарубежной психологии. Он был предложен американскими психологами С. Кобейса и С. Мадди. В английском языке жизнестойкость обозначается термином *hardiness* и переводится как «крепость, выносливость». С. Кобейса одной из первых указала на жизнестойкость личности как важный фактор сопротивления трудностям [8; 10; 17]. Люди с высокой жизнестойкостью отличаются психологическим и соматическим благополучием, адекватной самооценкой, развитым самоконтролем и саморегуляцией [7; 8]. Жизнестойкость как личностная черта, по данным С. Мадди, формируется в юношеском

возрасте. Можно предположить, что способы совладания со стрессом у взрослых людей будут различаться при учёте уровня их жизнестойкости.

Профессиональная деятельность накладывает свой отпечаток на поведение человека в стрессовых ситуациях. Сотрудники исправительного учреждения взаимодействуют с разными категориями сотрудников и осуждённых, что позволяет предположить, что различия в способах совладания со стрессом у них будут наблюдаться. Интересно изучить их, учитывая их уровень жизнестойкости.

Процедура и методы исследования

Исследование особенностей совладания со стрессом сотрудников проводилось на базе ФКУ ИК – 20 ГУФСИН России по Нижегородской области в 2023 г. В исследовании приняли участие 60 сотрудников исправительного учреждения. В выборку вошли мужчины в возрасте от 25 до 40 лет.

Для изучения ресурсов совладающего поведения у испытуемых использовалась методика С. Мадди. Средние значения выраженности жизнестойкости у сотрудников представлены в табл. 1.

Анализируя средние значения компонентов жизнестойкости сотрудни-

Таблица 1 / Table 1

Показатели жизнестойкости у сотрудников / Indicators of resilience among employees

Название шкалы	Средние значения	Стандартное отклонение
Принятие риска	18,2	5,57
Вовлеченность	22	6,53
Контроль	31,9	5,7
Жизнестойкость	72,1	14,3

Источник: данные автора.

ков, следует отметить, что значение шкалы «вовлечённость» является низким показателем. У испытуемых нет включённости в свою деятельность, проявляется присущее им чувство бессмысленности своей деятельности. Значение по шкале «контроль» относится к среднему уровню. Сотрудники стараются контролировать ситуацию и полагаются на себя. Значения по шкале «принятие риска» у сотрудников отдела безопасности относятся к высокому показателю. Это означает, что сотрудники могут действовать на свой страх и риск. В целом уровень жизнестойкости сотрудников является средним, т. е. сотрудники стараются преодолевать неблагоприятные средовые условия, пытаются справиться с тяжёлыми служебными обязанностями.

Анализируя распределение сотрудников по уровню жизнестойкости, стоит отметить, что среди опрошенных преобладает средний уровень

жизнестойкости. Он характерен для 53,3%. Это люди, которые всегда находят пути решения проблемных вопросов и стремятся спокойно преодолеть сложности своей деятельности. Низкий уровень сформированности жизнестойкости наблюдается у 33,4% опрошенных сотрудников. Такие сотрудники чаще всего подвержены стрессу. Высоким уровнем жизнестойкости, сочетающимся с умением справляться со стрессом, обладают лишь 13% опрошенных сотрудников учреждения.

Далее рассмотрим результаты диагностики способов совладающего поведения, используемых сотрудниками, полученные с помощью опросника Р. Лазаруса (в адаптации Т. Л. Крюковой). Средние значения показателей стратегий совладающего поведения у сотрудников с разным уровнем жизнестойкости представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Средние значения выраженности копингов у сотрудников / Average values of coping severity among employees

Название копинга	Высокий уровень жизнестойкости (ЭГ1)	Средний уровень жизнестойкости (ЭГ2)	Низкий уровень жизнестойкости (ЭГ3)	Уэмп. $p < 0,05$
Конфронтация	10	10,5	10,6	–
Дистанцирование	10	7,1	11,4	Уэмп.=44 (ЭГ2-ЭГ3)
Самоконтроль	8,2	4,5	6	Уэмп.=32 (ЭГ1-ЭГ2)
Поиск социальной поддержки	9,3	10,3	12,6	Уэмп.=13,5 (ЭГ1-ЭГ3)
Принятие ответственности	12,8	13,9	8,6	Уэмп.=20,5 (ЭГ2-ЭГ3) Уэмп.=13,5 (ЭГ1-ЭГ3)
Бегство-избегание	10,5	8	9,8	–
Планирование решение проблемы	9	10,7	10,5	–
Положительная переоценка	12,5	11,7	10,1	–

Источник: данные автора

Анализ средних значений, представленных в табл. 2, показывает, что сотрудники с высокой жизнестойкостью отличаются склонностью к высокому уровню принятия ответственности и положительной переоценке ситуации, т. е. данной группе сотрудников свойственно признание своей вины в возникновении проблемы и принятие ответственности за её решение, что может приводить к неоправданной самокритике, однако данная стратегия сочетается у них с положительной переоценкой ситуации и рассмотрением её в качестве стимула для личностного роста, что благоприятно сказывается на их психологическом самочувствии.

Сотрудникам со средней жизнестойкостью свойственны высокий уровень принятия ответственности, близкий к высокому уровень положительной переоценки и низкое значение самоконтроля. Полученные показатели характеризуют данную группу опрошенных как лиц, склонных к переживанию чувства вины и неудовлетворённости собой, самокритичных, с низким самоконтролем, но способных к положительному переосмыслению ситуации.

Сотрудникам с низкой жизнестойкостью характерна близкая к высокому уровню склонность к поиску социальной поддержки, дистанцированию и низкий уровень самоконтроля. Таких сотрудников можно охарактеризовать как ориентированных на взаимодействие с другими людьми, на привлечение внешних ресурсов для решения проблемы, довольно несдержанных в эмоциях. Однако стратегия дистанцирования, также характерная для данной группы, будет проявляться в противоположных тенденциях, таких как обесценивание ситуации, снижение

эмоциональной вовлечённости в неё через рационализацию, юмор и отвлечение на другие занятия. Можно предположить, что данные стратегии выбираются в зависимости от ситуации.

Таким образом, наиболее высоко у опрошенных сотрудников представлены поиск социальной поддержки, положительная переоценка ситуации или принятие ответственности.

Для установления различий в особенностях копинг-стратегий сотрудников с разным уровнем жизнестойкости был осуществлен расчет критерия Манна-Уитни. Эмпирические значения U-критерия, попавшие в зону значимости, представлены в табл. 2. По остальным стратегиям значимых различий не выявлено.

При сравнении стратегий совладающего поведения сотрудников с разным уровнем жизнестойкости выявлено, что для сотрудников с более высоким уровнем жизнестойкости характерен и более высокий уровень самоконтроля и принятия ответственности, а также низкий уровень социальной поддержки и дистанцирования. Это говорит о том, что сотрудникам с высокой жизнестойкостью более свойственно принятие ответственности, они чаще стараются сохранить самообладание, чем сотрудники с более низкой жизнестойкостью. Сотрудники со средним уровнем жизнестойкости чаще стараются принимать ответственность и надеяться в трудных ситуациях только на себя и свои силы. Тогда как сотрудники с низким уровнем жизнестойкости чаще дистанцируются от решения проблем или ищут социальную поддержку, т. е. обращаются к друзьям, родственникам или коллегам за эмоциональной, информационной или действенной помощью.

В использовании конфронтации, бегства-избегания, планирования решения проблемы и положительной переоценки ситуации значимых различий у сотрудников с разным уровнем жизнестойкости выявлено не было.

Таким образом, установлено, что сотрудникам с высокой жизнестойкостью более свойственно принятие ответственности на себя в стрессовых ситуациях, сотрудникам со средней жизнестойкостью – также принятие ответственности и самоконтроль, а сотрудники с низкой жизнестойкостью склонны использовать дистанцирование или поиск социальной поддержки в качестве основных стратегий при стрессе.

Выводы

Обобщая результаты сравнения копинг-стратегий у сотрудников исполнительного учреждения с разным уровнем жизнестойкости, стоит отметить, что в целом сотрудникам с высоким уровнем жизнестойкости более свойственно использование самоконтроля, принятия ответственности или положительной переоценки ситуации. Данные стратегии можно считать конструктивными при решении профессиональных задач.

Сотрудникам с низким уровнем жизнестойкости более свойственно использование дистанцирования и обращение за социальной поддержкой, что не способствует успешному решению профессиональных задач, следовательно, это не может считаться конструктивной стратегией. Однако по частоте использования остальных стратегий значимых различий выявлено не было.

Заключение

Таким образом, в результате исследования особенностей совладания со стрессом у сотрудников с разным уровнем жизнестойкости были выявлены характеристики сформированности компонентов жизнестойкости и различия в частоте использования «принятия ответственности», «самоконтроля», «планирования решения проблем» и «поиска социальной поддержки».

Обращает на себя внимание тот факт, что треть опрошенных сотрудников имеет низкий уровень жизнестойкости, что снижает сопротивляемость стрессам и уровень их психологического благополучия. При этом большая часть сотрудников отличается низкой вовлечённостью в деятельность учреждения, испытывает чувство бессмысленности своей деятельности.

Были установлены более высокие значения самоконтроля, а также склонность к положительной переоценке ситуации, повышению доли ответственности и снижению значимости социальной поддержки с повышением жизнестойкости у сотрудников учреждения. Общей тенденцией можно считать увеличение самоконтроля и повышение доли собственной ответственности в сложившейся ситуации с увеличением уровня жизнестойкости у сотрудников.

Таким образом, необходимо в дальнейшем изучать сотрудников с высокой жизнестойкостью и их более конструктивными способами преодоления стресса для трансляции их опыта деятельности в уголовно-исполнительной системе. Полученные результаты исследования следует учи-

тывать в психологическом сопровождении и осуществлять его отдельно для сотрудников с разным уровнем жизнестойкости. Сотрудникам с низким уровнем жизнестойкости требуется большее внимание со стороны психологов учреждения в плане повышения уровня их жизнестойкости и формирования более конструктивных способов поведения в стрессовых си-

туациях, развития навыков самоконтроля и самостоятельности в решении проблем. Сотрудников с высоким и средним уровнями жизнестойкости наоборот следует обучать делегированию ответственности для предотвращения риска развития депрессивных состояний.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Анциферов Е. Е. Личностные факторы, влияющие на эффективность совладания со стрессом // Вестник науки. 2023. № 9 (66). С. 202–228.
2. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
3. Абдусаматова Ш. С. Эмоциональный дистресс, угроза собственному «Я» как обязательный компонент жизни человека [Электронный ресурс] // Central Asian Research Journal. 2021. №4. URL: www.carjis.org (дата обращения: 18.01.2024).
4. Албакова З. А. Психологические причины возникновения профессионального стресса // Гуманизация образования. 2018. № 5. С. 119–124.
5. Аскарова Г. Основные подходы к изучению копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях // Психологические науки. 2021. № 5. С. 308–316.
6. Горностаев С. В., Ушатиков А. И., Кириллова Т. В. Психологические проблемы профессиональной пригодности и служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы: монография. М.: Проспект, 2022. 152 с. ISBN 978-5-392-36394-0.
7. Зеер Э. Ф. Социально-психологические аспекты развития жизнеспособности и формирования жизнестойкости человека // Педагогическое образование в России: [сайт]. 2015. № 8. URL: <https://pedobrazovanie.ru> (дата обращения: 18.01.2024).
8. Корнилова Т. В. Современные зарубежные исследования феномена жизнестойкости (HARDINESS) // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 4. С. 223–230.
9. Кубенова Г. С. Синдром эмоционального выгорания: профессиональный стресс // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 15. С. 88–92.
10. Овчарова Р. В. Методология исследования жизнестойкости личности // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 2 (53). С. 59–66.
11. Полякова Е. А. Профессионально важные качества сотрудников специального отдела следственного изолятора [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 6. URL: <https://mir-nauki.com> (дата обращения: 18.01.2024).
12. Профессионально важные качества личности сотрудника уголовно-исполнительной системы: монография / М. С. Коданева, О. Н. Ракитская, Е. С. Лобанова, А. В. Сперанская, С. А. Прокопьева. Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2012. 109 с.
13. Рыбников В. Ю. Психология копинг-поведения специалистов опасных профессий: монография. СПб.: Политехника сервис, 2011. 120 с.

14. Сперанская А. В. Модель деятельности специалиста на примере должности начальника отряда исправительного учреждения // *Пенитенциарная наука*. 2016. № 3 (35). С. 71–76.
15. Федюкина А. В. Профессионально-важные качества сотрудников исправительных учреждений: диагностика и развитие // *NovaInfo*. 2023. № 137. С. 138–140.
16. Филиппова А. А. Понятие стресса и стрессоустойчивости личности // *Молодой учёный*. 2020. № 43 (333). С. 88–92.
17. Чухрова М. Г., Митрофанова О. Е., Филь Т. А. Анализ жизнестойкости в контексте агрессивности личности // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 5 (72). С. 359–363.
18. Folkman S. Appraisal, coping, health status, and psychological symptoms // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. № 50. P. 571–579.
19. Murphy L. Coping vulnerability and resilience in childhood – coping and adaptation. New York: Cambridge Press, 1974. 343 p.

REFERENCES

1. Anciferov E. E. [Personal factors influencing the effectiveness of coping with stress]. In: *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 2023, no. 9 (66), pp. 202–228.
2. Ancyferova L. I. [Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological protection]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 1994, vol. 15, no. 1, pp. 3–18.
3. Abdusamatova Sh. S. [Emotional distress, threat to one's own "I" as an obligatory component of human life]. In: *Central Asian Research Journal*, 2021, no. 4. Available at: www.carjis.org (accessed: 18.01.2024).
4. Albakova Z. A. [Psychological causes of professional stress]. In: *Gumanizaciya obrazovaniya* [Humanization of education], 2018, no. 5, pp. 119–124.
5. Askarova G. [Basic approaches to the study of coping strategies in difficult life situations]. In: *Psihologicheskie nauki* [Psychological Sciences], 2021, no. 5, pp. 308–316.
6. Gornostaev S. V., Ushatkov A. I., Kirillova T. V. *Psihologicheskie problemy professional'noj prigodnosti i sluzhebnoj loyal'nosti sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy* [Psychological problems of professional suitability and service loyalty of employees of the penal system]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 152 p. ISBN 978-5-392-36394-0.
7. Zeer E. F. [Social and psychological aspects of the development of vitality and the formation of human vitality]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2015, no. 8. Available at: <https://pedobrazovanie.ru> (accessed: 18.01.2024).
8. Kornilova T. V. [Modern foreign studies of the phenomenon of hardiness (HARDINESS)]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika* [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2020, no. 4, pp. 223–230.
9. Kubenova G. S. [Emotional burnout syndrome: professional stress]. In: *Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* [Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application], 2010, no. 15, pp. 88–92.
10. Ovcharova R. V. [Methodology for studying personality resilience]. In: *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University], 2019, no. 2 (53), pp. 59–66.
11. Polyakova E. A. [Professionally important qualities of employees of the special department of the pre-trial detention center]. In: *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 2019, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com> (accessed: 18.01.2024).

12. Kodaneva M. S., Rakitskaya O. N., Lobanova E. S., Speranskaya A. V., Prokopeva S. A. *Professional'no vazhnye kachestva lichnosti sotrudnika ugolovno-ispolnitel'noj sistemy* [Professionally important personality traits of an employee of the penal system]. Vologda, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2012. 109 p.
13. Rybnikov V. Yu. *Psihologiya koping-povedeniya specialistov opasnykh professij* [Psychology of coping behavior of specialists in dangerous professions]. St. Petersburg, Politekhnik servis Publ., 2011. 120 p.
14. Speranskaya A. V. [Model of the activity of a specialist using the example of the position of head of a detachment of a correctional institution]. In: *Penitenciarnaya nauka* [Penitentiary science], 2016, no. 3 (35), pp. 71–76.
15. Fedukina A. V. [Professionally important qualities of employees of correctional institutions: diagnostics and development]. In: *NovaInfo*, 2023, no. 137, pp. 138–140.
16. Filippova A. A. [The concept of stress and stress resistance of the individual]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young scientist], 2020, no. 43 (333), pp. 88–92.
17. Chuhrova M. G., Mitrofanova O. E., Fil' T. A. [Analysis of resilience in the context of personality aggressiveness]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2018, no. 5 (72), pp. 359–363.
18. Folkman S. Appraisal, coping, health status, and psychological symptoms. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, no. 50, pp. 571–579.
19. Murphy L. Coping vulnerability and residence in childhood – coping and adaptation. New York, Cambridge Press, 1974. 343 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Басина Татьяна Анатольевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии ВИПЭ ФСИН России;
e-mail: tat-basina25@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Basina – Cand. Sci. (Psychology), Senior Lecturer at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Higher School of Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia;
e-mail: tat-basina25@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Басина Т. А. Особенности совладания со стрессом сотрудников уголовно-исполнительной системы с учётом уровня их жизнестойкости // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 121–130.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-121-130

FOR CITATION

Basina T. A. Peculiarities of coping with stress of employees of the penal and correctional system taking into account their level of resilience. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 121–130.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-121-130

УДК (159.99)

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-131-144

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПСИХОЛОГА КАК СУБЪЕКТА ТРУДА НА ЭТАПЕ ДОПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Егоренко Т. А.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Описать особенности временной перспективы психолога как субъекта труда на стадии профессиональной подготовки этапа допрофессионального развития.

Процедура и методы. Анализируются результаты методики «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (адаптация А. Сырцовой, О. В. Митиной), проведённой на 817 студентах-психологах 1–4 курсов, обучающихся в ведущих вузах Москвы и центральной России. Интерпретация результатов исследования подтверждена методами математико-статистической обработки данных.

Результаты. Выявлены содержательные особенности временной перспективы на разных фазах профессиональной подготовки. С возрастанием степени профессиональной подготовки студентов наблюдается превалирование временной ориентации позитивного настоящего и перспективного будущего.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение проблемы построения временных перспектив профессионального становления психолога как субъекта труда.

Ключевые слова: профессиональное становление, временная перспектива, допрофессиональное развитие, профессиональная подготовка психолога, профессиональное развитие

TIME PERSPECTIVE OF A PSYCHOLOGIST AS A SUBJECT OF LABOR AT THE STAGE OF PRE-PROFESSIONAL DEVELOPMENT

T. Egorenko

*Moscow State University of Psychology & Education
ul. Sretenska 29, 127051, Moscow, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe the peculiarities of the time perspective of a psychologist as a labor subject at the stage of professional training of the pre-professional development stage.

Methodology. We analyze the results of the methodology "Time Perspective Questionnaire" by F. Zimbardo (adapted by A. Syrtsova, O. V. Mitina) conducted on 817 students – psychologists of 1–4 courses, studying in the leading universities of Moscow and central Russia. Interpretation of the research results was confirmed by methods of mathematical and statistical data processing.

Results. The substantive features of time perspective at different phases of professional training were revealed. The prevalence of temporal orientation of positive present and promising future is observed with increasing degree of students' professional training.

Research implications. The results of the study contribute to the study of the problem of constructing temporal perspectives of professional formation of a psychologist as a subject of labor.

Keywords: professional formation, time perspective, pre-professional development, professional training of a psychologist, professional development

Введение

Временная перспектива личности определяет преимущественный способ структурирования и оценки опыта в соответствии с тремя измерениями жизненного развития – прошлым, настоящим и будущим. К. Левин, размышляя о временной перспективе, считает, что это процесс и результат реконструкции индивидом, исходя из своего текущего восприятия себя и своей жизненной ситуации («настоящего»), собственного прошлого и будущего [11]. Влияние настоящего на оценку прошлого, притязания, эмоциональный фон, интенции и мотивацию будущего, а также влияние прошлого и представлений о будущем на мысли, чувства, поведение человека в его настоящем создаёт единство и непрерывность опыта, поддерживает самоощущенность личности на протяжении всего времени её жизни [11]. Ф. Зимбардо описал пять базовых ориентаций в восприятии и оценке личностью своего настоящего, прошлого и будущего: парные, содержательно сопряжённые для настоящего и прошлого («негативное» и «позитивное» прошлое, гедонистическое и фаталистическое настоящее) и единственное измерение для будущего [7]. Негативная и позитивная установки в восприятии прошлого, волюнтаризм и импульсивность в поиске позитивной стимуляции либо фаталистический настрой и пассивность в настоящем, будучи содержательно контрастными, не являются антитетичными в диспо-

зиции отношений к временным отрезкам своей жизни [18]. Любое отношение в силу своей психологической феноменологии имеет противоречивый, амбивалентный характер [11].

Ф. Зимбардо также вводит понятие сбалансированной временной перспективы, подразумевая под ним оптимальный способ восприятия времени, заключающийся в сочетании ориентации на будущее с позитивным отношением к прошлому и гедонистическому отношению к настоящему [7].

Согласно последним исследованиям, сбалансированная временная перспектива характеризуется высоким уровнем психологического благополучия (в данное понятие обычно включают: позитивные эмоции, удовлетворённость жизнью, субъективное счастье, удовлетворённость временем, осмысленность жизни, оптимизм, самоэффективность) [12], умеренной ориентацией на будущее, средней ориентацией на гедонистическое настоящее [15], при этом позитивное прошлое преобладает над негативным прошлым [22]. Для сбалансированной временной перспективы также характерны наличие жизненных целей, чувство осмысленности существования, ощущение ценности жизненного опыта, активное участие в событиях, происходящих в их жизни [15].

При том, что временная перспектива считается индивидуальной характеристикой личности [7], она может меняться на протяжении жизни под влиянием естественной личностной

динамики (возраст) [15], ситуативно-средовых и социокультурных факторов [16], жизненных кризисов [8; 10]. Человек не существует вне времени: он живёт в определённый исторический период, в конкретном обществе, подчиняется закономерностям биологического времени [20], формирует собственное отношение ко времени. Только познав и овладев собственным временем, человек может развиваться как личность и как профессионал [19]. Основываясь на структурировании, осмыслении собственного прошлого, настоящего и будущего, человек может планировать, организовывать и управлять собственным развитием [23].

Профессиональное становление личности – процесс, который характеризуется изменениями различных сторон жизнедеятельности индивида, динамикой и наличием кризисных периодов, что позволяет предположить связь содержательных и темпоральных характеристик профессионального становления с временной перспективой личности. Допрофессиональное развитие субъекта труда включает в себя две стадии: первая стадия – подготовка к профессиональному выбору; вторая стадия – профессиональная подготовка. На стадии профессиональной подготовки выделяется: фаза адаптации (1 курс); фаза освоения деятельности (2–3 курс); фаза готовности к профессиональной деятельности (4 курс) [6]. Следует отметить, что в настоящее время основная часть исследований направлена на изучение временной перспективы в подростковом возрасте в контексте проблемы профессионального и личностного самоопределения. И совсем немного исследований, касающихся юности и

молодости, когда происходит профессиональное и личностное становление в рамках выбранной профессии.

Организация исследования

Выборка. В исследовании приняли участие студенты-психологи с первого по четвёртый курс ведущих российских университетов города Москвы и центральных областей России. Из них на первом курсе обучаются 258 человек, на втором – 159 человек, на третьем – 172 человека, на четвёртом – 228 человек, общее количество испытуемых составило 817 человек.

Методики исследования

В качестве психодиагностического инструмента исследования выступила методика «Опросник временной перспективы» (ZTPI) Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной [17]. Методика стандартизирована, валидизирована, прошла адаптацию (2007 г.) на российской выборке. Достоинством методики является простота её использования, возможность оценки различных измерений временной перспективы, а также «...теоретическая основа, соединяющую мотивационные, эмоциональные, когнитивные и социальные процессы» [17, с. 70]. При помощи методики были проанализированы пять аспектов временной перспективы:

- 1) негативное прошлое (прошлое видится неприятным, связано с негативным опытом или чувствами);
- 2) позитивное прошлое (тёплое, ностальгическое отношение к прошлому);
- 3) гедонистическое настоящее (ориентация на наслаждение настоящим моментом, принятие рисков);

4) фаталистическое настоящее (склонность верить в судьбу и подчиняться ей);

5) ориентация на будущее (целенаправленная деятельность по осуществлению собственных планов).

В соответствии с этими аспектами можно выделять разные временные профили личности [15].

Результаты исследования

Особенности временной перспективы психолога как субъекта труда на этапе допрофессионального развития исследовались нами на основе профилей временной перспективы личности по Ф. Зимбардо на каждой из фаз профессиональной подготовки (адаптационной, освоения деятельности и готовности к деятельности) [6], на основании результатов диагностики временной перспективы личности по шкалам опросника ZTPI [17].

Выявление преобладающей временной ориентации (доминанты профиля временной перспективы), специфичной для каждого из этапов профессионального становления, представляет немалый интерес. Центрирование и нормирование данных корректно лишь в случае их полной многомерной нормальности; в нашем исследовании некоторые шкалы опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо распределены не в точном соответствии с гауссовым распределением (табл. 1).

Статистическое сравнение профилей временной перспективы личности студентов-психологов на разных фазах стадии профессиональной подготовки даёт возможность оценить динамику временных ориентаций. Были выявлены различия по отдельным шкалам

опросника Ф. Зимбардо. Различия подтверждены на основании непараметрических статистических критериев Краскела-Уоллиса и попарных сравнений по критерию Манна-Уитни (непараметрические методы анализа различий выбраны в связи с тем, что эмпирические данные не отвечают требованиям многомерной нормальности распределения).

Статистически достоверные ($p < 0,01$) различия выявлены при множественном межгрупповом сравнении по шкалам опросника Зимбардо «Негативное прошлое» (значение статистики хи-квадрат $\chi^2 = 21,99$, уровень значимости $p = 0,000$); «Гедонистическое настоящее» ($\chi^2 = 10,00$, уровень значимости $p = 0,007$); «Позитивное прошлое» ($\chi^2 = 30,36$, уровень значимости $p = 0,000$).

Парное сравнение профилей по критерию Манна-Уитни выявило следующее. Временная перспектива, определяемая отношением к прошлому, в фазе адаптации стадии профессиональной подготовки проявляет выраженную специфику в сравнении с остальными этапами. Показатели по шкале «Позитивное прошлое» у студентов-психологов, находящихся в фазе адаптации к профессиональному обучению, достоверно выше ($p < 0,01$), а показатели по шкале «Негативное прошлое» ниже, чем у студентов, чьё профессиональное становление проходит в фазе освоения деятельности и готовности к деятельности ($p < 0,01$, $p < 0,05$) (табл. 2). Выраженность ориентации на гедонистическое настоящее у студентов в адаптационной фазе ниже, чем в фазах освоения деятельности и готовности к деятельности ($p < 0,05$), при этом показатели ориентации на гедонистическое настоящее у студен-

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики по шкалам Опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо (русскоязычная адаптация А. Сырцовой и О. В. Митиной) в выборках студентов-психологов, находящихся на различных этапах профессионального становления / Descriptive statistics on the scales of F. Zimbardo's Personality Time Perspective Questionnaire (Russian-language adaptation by A. Syrtsova and O. V. Mitina) in samples of psychology students at different stages of professional development

Ориентации во времени	Этапы профессионального становления	N	Среднее значение	Среднеквадратическое отклонение	95% доверительный интервал для среднего значения	
					Нижняя граница	Верхняя граница
Негативное прошлое	Фаза адаптации	258	2,66	0,750	2,571	2,755
	Фаза освоения деятельности	331	2,92	0,771	2,840	3,007
	Фаза готовности к деятельности	227	2,76	0,739	2,662	2,855
Гедонистическое настоящее	Фаза адаптации	258	3,27	0,555	3,198	3,334
	Фаза освоения деятельности	331	3,40	0,537	3,348	3,464
	Фаза готовности к деятельности	227	3,37	0,496	3,309	3,439
Будущее	Фаза адаптации	258	3,50	0,601	3,427	3,574
	Фаза освоения деятельности	331	3,43	0,535	3,370	3,486
	Фаза готовности к деятельности	227	3,45	0,467	3,391	3,513
Позитивное прошлое	Фаза адаптации	258	3,81	0,490	3,753	3,873
	Фаза освоения деятельности	331	3,61	0,548	3,547	3,666
	Фаза готовности к деятельности	227	3,65	0,465	3,591	3,713
Фаталистическое настоящее	Фаза адаптации	258	2,66	0,662	2,577	2,739
	Фаза освоения деятельности	331	2,64	0,604	2,619	2,749
	Фаза готовности к деятельности	227	2,73	0,563	2,659	2,806

Источник: составлено автором.

тов-психологов в фазе освоения деятельности и готовности к деятельности не различаются на статистически значимом уровне (табл. 2).

Сопоставление профилей временной перспективы личности студентов-психологов на разных этапах профессиональной подготовки с описанными

Таблица 2 / Table 2

Результаты сравнения показателей ориентаций во времени студентов-психологов по опроснику временной перспективы личности (ZTPI) на различных этапах профессионального становления / Results of comparing the indicators of time orientation of psychology students according to the questionnaire of time perspective of personality (ZTPI - normalised and centred) at different stages of professional formation

	Сравниваемые группы	Значение статистики χ^2 критерия Краскела-Уоллиса	Сравниваемые группы	Значение статистики U критерия Манна-Уитни	Средние ранги
Временная ориентация «Негативное прошлое»	Фаза адаптации Фаза освоения деятельности Фаза готовности к деятельности	21,99**	Фаза адаптации & фаза освоения деятельности	33301,0**	229,59 258,24
			Фаза адаптации & фаза готовности к деятельности	25824,0*	258,57 323,39
			Фаза освоения деятельности & фаза готовности к деятельности	33172,0*	292,78 260,13
Временная ориентация «Гедонистическое настоящее»	Фаза адаптации Фаза освоения деятельности Фаза готовности к деятельности	10,00**	Фаза адаптации & фаза освоения деятельности	36441,5**	270,75 313,90
			Фаза адаптации & фаза готовности к деятельности	25938,0*	230,03 257,74
			Фаза освоения деятельности & фаза готовности к деятельности	36044,0	284,11 272,78
Временная ориентация «Будущее»	Фаза адаптации Фаза освоения деятельности Фаза готовности к деятельности	4,560	Фаза адаптации & фаза освоения деятельности	38605,0*	310,87 282,63
			Фаза адаптации & фаза готовности к деятельности	26879,0	252,32 232,41
			Фаза освоения деятельности & фаза готовности к деятельности	36462,0	276,16 284,37
Временная ориентация «Позитивное прошлое»	Фаза адаптации Фаза освоения деятельности Фаза готовности к деятельности	30,36**	Фаза адаптации & фаза освоения деятельности	32065,0**	336,22 262,87
			Фаза адаптации & фаза готовности к деятельности	23091,5**	267,00 215,72
			Фаза освоения деятельности & фаза готовности к деятельности	35061,0	271,92 290,55
Временная ориентация «Фаталистическое настоящее»	Фаза адаптации Фаза освоения деятельности Фаза готовности к деятельности	2,973	Фаза адаптации & фаза освоения деятельности	41584,0	290,68 298,37
			Фаза адаптации & фаза готовности к деятельности	26830,0	233,49 253,81
			Фаза освоения деятельности & фаза готовности к деятельности	35041,0	271,86 290,63

** p<0,01

* p<0,05

Источник: составлено автором.

в литературе эталонными и типовыми профилями временной перспективы показало следующее. Ф. Зимбардо и И. Бонивелл обосновали оптимальный профиль временной перспективы, обеспечивающий наиболее благоприятствующие успешному личностному функционированию ориентации во времени [18]. Так, предпочтительной, согласно Ф. Зимбардо, качественной характеристикой оптимального профиля является ситуативная гибкость, позволяющая изменять акценты во временных ориентациях в зависимости от задач ситуации: закрепления, полноценного использования достижений очередного этапа развития либо устремлённость на цели и возможности следующего отрезка жизни. Основу профиля, относительно устойчивую к ситуативным изменениям, составляет достаточно высокий (но не чрезмерный) уровень ориентации на гедонистическое настоящее, низкий уровень фаталистического настроения в отношении настоящего; умеренно повышенный, без излишней фиксации, уровень ориентации на будущее; выраженная ориентация на позитивное прошлое и низкий уровень оценки прошлого как негативного [18]. Наряду с эталонными профилями описаны типовые профили как обобщённая картина «реальных» профилей временной ориентации, полученных путем анализа обширных эмпирических массивов [12]. Эти профили варьируют в разных культурах [16]. И. Бонивелл и Е. Н. Осиным было выделено пять типов временной перспективы российских и британских студентов: гедонистический (ориентированный на настоящее); ориентированный на будущее; сбалансированный; негативный и

диффузный (фаталистический, склонный к риску; данный профиль характерен только для российской выборки) [16, с. 87]. Исследование на значительной по объёму (4751 испытуемых) выборке женщин позволило выделить шесть типичных профилей, схожих с описанными, что подтверждает устойчивость этих вариантов обобщённых профилей временной перспективы: диффузный, гедонистический, фаталистический, негативный, сбалансированный, ориентированный на будущее [16, с. 100]. Для выявления качественной специфики профилей временной перспективы студентов-психологов на различных этапах профессиональной подготовки, показатели были приведены к масштабу усреднённого «фонового» профиля по выборке апробации и стандартизации методики ЗТРИ (нормированного и центрированного). Результаты нашего исследования были переведены в размерность z-шкалы с центром шкалы, равным среднему и единицей шкалы, равной величине стандартного отклонения выборки стандартизации (табл. 3).

Профили временной перспективы студентов-психологов содержательно различаются в разных фазах профессиональной подготовки.

Профиль временных ориентаций в фазе адаптации во многом схож с «классическим» фаталистическим профилем, описанным И. Бонивелл и Е. Н. Осиным (2010), Е. А. Орлом и Е. Н. Осиным (2012): высокий уровень ориентации на фаталистическое настоящее и позитивное прошлое, низкий уровень выраженности ориентации на гедонистическое настоящее и отсутствие выраженной ориентации на будущее [1; 16]. В то же время обоб-

Таблица 3 / Table 3

Профили временной перспективы личности студентов-психологов на различных этапах профессионального становления, приведённые к размерности стандартной шкалы выборки адаптации и стандартизации ZTPI / Profiles of the time perspective of the personality of psychology students at different stages of professional formation, reduced to the dimensionality of the standard adaptation and standardization sampling scale ZTPI (normalised and centred)

Шкала опросника временной перспективы личности (ZTPI)	Адаптационный этап профессионального становления	Фаза освоения деятельности	Фаза готовности к деятельности
Негативное прошлое	-0,060	0,323	0,080
Гедонистическое настоящее	-0,596	-0,347	-0,404
Будущее	-0,021	-0,171	-0,120
Позитивное прошлое	0,306	0,023	0,085
Фаталистическое настоящее	0,722	0,774	0,871

Источник: составлено автором.

щённый профиль ориентаций во времени у студентов в этот период профессиональной подготовки не имеет однозначного противопоставления идеализированного прошлого настоящему: значения по шкалам позитивного и негативного прошлого не поляризованы, как в истинно фаталистическом профиле [4]. Прошлое воспринимается как благоприятный, но отнюдь не безоблачный период жизни: негативные моменты не отрицаются и не преуменьшаются; в то же самое время прошлое не драматизируется. Таким образом, в той своей части, что описывает ориентации на прошлое, профиль представляет промежуточный вариант между «сбалансированным» и «диффузным». В части, описывающей будущее, профиль временной перспективы студентов-психологов адапционной фазы наиболее схож с «негативным» профилем. В обобщённом профиле временной перспективы не удаётся выявить какой-либо логи-

ки соотношения ориентаций на прошлое, настоящее и будущее: тёплое, но при этом достаточно объективное отношение к прошлому; восприятие жизни в настоящем преимущественно сквозь призму ограничений, а не возможностей и жизненных радостей; неустойчивое отношение к будущему, подверженное, по всей вероятности, ситуативным влияниям. Содержание профиля можно охарактеризовать как *диссоциативно-фаталистическое*. Феномен диссоциированной временной перспективы наблюдается, как показано в исследованиях О. Г. Квасовой, в экстремальных [10; 14] и трудных жизненных ситуациях [2; 13]. Период адаптации к новой ситуации развития является кризисным для студентов, что позволяет провести определённые содержательные параллели с особенностями временной перспективы в экстремальных и трудных ситуациях.

Обобщённый профиль ориентаций во времени студентов-психологов, на-

ходящихся в фазе освоения деятельности, схож с ещё одним достаточно распространённым типовым профилем временной перспективы личности – негативным [9]. Особенностью этого профиля является отвержение прошлого; пессимистическое восприятие настоящего и эмоционально незаинтересованное восприятие будущего. Однако в негативном восприятии прошлого отсутствует последовательность и однозначность: акцент на негативных аспектах прошлого не сопровождается обесцениванием позитивно окрашенных воспоминаний: показатели ориентации на позитивное прошлое близки к фоновым в отличие от типично негативного варианта профиля, где высокие показатели ориентации на негативное прошлое сочетаются с низкими показателями ориентации на позитивное прошлое. Показатели ориентации на гедонистическое настоящее не столь низки, как в типичном негативном профиле [21]. Усиление ориентации на негативное прошлое в фазе освоения деятельности (2–3 курсы) является во многом ситуативно обусловленным, связано с мотивацией поиска травматического заряда в собственной истории личностного формирования. В соответствии с этим содержание профиля временной перспективы на этапе освоения деятельности можно определить как *псевдонегативное*.

Профиль временной перспективы, выборки фазы готовности к деятельности имеет черты переходного между профилями фазы адаптации и освоения деятельности (табл. 3). Текущая ситуация развития (обучение в вузе) близка к завершению. Новая для личности ситуация – начало самостоятельного пути в профессии требует

адаптационных усилий, что является очевидным для выпускников [3].

Выявлены особенности профиля временной перспективы обучающихся первого курса в сравнении с профилями временной перспективы студентов на более поздних этапах профессионального становления: 1) наибольшие среди всех профилей показатели ориентации на позитивное прошлое и наименьшие ориентации на негативное восприятие своего прошлого; 2) самые низкие среди трёх профилей показатели ориентации на гедонистическое настоящее; 3) более высокие в сравнении с фазой освоения деятельности показатели временной ориентации на будущее отражают, на наш взгляд, специфичные черты адаптационного паттерна управления индивидом собственными ресурсами, в том числе ресурсом хронологически организованного и категоризованного опыта («настоящее», «прошлое», «будущее»). Тенденция к недооцениванию ресурсной, поддерживающей составляющей настоящего и «примирение» с травматической составляющей прошлого опыта; упование на будущее, его более интенсивное когнитивное выстраивание и эмоциональное освоение указывают на поиск в «там и тогда» поддержки, недостающей «здесь и сейчас», неосознанное стремление «убежать» из некомфортного настоящего. Позитивный потенциал прошлого определяется главным образом тем, что даже в недавнем прошлом отсутствуют ограничения, характерные для настоящего, что создаёт контраст. В этой связи уместно вспомнить утверждение К. Левина о том, что прошлое и будущее конструируются в настоящем и исходя из нужд настоящего [11].

Временная ориентация на гедонистическое настоящее отражает установки и поведение, которые характеризуются активным поиском стимуляции, принятием риска, фиксацией на настоящем, снижением интереса к прошлому и ожиданий от будущего. Этот конструкт, который устойчиво воспроизводится в факторной структуре опросника ZTP1 на различных по социокультурным параметрам выборках [16], описывает отношение к настоящему как к наиболее благоприятствующему для реализации потребностей жизненному периоду, возможности которого (получение поддержки со стороны среды в разных способах самоудовлетворения) психолог как субъект труда настроен использовать максимально. Взаимодействие со средой носит характер постадапционного: ситуация является хорошо освоенной, наблюдается единство со средой, ограничения минимальны. Таким образом, «антигедонистическое» восприятие настоящего более вероятно в период адаптации; усиление гедонистического потенциала настоящего для индивида свидетельствует об успешно завершившейся адаптации. Полученные нами данные соответствуют этой динамике: более высокие показатели ориентации на гедонистическое настоящее у студентов, находящихся в фазах освоения деятельности и готовности к деятельности в сравнении с адаптационной фазой. Усиление характерных черт адаптационного паттерна в профиле временной перспективы фазы готовности к деятельности соответствует выходу на качественно

новый уровень профессионального развития, и, соответственно, началу нового адаптационного цикла. Таким образом, предположение о содержательных особенностях временной перспективы на разных этапах профессионального становления подтверждено эмпирическими данными.

Заключение

Необходимо отметить, что человек не существует вне времени: он живёт в определённый исторический период, в конкретном обществе, подчиняется закономерностям биологического времени, формирует собственное отношение ко времени. Только познав и овладев собственным временем, человек может развиваться как личность и как профессионал. Основываясь на структурировании, осмыслении собственного прошлого, настоящего и будущего, человек может планировать, организовывать и управлять собственным развитием [5]. Стадия профессиональной подготовки этапа допрофессионального развития личности считается началом самостоятельной сознательной жизни, т. к. в этот период актуализируются процессы рефлексии и самоанализа. Именно в этот период фактор времени впервые осознаётся и входит в самосознание. На первый план выходит будущее, появляются глобальные цели, при этом ближняя и дальняя перспектива совмещаются с трудом. Настоящее начинает восприниматься с позиции будущего как подготовка к будущей жизни.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Акименко А. К. Взаимосвязь представлений о лжи и стратегий поведения в системе социально-психологической адаптации личности: дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2008. 217 с.
2. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. 270 с.
3. Гут Ю. Н., Кабардов М. К. Особенности временной перспективы личности на этапе профессионального самоопределения // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5. № 3. С. 85–97. DOI: 10.18413/2313-8971-2019-5-3-0-7.
4. Егоренко Т. А. Психологическое сопровождение труда студентов в процессе их социально-психологической адаптации в среднем специальном учебном заведении: дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2004. 162 с.
5. Егоренко Т. А., Родина Е. М. Роль временной перспективы в профессиональном самоопределении студентов // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 4. С. 11–15.
6. Егоренко Т. А. Становление личностного компонента системогенеза психолога как субъекта труда и его психологическое благополучие на стадии профессиональной подготовки // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2023. № 4. С. 59–70.
7. Егоренко Т. А. Детерминанты профессионального становления субъекта труда – будущего психолога // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 2 (47). С. 36–42.
8. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / пер. с англ. О. Ю. Гагановой. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
9. Карабанова О. А., Захарова Е. И., Старостина Ю. А. Личностные факторы построения профессиональной карьеры в период вхождения во взрослость // Национальный психологический журнал. 2020. № 4 (40). С. 113–124.
10. Карпова Е. В., Свешникова С. Л. Временная перспектива как базовый конструкт проблемы социально-психологической адаптации личности // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 195–201.
11. Квасова О. Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации: дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 216 с.
12. Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. СПб.: Сенсор, 2000. 368 с.
13. Осин Е. Н., Орел Е. А. Возрастная динамика временной перспективы (на материале российских женщин) // Перспективные направления психологической науки. М.: НИУ Высшая школа экономики, 2012. С. 85–103.
14. Попова О. Н. Прогнозирование эффективности самоопределения личности по характеристикам сбалансированности временной перспективы // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 195–208. DOI: 10.17223/17267080/75/11.
15. Прошутинский Ю. С. Психологическая модель адаптации и дезадаптации человека в экстремальных условиях существования: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2003. 126 с.
16. Сырцова А., Митина О. В. Возрастная динамика временных ориентаций личности // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 41–54.
17. Сырцова А., Митина О. В. Феномен временной перспективы в разных культурах (по материалам исследований с помощью методики ZTPI) // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 19–31.
18. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 85–105.

19. Шилова Н. П. Особенности временной транспективы студентов среднего профессионального образования: результаты сравнительного исследования // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2022. № 1. С. 94–108.
20. Шилова Н. П. Половые различия в формировании временной перспективы в юношеском возрасте // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2023. № 3. С. 133–148.
21. Boniwell I., Zimbardo P. G. *Balancing Time Perspective in Pursuit of Optimal Functioning // Positive Psychology in Practice*. New York: John Wiley & Sons, 2004. P. 165–178.
22. Gaile A., Baumane-Vitolina I., Sumilo E. Values and career behaviours of entrepreneurs and employees // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2019. № 26 (7). P. 1607–1625.
23. McElheran J. J. N. *Time perspective, well-being, and hope: PhD thesis in Psychology*. Alberta, 2012. 106 p.

REFERENCES

1. Akimenko A. K. *Vzaimosvyaz' predstavlenij o lzhi i strategij povedeniya v sisteme social'no-psihologicheskoy adaptacii lichnosti: dis. ... kand. psihol. nauk* [Interrelation of ideas about lies and behavior strategies in the system of socio-psychological adaptation of personality: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Saratov, 2008. 217 p.
2. Berezin F. B. *Psihicheskaya i psihofiziologicheskaya adaptaciya cheloveka* [Mental and psychophysiological adaptation of a person]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 270 p.
3. Gut Yu. N., Kabardov M. K. [Features of the temporal perspective of the individual at the stage of professional self-determination]. In: *Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya* [Scientific result. Pedagogy and psychology of education], 2019, vol. 5, no. 3, pp. 85–97. DOI: 10.18413/2313-8971-2019-5-3-0-7.
4. Egorenko T. A. *Psihologicheskoe soprovozhdenie truda studentov v processe ih social'no-psihologicheskoy adaptacii v srednem special'nom uchebnom zavedenii: dis. ... kand. psihol. nauk* [Psychological support for the work of students in the process of their socio-psychological adaptation in a secondary special educational institution: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Tver', 2004. 162 p.
5. Egorenko T. A., Rodina E. M. [The role of time perspective in the professional self-determination of students]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2015, vol. 4, no. 4, pp. 11–15.
6. Egorenko T. A. [Formation of the personal component of the systemogenesis of a psychologist as a subject of labor and his psychological well-being at the stage of professional training]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and psychology], 2023, no. 4, pp. 59–70.
7. Egorenko T. A. [Determinants of the professional development of the subject of labor – the future psychologist]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and psychology], 2019, no. 2 (47), pp. 36–42.
8. Zimbardo F., Boyd J. The paradox of time: a new psychology of time that will improve your life (Rus. ed. Gatanova O. Yu., transl. *Paradoks vremeni: novaya psihologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn'*. St. Petersburg, Rech' Publ., 2010. 352 p.).
9. Karabanova O. A., Zaharova E. I., Starostina Yu. A. [Personal factors in building a professional career during the period of entering adulthood]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National psychological journal], 2020, no. 4 (40), pp. 113–124.

10. Karpova E. V., Sveshnikova S. L. [Time perspective as a basic construct of the problem of socio-psychological adaptation of the individual]. In: *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2017, no. 4, pp. 195–201.
11. Kvasova O. G. *Transformaciya vremennoj perspektivy lichnosti v ekstremal'noj situacii: dis. ... kand. psihol. nauk* [Transformation of a person's time perspective in an extreme situation: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2013. 216 p.
12. Levin K. Field theory in social sciences (Rus. ed., transl. *Teoriya polya v social'nyh naukah*. St. Petersburg, Sensor Publ., 2000. 368 p.).
13. Osin E. N., Orel E. A. [Age dynamics of time perspective (on the material of Russian women)]. In: *Perspektivnye napravleniya psihologicheskoy nauki* [Perspective directions of psychological science]. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 2012, pp. 85–103.
14. Popova O. N. [Forecasting the effectiveness of personality self-determination according to the characteristics of a balanced time perspective]. In: *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* [Siberian psychological journal], 2020, no. 75, pp. 195–208. DOI: 10.17223/17267080/75/11.
15. Proshutinskij Yu. S. *Psihologicheskaya model' adaptacii i dezadaptacii cheloveka v ekstremal'nyh usloviyah sushchestvovaniya: dis. ... kand. psihol. nauk* [Psychological model of human adaptation and disadaptation in extreme conditions of existence: Cand. Sci. thesis in Psychology]. St. Petersburg, 2003. 126 p.
16. Syrcova A., Mitina O. V. [Age dynamics of personality's time orientations]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of psychology], 2008, no. 2, pp. 41–54.
17. Syrcova A., Mitina O. V. [The phenomenon of time perspective in different cultures (based on research using the ZTPI methodology)]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology], 2007, no. 4, pp. 19–31.
18. Syrcova A., Sokolova E. T., Mitina O. V. [Methodology of F. Zimbardo from a time perspective]. In: *Psihologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics], 2007, no. 1, pp. 85–105.
19. Shilova N. P. [Peculiarities of temporal transspectivity of students of secondary vocational education: results of comparative research]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Pedagogy and psychology], 2022, no. 1, pp. 94–108.
20. Shilova N. P. [Sexual differences in the formation of time perspective in adolescence]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Pedagogy and psychology], 2023, no. 3, pp. 133–148.
21. Boniwell I., Zimbardo P. G. Balancing Time Perspective in Pursuit of Optimal Functioning. In: *Positive Psychology in Practice*. New York, John Wiley & Sons Publ., 2004, pp. 165–178.
22. Gaile A., Baumane-Vitolina I., Sumilo E. Values and career behaviours of entrepreneurs and employees. In: *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 2019, no. 26 (7), pp. 1607–1625.
23. McElheran J. J. N. Time perspective, well-being, and hope: PhD thesis in Psychology. Alberta, 2012. 106 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоренко Татьяна Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогической психологии имени профессора В. А. Гуружапова, Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: egorenkota@mgppu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Egorenko – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of the Chair of Pedagogical Psychology named after Professor V. A. Guruzhapov of Moscow State University of Psychology & Education;
e-mail egorenkota@mgppu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Егоренко Т. А. Временная перспектива психолога как субъекта труда на этапе допрофессионального развития // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 131–144.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-131-144

FOR CITATION

Egorenko T. A. Temporal perspective of a psychologist as a subject of labor at the stage of pre-professional development. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 131–144.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-131-144

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-145-158

КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И СПОСОБНОСТЬ К САМОУПРАВЛЕНИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ, ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Терещенко Н. Г., Климанова Н. Г., Шаймухаметова С. Ф.

*Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучить карьерные ориентации и компоненты способности к самоуправлению обучающихся гуманитарных направлений, ориентированных на предпринимательскую деятельность и на работу в организациях.

Процедура и методы. Использовались методики: «Опросник карьерных ориентации «Якоря карьеры» (Э. Шейн); «Способность самоуправления» (Н. М. Пейсахов); анкета для оценки выбора у студентов в будущем работать по найму или в предпринимательстве. В обработке результатов использованы критерии: Т-критерий Стьюдента (для определения достоверности различий); коэффициент ранговой корреляции Р. Спирмена (для выявления корреляционной связи). Для установления степени интегрированности качеств в структуре, выделения структурообразующих качеств, анализа «гомогенности – гетерогенности» структур были использованы методики структурного анализа – вычисление и анализ матриц интеркорреляций, «экспресс χ^2 ».

Результаты. Результаты исследования демонстрируют различия в структуре и иерархии карьерных ориентаций и их связях со способностью к самоуправлению обучающихся гуманитарных направлений, предполагающих в дальнейшем различные сферы профессиональной самореализации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Были выявлены детерминанты выбора профессионального развития и карьеры, которые различны для субъектов, планирующих дальнейшее профессиональное развитие в рамках конкретной организации или выбирающих для дальнейшей профессиональной самореализации собственный путь в предпринимательстве.

Ключевые слова: карьерные ориентации, способность к самоуправлению, субъектные детерминанты выбора профессионального развития и карьеры, предпринимательская деятельность

CAREER ORIENTATIONS AND ABILITY FOR SELF-MANAGEMENT OF STUDENTS ORIENTED ON ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES

N. Tereshchenko, N. Klimanova, S. Shaimukhametova

*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEMU),
ul. Moscovskaya, 42, Kazan, 420111, Russian Federation*

© СС ВУ Терещенко Н. Г., Климанова Н. Г., Шаймухаметова С. Ф., 2023.

Abstract

Aim. The purpose of the study is to study the career orientations and components of the ability to self-management of students in the humanities, focused on entrepreneurial activity and work in organizations.

Methodology. We used the following methods: "Career Anchors Questionnaire" (E. Shane); "The ability of self-government" (N.M. Peisakhov); a questionnaire to assess students' future choice of employment or entrepreneurship. In processing the results, the following criteria were used: Student's T-test (to determine the significance of differences); R. Spearman's rank correlation coefficient (to identify correlations). To establish the degree of integration of qualities in the structure, to identify structure-forming qualities, to analyze the "homogeneity-heterogeneity" of structures, the methods of structural analysis were used - the calculation and analysis of intercorrelation matrices, "express χ^2 ".

Results. The results of the study demonstrate differences in the structure and hierarchy of career orientations and their relationship with the ability to self-management of students in the humanities, which in the future involve various areas of professional self-realization.

Research implications. The determinants of the choice of professional development and career were identified, which are different for subjects planning further professional development within a particular organization or choosing their own path in entrepreneurship for further professional self-realization.

Keywords: career orientations, self-management ability, subjective determinants of professional development and career choice, entrepreneurial activity

Введение

Актуальность исследования определяется прежде всего тем, что проблемы карьерного самоопределения для студентов являются первостепенными, т. к. рынок труда, образовательная среда и требования к выпускникам и специалистам очень динамичны. От того, насколько правильно и точно будет определена карьерная траектория и выявлены способности к предпринимательству у студентов, зависит не только успех их жизненного пути, но и развитие предпринимательства в масштабах государства.

В современных социально-экономических условиях значимая роль отводится развитию предпринимательства и весомым является понимание роли карьерных ориентаций и способности к самоуправлению, потенциально важных в становлении предпринимателя. По мнению отечественных

учёных (Е. А. Климова, А. В. Карпова, В. Д. Шадрикова), работающих в области психологии профессиональной деятельности, для построения успешной карьеры необходимо учитывать ценностную, мотивационно-потребностную сферу личности.

Предпринимательство, безусловно, не является единственной сферой для профессиональной самореализации человека. Для многих людей важно состояться в определённой профессиональной среде, разделяя цели конкретной организации. На данное обстоятельство, на устойчивое стремление к сотрудничеству и включению в организацию, обратил внимание отечественный учёный А. Н. Занковский, обосновывая понятие «организации» как противоречивого процесса взаимодействия людей, обладающих различными (в том числе противоречивыми) целями, ценностями, мотивами,

обозначая данное противоречие как «центробежные или центростремительные тенденции», но не раскрывая механизмов¹. Именно в ценностно-смысловой сфере личности учтена стабилизирующая и развивающая роль для субъекта в организации или вне её.

Поэтому для психологического сопровождения профессионального выбора значимы мероприятия, направленные на изучение личностных потенциалов в структуре «хочу-могу-надо» (направленность, способности, востребованность) для выявления психологических особенностей, позволяющих осуществлять дальнейшее профессиональное развитие в рамках конкретной организации, разделяя её цели, или выбрать для дальнейшей профессиональной самореализации собственный путь в разных видах предпринимательства.

Выбор траектории профессионального (карьерного) развития происходит с учётом личностной концепции (внутренней, личностной структуры, объединяющей таланты, интересы, мотивы). Её важнейшими элементами выступают ценностные ориентации, обеспечивающие устойчивость и преемственность определённого типа поведения личности и деятельности, а также отражающие профессиональную направленность (В. А. Ядов, В. А. Чикер) [1; 11]. В зарубежной психологии используется в этом смысле понятие карьерных ориентаций [13]. Результаты исследований представлены концептуальными подходами, типологиями соответствия карьеры и личности, диагностическими ин-

струментами оценки характеристик субъектов профессионального выбора (Д. Сьюпер, Дж. Холланд, Е. А. Климов, М. С. Пряжников, Л. Г. Почебут и др.).

В настоящее время исследования актуализированы в связи с изучением специфики ценностей карьеры на этапе студенчества, представленном возрастно-социальной группой, наиболее чувствительной к переменам (так как в ходе отечественных реформаций значительно меняется облик студенчества, формируя новый тип личности с иной новой системой приоритетов). В выполненных исследованиях в выборках из студенческой молодёжи и школьников отмечается несформированность и слабая дифференцированность карьерных ориентаций [8; 9].

В условиях реализации карьерной стратегии в профессиональном образовании становятся особо значимыми мероприятия, направленные на мониторинг развития компонентов социально-профессиональной компетентности, включающей профессиональные ценности, отражающей возможности самоуправления, направленность на стратегию успеха, гибкость и мобильность личности в рыночных условиях. Самоуправление включает регуляторные механизмы – интегральные компоненты – постановку цели, приём и переработку информации, принятие решения, реализацию решения и контроль, благодаря которым обеспечивается воздействие на присущие человеку психические явления, деятельность и поведение (А. В. Карпов, С. С. Корсаков, Н. М. Пейсахов). Зарубежные исследования выполняются в основном в связи с изучением роли самоуправления в психическом здоровье [12; 14].

¹ Занковский А. Н. Организационная психология: учебное пособие для вузов. М.: Флинта, 2002. 648 с.

Постановка цели. Освещение результатов свидетельствует, что остаётся недостаточно раскрытым аспект содержания субъектных детерминант выбора профессионального развития и карьеры, обусловленный типом выбора будущего профессионального пути самореализации.

В теоретическом и практическом планах имеет значение расширение понимания субъектных детерминант выбора профессионального развития и карьеры, традиционно в структуру которых входят такие характеристики, как направленность, способности, востребованность профессиональных компетенций, которые и определяют осознанный выбор.

Учитывая результаты сходных исследований последних лет, выполненных в рамках системной методологии, и открытия системных влияний детерминант в профессиональной деятельности (в частности, подтверждено положение, что любая деятельность реализуется на базе системы ПВК)¹, становится возможным проведение исследования для изучения профессионального выбора карьеры.

Выполненные исследования по проблеме субъектных детерминант профессионального выбора были сосредоточены на изучении только автономного влияния психологических качеств на профессиональный выбор карьеры. Но становится очевидным, что субъектными детерминантами выбора выступает не столько уровень развития отдельных качеств в структу-

ре детерминант, сколько их взаимосвязанная совокупность.

Возникает вопрос о том, как организованы карьерные ориентации и компоненты самоуправления в структурах субъектных детерминант профессионального выбора у студентов, ориентированных на разные сферы профессиональной самореализации, такие как карьера в организации или реализация в предпринимательстве.

Исследование субъектных детерминант выбора профессионального развития и карьеры предполагает изучение как уровня развития отдельных социально-психологических качеств (карьерных ориентаций) и индивидуально-психологических (способности к самоуправлению), так и взаимосвязей, наиболее полно определяющих осознанный выбор [15].

Основную гипотезу исследования составило предположение о различиях субъектных детерминант профессионального выбора – карьерных ориентаций и компонентов способности к самоуправлению обучающихся гуманитарных направлений, предполагающих в дальнейшем различные сферы профессиональной самореализации.

Цель эмпирического исследования – изучить карьерные ориентации и компоненты способности к самоуправлению, обучающихся гуманитарных направлений, ориентированных на предпринимательскую деятельность и на работу в организациях.

Процедура и методы. В связи с поставленной целью для оценки карьерных ориентаций как части мотивационной-потребностной сферы («хочу») использовалась методика «Опросник карьерных ориентаций “Якоря карьеры”» (Э. Шейн). Для изучения способ-

¹ Психология труда / А. В. Карпов, Т. А. Башаева, Е. В. Конева, Е. В. Маркова, И. Ю. Мышкин; под ред. А. В. Карпова. М.: Владос-пресс, 2003. 352 с.

ности к самоуправлению, как части системы способностей личностного потенциала («могу»), применялся тест «Способность самоуправления» (Н. М. Пейсахов). Для выявления желания у студентов в будущем работать по найму или в предпринимательстве разработана анкета. В обработке результатов использованы критерии: Т-критерий Стьюдента (для определения достоверности различий) и коэффициент ранговой корреляции Р. Спирмена (для выявления корреляционной связи); для установления степени интегрированности качеств в структуре, выделения структурообразующих качеств, анализа «гомогенности-гетерогенности» структур были использованы методики структурного анализа – вычисление и анализ матриц интеркорреляций, «экспресс χ^2 ».

В исследовании приняли участие 73 студента в возрасте 20–25 лет, обуча-

ющиеся в Казанском инновационном университете имени В. Г. Тимирязева по гуманитарным направлениям подготовки. По результатам анкеты выборка была разделена на две группы:

- 1 группа – обучающиеся, выразившие желание работать в предпринимательской сфере;
- 2 группа – обучающиеся, данное желание не выразившие.

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам методики «Якоря карьеры» отмечается отсутствие низких значений по всем шкалам в обеих группах (рис. 1).

Сходные высокие показатели выявлены по шкалам «служение» (7,39 и 7,67) и «интеграция стилей жизни» (7,51 и 7,6). Такие результаты могут быть объяснены гуманитарным направлением подготовки обучающихся, характерным

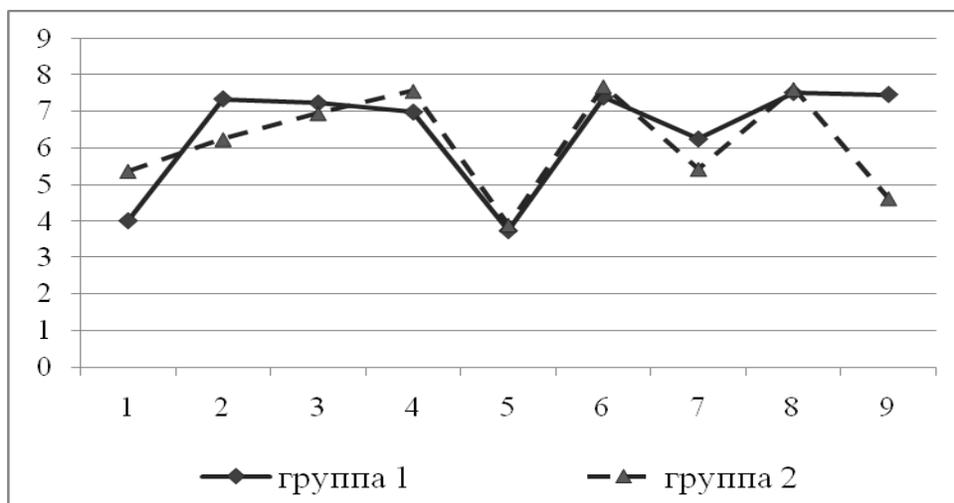

Рис. 1 / Fig. 1. Профили карьерных ориентаций обучающихся двух групп (в средних значениях) / Profiles of career orientations of students in two groups (in average values)

Условные обозначения: 1 – Профессиональная компетентность; 2 – Менеджмент; 3 – Автономия (независимость); 4 – Стабильность работы; 5 – Стабильность места жительства; 6 – Служение; 7 – Вызов; 8 – Интеграция стилей жизни; 9 – Предпринимательство.

для юношества альтруизмом и декларируемым обществом необходимостью социальной ответственности.

В группе выразивших желание связать трудовую деятельность с предпринимательством, высокие значения представлены в шкалах «менеджмент» (7,34 и 6,23; различия значимы при $P \leq 0,01$), «автономия» (7,23 и 6,94), «предпринимательство» (7,46 и 4,62; различия значимы при $P \leq 0,01$), что указывает на конгруэнтность данных карьерных ориентаций предпринимательской деятельности.

В группе обучающихся, не планирующих связывать свою трудовую карьеру с предпринимательством, высокие оценки получены по шкалам «стабильность работы» (7,55). Данная группа студентов не готова рисковать и предпочитает стабильность.

Таким образом, сравнительный анализ уровня выраженности профилей ценностей для двух групп демонстрирует минимальные различия в ценностно-смысловых образованиях (отмечены только в двух качествах из девяти; профили практически похожи), хотя данные образования реализуют «направляющую» функцию для любой социальной активности.

Результаты исследования способности самоуправления по методике Н. М. Пейсахова показали, что значения шкал, раскрывающих этапы самоуправления, находятся в среднем диапазоне; отмечаются сходство рисунка профилей. Но общая оценка уровня самоуправления (показатель 18 на рисунке 2 не представлен) значимо выше в группе обучающихся, выразивших желание связать свою трудовую деятель-

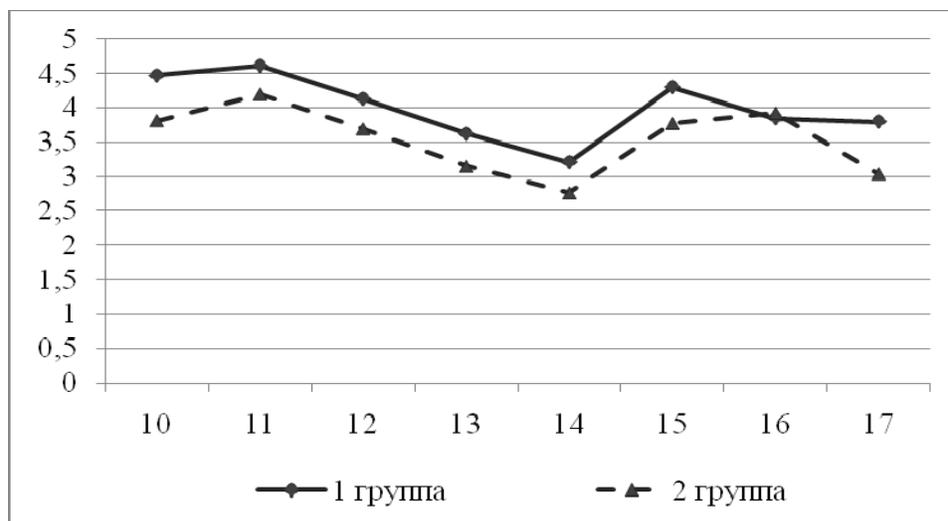

Рис. 2 / Fig. 2. Профили этапов самоуправления обучающихся двух групп (в средних значениях) / Profiles of the stages of self-government of students in two groups (in average values)

Условные обозначения: 10 – Анализ противоречий; 11 – Прогнозирование; 12 – Целеполагание; 13 – Планирование; 14 – Критерий оценки качества; 15 – Принятие решения; 16 – Самоконтроль; 17 – Коррекция.

ность с предпринимательством (31,98 и 28,31 соответственно; различия значимы при $P \leq 0,05$). Такие результаты, во-первых, свидетельствуют о сформированной системе самоуправления, а во-вторых, для первой из сравниваемых групп о проявлении более высокой рациональности и расчётливости.

Таким образом, проведённый сравнительный анализ уровня выраженности компонентов способности к самоуправлению для двух групп демонстрирует также небольшое число таких различий (только в одном случае из девяти).

Возможно, имеет место более сложная зависимость, обусловленная структурными характеристиками. Данная гипотеза методически может быть проверена с помощью метода матриц интеркорреляций и структурограмм.

Выполненный корреляционный анализ продемонстрировал:

– связь показателей карьерных ориентаций и способность к самоуправлению и различную вовлечённость этих

качеств в общую структуру для двух групп (рис. 3 и рис. 4);

– наличие качественных различий структур качеств в сравниваемых группах, что следует из статистически достоверной гетерагенности сравниваемых матриц по критерию χ^2 ;

– различия в структурированности (достоверны при $p \leq 0,01$), которая выше для первой группы (показателем когерентности для первой группы является 53, для второй – 39; показателем дифференцированности для первой группы является 8, для второй – 2) (табл. 1).

Сравнение матриц и структурограмм по количеству и значимости связей, существующих внутри подсистем, показывает, что в группе обучающихся, выразивших желание быть предпринимателем, отмечается роль процессов интеграции в сфере способности к самоуправлению, а в группе обучающихся, не выразивших желания быть предпринимателем, – в сфере способности к самоуправлению и в сфере карьерных ориентаций.

Таблица 1 / Table 1

Показатели когерентности и дифференцированности структур индивидуальных качеств обучающихся / Indicators of coherence and differentiation of the structure of student quality characteristics

Категория качеств	Группа 1		Группа 2	
	ИКС	ИДС	ИКС	ИДС
Общая	53	8	39	2
Ценности карьеры	3	0	12	2
Способности к самоуправлению	42	0	23	0
Межструктурное взаимодействие	7	8	5	0

Примечание: ИКС – индекс когерентности системы, учитывает количество и значимость положительных связей; ИДС – индекс дифференцированности системы учитывает количество и значимость отрицательных связей; были учтены связи двух уровней значимости $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$.

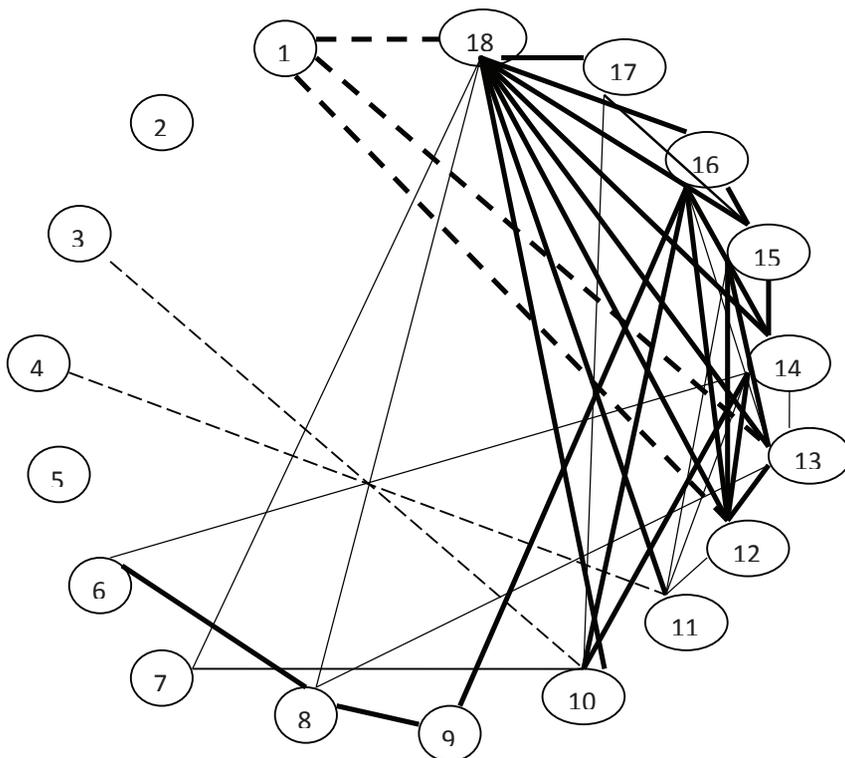

Рис. 3 / Fig. 3. Структурограмма показателей карьерных ориентаций и способность к самоуправлению группы 1 / Structural diagram of indicators of career orientations and the ability to self-government of group 1

Примечание: 1 – Профессиональная компетентность; 2 – Менеджмент; 3 – Автономия (независимость); 4 – Стабильность работы; 5 – Стабильность места жительства; 6 – Служение; 7 – Вызов; 8 – Интеграция стилей жизни; 9 – Предпринимательство 10 – Анализ противоречий; 11 – Прогнозирование; 12 – Целеполагание; 13 – Планирование; 14 – Критерий оценки качества; 15 – Принятие решения; 16 – Самоконтроль; 17 – Коррекция; 18 – общая оценка уровня самоуправления.

————— положительные связи на уровне значимости $p=0,01$;

- - - - - отрицательные связи на уровне значимости $p=0,01$;

————— положительные связи на уровне значимости $p=0,05$;

- - - - - отрицательные связи на уровне значимости $p=0,05$.

Но при этом в системе карьерных ориентаций в первой группе обучающихся отмечается наличие высокой корреляционной связи шкал «предпринимательство» и «интеграция стилей жизни» (0,394, при $p \leq 0,01$), т. е. предпринимательство не отделяется от всех других сфер жизни – семьи, про-

фессии, досуга и др. Возможно, полученные результаты объясняются конгруэнтностью формирующихся сфер в структуре личностных потенциалов обучающихся, а также, возможно, предполагаемым и привлекательным для молодёжи гибким графиком работы.

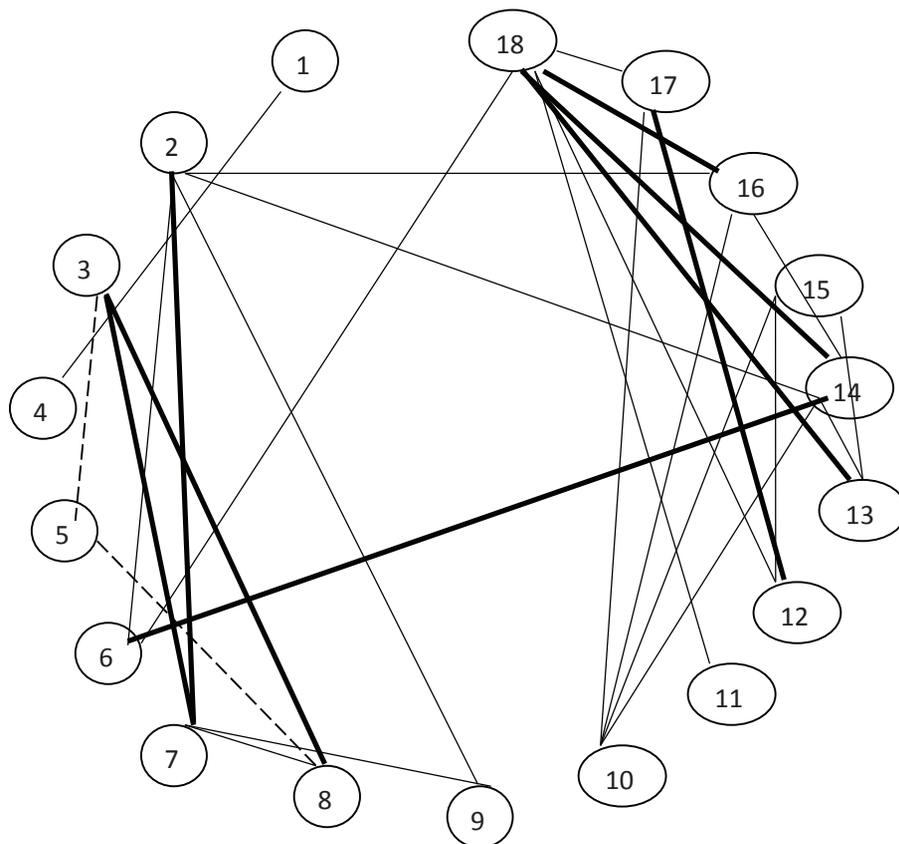

Рис. 4 / Fig. 4. Структурограмма показателей карьерных ориентаций и способности к самоуправлению группы 1 / Structural diagram of indicators of career orientations and the ability to self-government of group 1

Примечание: обозначения те же, что на рис. 3.

Во второй группе в структуре карьерных ориентаций шкала «предпринимательство» коррелирует со шкалами «менеджмент» и «вызов», т. е. для обучающихся предпринимательство – это одновременно управленческая деятельность и некий риск, который они, выразив желание связать профессиональную деятельность с работой по найму, стремятся избежать. Важно отметить, что в системе способности к самоуправлению у обучающихся обеих групп общая способность к самоуправлению имеет корреляции со

всеми входящими в её структуру компонентами.

Межструктурные корреляционные связи показывают, что наибольшее количество таких связей было получено в группе обучающихся, выразивших желание быть предпринимателями. Кроме этого, важно отметить, что это отдельные разрозненные связи. В частности, шкала «предпринимательство» имеет связи со шкалами «самоконтроль» (0,385 при $p \leq 0,01$) и «общая способность к самоуправлению» (0,348 при $p \leq 0,01$), шкала «интеграция

стилей жизни» – с «планированием» (0,328 при $p \leq 0,01$), шкала «вызов» – с анализом противоречий (0,306 при $p \leq 0,01$) и с «общей способностью к самоуправлению» (0,321 при $p \leq 0,01$), шкала «служение» – с «критерием оценки качества» (0,305 при $p \leq 0,01$). Т. е. в этом случае данные способности выступают как инструментальные качества для реализации потенциала «предпринимательства».

Деятельность в рамках предпринимательства предполагает гибкий график работы, что тоже привлекает молодёжь, в исследовании подтверждается наличием высокой корреляционной связи шкал «предпринимательство» и «интеграция стилей жизни» (0,394, при $p \leq 0,01$), т. е. предпринимательство не отделяется от всех других сфер жизни – семьи, профессии, досуга и др.

В группе не выразивших желания быть предпринимателем наблюдаются две положительные корреляции: шкалы «менеджмент» со шкалами «критерий оценки качества» (0,393, при $p \leq 0,01$) и «самоконтроль» (0,401 при $p \leq 0,01$); шкалы «служение» (0,706, при $p \leq 0,01$) – со шкалами «критерий оценки качества» и «общая способность самоуправления» (0,393 при $p \leq 0,01$). Для данной группы обучающихся для реализации карьерной ориентации «менеджмент» (как интеграции других людей и полноты ответственности за результат) ключевыми потенциалами выступают ориентация на качество и собственный контроль в деятельности.

Дальнейший анализ изучения связности компонентов карьерных ориентаций в профессиональной сфере и способностей к самоуправлению у студентов с желанием стать предпринимателем или реализоваться в работе

по найму позволил установить структурообразующие качества, которые в рамках системного анализа рассматриваются в роли детерминант. Для двух групп обучающихся таким качеством является общая оценка уровня самоуправления, занимающая первое ранговое место в общей структуре (но в котором учтен вклад различных качеств, и больший вес для этого качества отмечен в структуре качеств группы 1). На вторых ранговых местах находятся: для группы 1 – «критерий оценки качества», «принятие решения», «самоконтроль»; для группы 2 – «критерий оценки качества».

Учитывая полученный результат, отметим, что данные взаимосвязи имеют различную структуру, сформированную различными условиями. Анализ вклада внутренних условий был проведён в исследовании. Перспективу для дальнейших исследований может составить анализ различных внешних социальных условий (популярность, поддерживаемая рекламой, социальными сетями, направленными на утверждение моды на различные услуги, включая консультирование и неформальное обучение, в том числе и онлайн, тренинги; дидактические условия среды вуза – вовлечение в проекты, конкурсы, акселераторы и др.). Современные студенты делают выбор в сторону предпринимательства в виде предложения услуг. Работа через интернет, используя онлайн-платформы, облегчает и открывает новые возможности для предоставления и рекламы различных услуг. Результаты характеризуют профессиональную ориентацию карьеры, учитывающую, что профессии гуманитарных направлений подготовки в современных условиях

дают возможности сочетать профессиональные знания и навыки с предпринимательской деятельностью.

Обсуждая полученные результаты, укажем также на имеющиеся уже в литературе данные, с которыми согласуются полученные результаты данного исследования.

В ряде выполненных исследований показано, что для студентов российских вузов наиболее частой карьерной ориентацией выступают «служение» и «интеграция стилей жизни» [2; 3; 4; 6], что и прослеживается в результатах для двух групп нашего исследования. Но для обучающихся, сделавших выбор в пользу карьеры предпринимателя, кроме данных ценностей, отмечены также ценности «менеджмент» и «предпринимательство».

В исследованиях будущих предпринимателей отмечена связь интернальной социальной ответственности со шкалами методики Э. Шейна, такими как «служение» и «стабильность работы» [7].

В трудах А. О. Прохорова отмечен эмпирически выявленный результат о влиянии наработанной системы способов саморегуляции на эффективность предпринимательской деятельности [10].

Установлены структурные особенности субъектной детерминации для процессов принятия решений, а также наличие устойчивых структур выбора для реальной ситуации, детерминированных качествами личности [5].

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать следующие обобщения.

В исследовании охарактеризованы субъектные детерминанты выбора

профессионального развития и карьеры, а именно уровень развития карьерных ориентаций и способности к самоуправлению, а также связность качеств в структуре.

Для всех обучающихся гуманитарных направлений подготовки установлены типичные карьерные ориентации: «служение» и «интеграция стилей жизни».

Высокий уровень развития ценностей «менеджмент», «предпринимательство» и показателя общей оценки уровня самоуправления отмечается в профиле обучающихся, выбирающих для дальнейшей профессиональной самореализации собственный путь в разных видах предпринимательства.

Высокий уровень развития ценности «стабильность работы» отмечается в профиле обучающихся, выбирающих профессиональное развитие в конкретной организации.

Результаты исследования демонстрируют вовлечённость всех качеств в номенклатуру субъектных детерминант выбора профессионального развития и карьеры и их качественные различия для двух групп. Эти различия представлены в структуре и иерархии карьерных ориентаций и их связях со способностью к самоуправлению у студентов, предполагающих в дальнейшем различные сферы профессиональной самореализации. Показатель общей способности к самоуправлению выступает структурообразующим качеством.

Установленная связность изучаемых качеств, свойствами которой выступают когерентность и дифференцированность структур качеств должна рассматриваться также в качестве субъектной детерминанты выбора профессиональной реализации

в сфере предпринимательства или в конкретной организации. А именно интеграция в сфере способности к самоуправлению в группе обучающихся, выбирающих сферой самореализации предпринимательство, и интеграция в сфере способности к самоуправлению и сфере карьерных ориентаций в группе обучающихся, не выразивших желание быть предпринимателем.

Статья поступила в редакцию 12.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Букова Я. С., Чикер В. А. Карьерные ориентации студентов российских вузов // Мир педагогики и психологии. 2022. № 12 (77). С. 49–60.
2. Гладкова И. А. Исследование карьерных ориентаций студенческой молодежи // Управление городом: Теория и практика. 2022. № 1 (43). С. 12–16.
3. Кожевина А. П. Динамика карьерных ориентаций студентов в процессе профессионального обучения // Психология в экономике и управлении. 2017. Т. 9. № 2. С. 63–73. DOI: 10.17150/2225-7845.2017.9(2).63-73
4. Лагутина М. С. Особенности карьерных ориентаций студентов [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 6. Ч. 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/06/35800> (дата обращения: 11.01.2021).
5. Леонтьев Д. А., Фам А. Х. Как мы выбираем: структуры переживания собственного выбора и их связь с характеристиками личности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2011. № 1. С. 39–53.
6. Лесин А. М. Взаимосвязь ценностей и карьерных ориентаций студентов гуманитарных направлений подготовки // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 31. № 2. С. 170–178.
7. Мужичкова Ю. Е., Каддо П. К. Взаимосвязь личной социальной ответственности и ценностных карьерных ориентаций будущих предпринимателей // Экономическая психология и поведенческая экономика в условиях глобальных социальных и экономических изменений: материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 17–21 ноября 2021 г. / под ред. Е. В. Камневой. М.: Спутник+, 2014. С. 71–75.
8. Петрова Ю. В. Карьерные ориентации и определенность профессионального выбора у подростков с разным уровнем интернет-аддикции // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 2 (1). С. 72–81.
9. Полянская Е. Н. Карьерные ориентации современной российской молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 41–55.
10. Прохоров А. О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М.: ПЕР СЕ, 2005. 352 с.
11. Ядов В. А. Социальная идентичность личности. М.: Институт социологии РАН, 1993. 167 с.
12. Åsa Audulv. Being creative and resourceful: Individuals' abilities and possibilities for self-management of chronic illness: Akademisk avhandling för avläggande av filosofie doktorssexamen, 13 maj, 2011. Sweden: Sundsvall, 2011. 96 p.
13. Batool S. S., Saba G. Process of career identity formation among adolescents: components and factors [Электронный ресурс] // Heliyon. 2020. № 6 (9). URL: 10.1016/j.heliyon.2020.e04905 (дата обращения: 10.10.2023).
14. Steverink N., Lindenberg S. Do good self-managers have less physical and social resource deficits and more well-being in later life? // European Journal of Ageing. 2008. № 5. P. 181–190.
15. Bergner S., Auburger Ju., Paleczek D. The why and the how: A nexus on how opportunity, risk and personality affect entrepreneurial intention // Journal of Small Business Management. 2021. P. 3–34. DOI: 10.1080/00472778.2021.1934849.

REFERENCES

1. Bukova Ya. S., Chiker V. A. [Career orientations of students of Russian universities]. In: *Mir pedagogiki i psihologii* [World of Pedagogy and Psychology], 2022, no. 12 (77), pp. 49–60.
2. Gladkova I. A. [Study of career orientations of student youth]. In: *Upravlenie gorodom: Teoriya i praktika* [City Management: Theory and Practice], 2022, no. 1 (43), pp. 12–16.
3. Kozhevina A. P. [Dynamics of career orientations of students in the process of vocational training]. In: *Psihologiya v ekonomike i upravlenii* [Psychology in economics and management], 2017, vol. 9, no. 2, pp. 63–73. DOI: 10.17150/2225-7845.2017.9(2).63-73.
4. Lagutina M. S. [Features of career orientations of students]. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii* [Modern scientific research and innovation], 2014, no. 6, pt. 3. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2014/06/35800> (accessed: 11.01.2021).
5. Leont'ev D. A., Fam A. H. [How we choose: the structures of experiencing our own choice and their connection with personality characteristics]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Episode 14: Psychology], 2011, no. 1, pp. 39–53.
6. Lesin A. M. [Interrelation of values and career orientations of students of humanitarian areas of training]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2021, vol. 31, no. 2, pp. 170–178.
7. Muzhichkova Yu. E., Kaddo P. K. [The relationship between personal social responsibility and value career orientations of future entrepreneurs]. In: Kamneva E. V., ed. *Ekonomicheskaya psihologiya i povedencheskaya ekonomika v usloviyah global'nyh social'nyh i ekonomicheskikh izmenenij: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Moskva, 17–21 noyabrya 2021 g.* [Economic psychology and behavioral economics in the context of global social and economic changes: materials of the All-Russian scientific conference, Moscow, November 17–21, 2021]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2014, pp. 71–75.
8. Petrova Yu. V. [Career orientations and certainty of professional choice among adolescents with different levels of Internet addiction]. In: *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical reviews and modern research], 2022, vol. 11, no. 2 (1), pp. 72–81.
9. Polyanskaya E. N. [Career orientations of modern Russian youth]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2014, no. 2, pp. 41–55.
10. Prohorov A. O. *Samoregulyaciya psihicheskikh sostoyanij: fenomenologiya, mekhanizmy, zakonmernosti* [Self-regulation of mental states: phenomenology, mechanisms, patterns]. Moscow, PER SE Publ., 2005. 352 p.
11. Yadov V. A. *Social'naya identichnost' lichnosti* [Social identity of the individual]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1993. 167 p.
12. Åsa Audulv. Being creative and resourceful: Individuals' abilities and possibilities for self-management of chronic illness. In: *Akademisk avhandling för avläggande av filosofie doktorssexamen, 13 maj, 2011*. Sweden, Sundsvall, 2011. 96 p.
13. Batool S. S., Saba G. Process of career identity formation among adolescents: components and factors. In: *Heliyon*, 2020, no. 6 (9). Available at: 10.1016/j.heliyon.2020.e04905 (accessed: 10.10.2023).
14. Steverink N., Lindenberg S. Do good self-managers have less physical and social resource deficits and more well-being in later life? In: *European Journal of Ageing*, 2008, no. 5, pp. 181–90.
15. Bergner S., Auburger Ju., Paleczek D. The why and the how: A nexus on how opportunity, risk and personality affect entrepreneurial intention. In: *Journal of Small Business Management*, 2021, pp. 3–34. DOI: 10.1080/00472778.2021.1934849.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Терещенко Нина Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии труда и предпринимательства Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП);
e-mail: tereshenko@chl.ieml.ru

Климанова Наталья Георгиевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии труда и предпринимательства Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП);
e-mail: klimanova@ieml.ru

Шаймухаметова Светлана Фанусовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии труда и предпринимательства Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП);
e-mail: shaimukhametova@chl.ieml.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nina G. Tereshchenko – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof. of labour and business psychology department of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML);
e-mail: tereshenko@chl.ieml.ru

Natalia G. Klimanova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof. of labour and business psychology department of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML);
e-mail: klimanova@ieml.ru

Svetlana F. Shaymukhametova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof. of labour and business psychology department of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML);
e-mail: shaimukhametova@chl.ieml.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Терещенко Н. Г., Климанова Н. Г., Шаймухаметова С. Ф. Карьерные ориентации и способность к самоуправлению обучающихся, ориентированных на предпринимательскую деятельность // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 145–158.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-145-158

FOR CITATION

Tereshchenko N. G., Klimanova N. G., Shaymukhametova S. F. Career orientations and ability for self-management of students oriented on entrepreneurial activities. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 145–158.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-145-158

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
2024. № 1

Над номером работали:
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик В. А. Дворянов
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин
Корректор И. К. Глузунов

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
Сайты: www.psymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 10, уч.-изд. л. 10,25.
Подписано в печать: 07.03.2024 г. Дата выхода в свет: 12.03.2024 г. Заказ № 2024/03-01.
Отпечатано в типографии Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А